

СРЕТЕНСКАЯ  
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

---

SRETENSKY  
THEOLOGICAL ACADEMY



Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

# СРЕТЕНСКОЕ СЛОВО



**Основан в 2022 году**

**Выходит четыре раза в год**

**1**

СРЕТЕНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ  
МОСКВА  
2022

**Рекомендовано к публикации  
Издательским советом  
Русской Православной Церкви  
ИС Р22-206-0116**

**Сретенское слово** : научный журнал / Сретенская духовная академия. — Москва : Издательство Сретенской духовной академии, 2022. — № 1. — 208 с.

ISSN 2782-6066

«Сретенское слово» является научно-богословским журналом Сретенской духовной академии. Журнал создан с целью стать плодотворной средой для публикаций и обсуждения результатов современных исследований в области богословия, церковной истории и славянской филологии. В редакционный совет журнала вошли различные церковные и светские ученые, представители разных городов России и ряда иностранных государств.

Выходит четыре раза в год.

Специальности ВАК:

5.11.3. Практическая теология;

5.11.2. Историческая теология;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Статьи отбираются редакционным советом журнала на основе анонимного независимого двойного рецензирования.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

*Адрес редакции:* Сретенская духовная академия, 107031, г. Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3.

*Эл. почта редакции:* journal@sdamp.ru

*Сайт журнала:* <http://journals.sdamp.ru>

© Сретенская духовная академия, 2022

© Составление. Редакционный совет  
«Сретенское слово», 2022

T H E S C I E N C E J O U R N A L

SRETENSKY  
WORD  
(SRETENSKOE SLOVO)

**FOUNDED IN 2022**  
**FOUR ISSUES PER YEAR**

1

SRETENSKY THEOLOGICAL ACADEMY  
MOSCOW  
2022

ISSN 2782-6066

**The Edition is recommended  
by the Publishing Council  
of the Russian Orthodox Church  
IS R22-206-0116**

**Sretensky Word.** Sretensky Theological Academy. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022, no. 1. 208 p.

ISSN 2782-6066

Sretensky Word is a scientific and theological journal of the Sretensky Theological Academy. The journal aims to become a fruitful medium for publishing and discussing the results of modern research in the field of theology, church history and Slavic philology. The editorial board of the journal includes various church and secular scholars and scientists, representatives of different cities of Russia and a number of foreign countries.

Four issues per year.

Research area (according to the List of Higher Attestation Commission of RF):

5.11.3. Practical Theology;

5.11.2. Historical Theology;

5.9.5. Russian Language. Languages of the Peoples of Russia.

Articles are selected by the editorial board on the basis of double blind peer review process.

The journal is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

Editorial office address: Sretensky Theological Academy, Bolshaya Lubyanka street, 19, building 3, Moscow, 107031, Russia.

Editorial office e-mail: [journal@sdamp.ru](mailto:journal@sdamp.ru)

Website: <http://journals.sdamp.ru>

© Sretensky Theological Academy, 2022

© Preparation. Editorial Board

«Sretensky Word», 2022

# Журнал СРЕТЕНСКОЕ СЛОВО

Главный редактор, председатель Редакционного совета	протоиерей Вадим Леонов, кандидат богословия, доцент, и.о. ректора Сретенской духовной академии
Заместитель главного редактора	Л. И. Маршева, доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Федерального института родных языков народов Российской Федерации
Зав. редакцией	иеромонах Платон (Кудласевич)
Зав. отделами	протоиерей Вадим Леонов, В. М. Кириллин, Л. И. Маршева
Ответственный редактор	О. В. Антонова

## Редакционный совет

Митрополит Исаия Тамасосский (Киккотис)	кандидат богословия, Открытый кипрский университет, Кипр
Епископ Петергофский Силуан (Никитин)	кандидат богословия, доцент, ректор Санкт-Петербургской духовной академии
Архимандрит Сергей (Акимов)	доктор богословия, профессор Минской духовной академии
Протоиерей Владимир Василик	доктор филологических наук, кандидат исторических наук, кандидат богословия, профессор Санкт-Петербург- ского государственного университета
Иеромонах Тихон (Васильев)	кандидат богословия, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
А. Ю. Виноградов	доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Протоиерей Дарко Джого	доктор богословия, профессор, Православный богослов- ский факультет имени святого Василия Острожского, Университет в Восточном Сараево (Республика Сербская, Босния и Герцеговина)
Иеромонах Кирилл (Зинковский)	доктор богословия, кандидат технических наук, Николо-Угрешская духовная семинария
Иеромонах Мефодий (Зинковский)	доктор богословия, кандидат технических наук, Николо-Угрешская духовная семинария

- В. М. Кириллин** доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, профессор, Московская духовная академия
- В. П. Лега** кандидат богословия, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Московский физико-технический институт, Московский государственный лингвистический университет, Московская духовная академия
- Л. И. Маршева** доктор филологических наук, профессор, Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации
- О. В. Никитин** доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет, Петрозаводский государственный университет
- Т. С. Оболевич** Ph.D., профессор, Папский университет им. Иоанна Павла II, г. Краков (Польша)
- М. А. Пильгун** доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН
- Игумен Арсений (Соколов)** доктор богословия, главный научный сотрудник Общецерковной аспирантуры и докторантуры
- Протоиерей Вадим Суворов** доктор богословия, доцент, Коломенская духовная семинария
- С. М. Толстая** доктор филологических наук, академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
- Л. Г. Чапаева** доктор филологических наук, профессор, МПГУ

# Journal SRETENSKY WORD

<b>Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board</b>	Archpriest Vadim Leonov, PhD in Theology, Associate Professor, Acting Rector of the Sretensky Theological Academy
<b>Deputy Editor-in-Chief</b>	L. I. Marsheva, ScD in Philology, Professor, Acting Director of the Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation
<b>Head of the Editorial Office</b>	Hieromonk Platon (Kudlasevich)
<b>Heads of departments</b>	Archpriest Vadim Leonov, V. M. Kirillin, L. I. Marsheva
<b>Managing editor</b>	O. V. Antonova

## Editorial board

<b>Metropolitan Isaiah Tamasoski (Kikkotis)</b>	PhD in Theology, Open University of Cyprus
<b>Bishop Siluan (Nikitin) of Peterhof</b>	PhD in Theology, Associate Professor, Rector of the St. Petersburg Theological Academy
<b>Archimandrite Sergiy (Akimov)</b>	ScD in Theology, Professor of the Minsk Theological Academy
<b>Protodeacon Vladimir Vasilik</b>	ScD in Philology, PhD in History, PhD in Theology, Professor of St. Petersburg State University
<b>Hieromonk Tikhon (Vasiliev)</b>	PhD in Theology, Belgorod National Research University
<b>A. Y. Vinogradov</b>	ScD in Philology, PhD in History, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics
<b>Archpriest Darko Djogo</b>	ScD in Theology, Professor, St. Basil Ostrotsky Orthodox Theological Faculty, University of East Sarajevo (Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina)
<b>Hieromonk Kirill (Zinkovsky)</b>	ScD in Theology, PhD in Technical Sciences, Nikolo-Ugresh Theological Seminary
<b>Hieromonk Methodius (Zinkovsky)</b>	ScD in Theology, PhD in Technical Sciences, Nikolo-Ugresh Theological Seminary
<b>V. M. Kirillin</b>	ScD in Philology, Chief Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Moscow Theological Academy

- V. P. Lega** PhD in Theology, Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow State Linguistic University, Moscow Theological Academy
- L. I. Marшева** ScD in Philology, Professor, Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation
- O. V. Nikitin** ScD in Philology, Professor, Moscow State Regional University, Petrozavodsk State University
- T. S. Obolevich** PhD, Professor, Pontifical University of John Paul II, Krakow (Poland)
- M. A. Pilgun** ScD in Philology, Professor, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
- Hegumen Arseniy (Sokolov)** ScD in Theology, Chief Researcher at the Sts Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies
- Archpriest Vadim Suvorov** ScD in Theology, Associate Professor, Kolomna Theological Seminary
- S. M. Tolstaya** ScD in Philology, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
- L. G. Chapaeva** ScD in Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University

# СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ..... 15

## I. Практическая теология

*Жан-Клод Ларше*

Границы светского трансгуманизма и христианское предложение подлинного трансгуманизма ..... 21

*Прот. Вадим Леонов*

Исторический прецедент как богословский аргумент ..... 32

*Прот. Константин Константинов*

Деятельность мозга и природа сознания: богословский аспект ..... 50

## II. Историческая теология

*В. М. Кириллин*

Святой Александр Невский как идеальный образ правителя в поздних переработках его жития ..... 81

*В. И. Петров*

Особенности внешнеполитических отношений Галицко-Волынской Руси в XIII веке ..... 105

*Прот. Святослав Худовеков*

Святой Александр Невский и новгородские архиереи его времени .... 119

## III. Филология, агиография

*Т. Ф. Владышевская*

Почитание святого благоверного великого князя Александра Невского в русских песнопениях XVI–XVIII вв. Стилевые особенности песнопений Стилевые особенности песнопений ..... 131

*Прот. Константин Костромин*

Взаимоотношения святого благоверного князя  
Александра Невского с латинским Западом глазами  
древнерусских агиографов ..... 169

*Т. Е. Зинкевич*

Духовный мир первого русского столпника преподобного  
Никиты Переславского (XII в.) ..... 181

*Е. И. Аюпова*

Текстообразующая функция повтора  
в «Житии Александра Невского» (XIII в.) ..... 189

#### **IV. Рецензии и обзоры**

*М. А. Пильгун*

Религиозные исследования в международных  
реферативных базах данных. .... 199

# CONTENTS

Preface ..... 17

## I. Practical Theology

*Jean-Claude Larchet*

The Limits of Secular Transhumanism and the Christian Proposal  
for Authentic Transhumanism ..... 21

*Archpriest Vadim Leonov*

Historical Precedent as a Theological Argument..... 32

*Archpriest Konstantin Konstantinov*

Brain Activity and the Nature of Consciousness:  
the Theological Aspect ..... 50

## II. Historical Theology

*V. M. Kirillin*

St. Alexander Nevsky as an Ideal Image of the Ruler  
in the Later Versions of his Life ..... 81

*V. I. Petrov*

Some Features of Foreign Policy Relations  
of Galician-Volyn Rus in the XIII century..... 105

*Archpriest Svyatoslav Khudovekov*

St. Alexander Nevsky and Novgorod Archbishops of his Time..... 119

## III. Philology and Hagiography

*T. F. Vladyshevskaya*

Veneration of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky  
in Russian Chants of the XVI–XVIII centuries.

The Stylistic Features of Chants..... 131

*Archpriest Konstantin Kostromin*

The Relationship of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky  
with the Latin West through the Eyes  
of Ancient Russian Hagiographers ..... 169

*T. E. Zinkevich*

The Spiritual World of the First Russian Stylite Monk  
Nikita Pereslavsky (XII cent.) ..... 181

*E. I. Ayupova*

The Text-Forming Function of Repetition  
in the “Life of Alexander Nevsky” (XIII cent.) ..... 189

#### **IV. Reviews**

*M. A. Pilgun*

Religious Studies in International Abstract Databases ..... 199

## ПРЕДИСЛОВИЕ

**Д**орогие наши читатели!

Вашему вниманию предлагается первый номер нового научно-богословского журнала Сретенской духовной академии «Сретенское слово». В Евангелии есть известные слова Спасителя: *Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет* (Мф. 25, 29). Свт. Иоанн Златоуст объясняет эти слова так: «Кто получил дар слова и учения для пользы других и не пользуется им, тот погубит этот дар. Напротив, кто заботится о нем, получит еще больший». Следуя этим наставлениям, наш журнал создан, чтобы широкий круг исследователей, для которых познание Бога, стремление к истине, жажда познания мира как Божиего творения являются не пустыми словами, могли поделиться своими наблюдениями, размышлениями, открытиями, чтобы их знания приумножились, а читатели обогатились.

Другими словами, главная цель журнала «Сретенское слово» в аспекте содержания — стать плодотворной информационной средой для публикации и обсуждения результатов современных исследований, относящихся к основным областям богословия, церковной истории и славянской филологии; а в аспекте научного развития — стимулировать через новые публикации научно-богословскую деятельность не только Сретенской духовной академии, но также иных научно-образовательных центров, где разрабатывается актуальная богословская тематика.

В соответствии с новой номенклатурой научных специальностей, утвержденной Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118, в рамках журнала «Сретенское слово» избраны три научные специальности, которые имеют преимущественное значение в деятельности Сретенской духовной академии:

5.11.3. Практическая теология;

5.11.2. Историческая теология;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

С первого номера журнала «Сретенское слово» все статьи учитываются в РИНЦ, каждой из них присваивается международный идентификатор DOI. Кроме того, все поступающие материалы проходят двойное «слепое» рецензирование, на основании которого принимается решение о дальнейшей публикации.

С самого начала существования нашего журнала можно охарактеризовать общую позицию Редакционного совета как принцип открытости для всех исследователей — церковных и светских, чьи наработки будут соответствовать тематике данного издания и необходимому уровню научно-богословских публикаций. Поэтому в Редакционный совет журнала вошли различные церковные и светские ученые, представители разных городов России и ряда иностранных государств.

Прошедший 2021 год был насыщен церковными и научными мероприятиями, посвященными 800-летию святого благоверного князя Александра Невского. В Сретенской духовной академии также прошла международная научно-богословская конференция «Мир Александра Невского. Русь в XIII веке», где прозвучало множество интересных докладов. Некоторые из них стали основой для научных статей, вошедших в данный номер нашего журнала. Они представлены в разделе «Историческая теология» и «Филология, агиография».

Очень надеемся, что благодаря стараниям наших сотрудников и публикациям наших авторов журнал «Сретенское слово» не только не затеряется в ряду аналогичных изданий, но станет особым научно-богословским пространством с высоким уровнем изысканий авторов, помнящих, что *хотя бы кто и совершен был между сынами человеческими, без Твоей премудрости [Господи] он будет признан за ничто* (Прем. 9, 6).

*Протоиерей Вадим Леонов,  
главный редактор журнала «Сретенское слово»*

## PREFACE

**D**ear readers!

We are happy to present to your attention the first issue of the new scientific and theological journal of the Sretensky Theological Academy ‘Sretensky Word’. In the Gospel there are well-known words of the Savior: To everyone who has it will be given and multiplied, but from those who have not, what they have will also be taken away (Matt. 25, 29). St. John Chrysostom explains these words as follows: “Whoever has received the gift of the word and teaching for the benefit of others and does not use it, he will ruin this gift. On the contrary, those who take care of it will get even more”. Following these instructions, our journal was created so that a wide range of researchers, for whom the knowledge of God, the pursuit of truth, the thirst for knowledge of the world as God’s creation, are not empty words, could share their observations, reflections, discoveries, so that their knowledge would multiply and readers would be enriched.

In other words, the main goal of the ‘Sretensky Word’ journal in terms of content is to become a fruitful information environment for publishing and discussing the results of modern research related to the main areas of theology, church history and Slavic philology; and in terms of scientific development, to stimulate through new publications the scientific and theological activities of not only the Sretensky Theological Academy, but also other scientific and educational centers where relevant theological topics are being developed.

In accordance with the new nomenclature of scientific specialties approved by Order No. 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021, three scientific specialties have been selected within the framework of the ‘Sretensky Word’ journal, which are of primary importance for the activities of the Sretensky Theological Academy:

5.11.3. Practical Theology;

5.11.2. Historical Theology;

5.9.5. Russian Language. Languages of the Peoples of Russia.

From the first issue of the ‘Sretensky Word’ journal, all the papers are included in the RSCI (Russian Science Citation Index), each of them is assigned an international DOI identifier. In addition, all incoming materials undergo a double ‘blind’ peer review, on the basis of which a decision is made on further publication.

From the very beginning of the existence of our journal, the general position of the Editorial Board can be characterized as the principle of openness for all researchers, both ecclesiastical and secular, whose developments will correspond to the subject of this edition and the necessary level of scientific and theological publications. Therefore, the Editorial Board of the journal includes various church and secular scholars and scientists, representatives of different cities of Russia and a number of foreign countries.

The year 2021 was full of church and scientific events dedicated to the 800th anniversary of the Holy Prince Alexander Nevsky. The Sretensky Theological Academy also hosted the international scientific and theological conference ‘The World of Alexander Nevsky. Russia in the XIII century’, where many interesting reports were made. Some of them became the basis for scientific papers included in this issue of our journal. They are presented in the section ‘Historical theology’ and ‘Philology, hagiography’.

We very much hope that thanks to the efforts of our employees and the publications of our authors, the ‘Sretensky Word’ journal will not only not get lost among similar publications, but will become a peculiar scientific and theological space with a high level of research done by the authors who remember that, even if someone was perfect among the sons of men, without Your wisdom [Lord] he will be recognized as nothing (Book of Wisdom 9, 6).

*Archpriest Vadim Leonov,  
Editor-in-Chief of the ‘Sretensky Word’ journal*

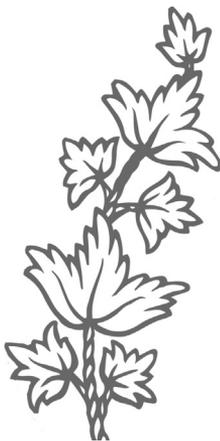
ПРАКТИЧЕСКАЯ  
ТЕОЛОГИЯ

---

I

---

PRACTICAL  
THEOLOGY





# ГРАНИЦЫ СВЕТСКОГО ТРАНСГУМАНИЗМА И ХРИСТИАНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДЛИННОГО ТРАНСГУМАНИЗМА

**Жан-Клод Ларше**

*Профессор, доктор теологии, доктор философии;  
университет Страсбурга, университет Нанси (Франция)*

larchet@orange.fr

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_21

**Аннотация.** В статье рассматривается трансгуманизм как новое значимое явление в жизни современного общества, которое претендует на реализацию древних замыслов человечества о бессмертии и блаженном существовании. Современные технологические достижения и быстрый технический прогресс создают впечатление, что многие футуристические идеи трансгуманистов близки к осуществлению. Рассматривая это явление в этическом аспекте, в контексте его исторических корней — гуманизма и рационализма, автор приходит к выводу, что трансгуманизм уменьшает долю «человечности» в этом мире и может, исходя из логики событий, в итоге привести к построению мира без людей. Недостаток фактических достижений для реализации поставленных целей трансгуманизма компенсируется построением научно-фантастических проектов, осуществление которых, по мнению автора, будет иметь ряд негативных последствий. В сравнении с христианским учением трансгуманизм выглядит как попытка человечества сделать бессмертной падшую природу, в то время как христианство смотрит на человека более реалистично, потому что ставит своей целью не радикальное перестроение природы человека, а ее преображение. Как полноценный ответ на вызов трансгуманизма автор предлагает христианское учение об обожении человека, о преображении человеческой природы под воздействием Божественной благодати.

**Ключевые слова:** трансгуманизм, христианство, антропология, христианская антропология, обожение, благодать, улучшение человека, человеческая личность, душа, бессмертие.

**Для цитирования:** Ларше, Жан-Клод. Границы светского трансгуманизма и христианское предложение подлинного трансгуманизма // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 21–31. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_21

## THE LIMITS OF SECULAR TRANSHUMANISM AND THE CHRISTIAN PROPOSAL FOR AUTHENTIC TRANSHUMANISM

**Jean-Claude Larchet**

*Professor, Doctor of Theology, Doctor of Philosophy,  
University of Strasbourg, University of Nancy (France)*  
larchet@orange.fr

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_21

---

**Abstract.** The article considers transhumanism as a new significant phenomenon in the life of modern society, which claims to realize the ancient plans of mankind about immortality and blissful existence. Modern technological advances and rapid technological progress give the impression that many futuristic ideas of transhumanists are close to implementation. Considering this phenomenon in an ethical aspect, in the context of its historical foundations—humanism and rationalism, the author comes to the conclusion that transhumanism reduces the share of “humanity” in this world and can, based on the logic of events, eventually lead to the construction of a world without people. The lack of real achievements for the realization of the goals of transhumanism is compensated by the construction of science fiction projects, the implementation of which, according to the author, will have a number of negative consequences. In comparison with Christian teaching, transhumanism looks like an attempt of the human race to make its fallen nature immortal, while Christianity looks at man more realistically, because its goal is not a radical restructuring of human nature, but its transformation, or ‘transfiguration’. As a full-fledged response to the

challenge of transhumanism, the author offers the Christian teaching about the deification of man, about the transformation of human nature under the influence of Divine grace.

**Keywords:** transhumanism, Christianity, anthropology, Christian anthropology, deification, grace, enhancement, human personality, soul, immortality.

**For citation:** Jean-Claude Larchet. The Limits of Secular Transhumanism and the Christian Proposal for Authentic Transhumanism // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No. 1. Pp. 21–31. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_21

**В** последние десятилетия в Соединенных Штатах и во всем западном мире были разработаны и распространены различные теории, относящиеся к так называемому трансгуманистическому течению. Это течение стремится выйти за пределы возможностей современного человека, что обозначается на английском языке словом *enhancement*, означающим «улучшение» или «увеличение». Как показывают эти два варианта перевода, этот выход за пределы возможен в различной степени, которая может варьироваться от разработки простого лекарства против болезней или недугов до трансформации биологического вида и создания сверхчеловека, то есть существа с такими возможностями и характеристиками, которые превосходят возможности современного человека.

## **Два основания трансгуманизма**

1. Несмотря на то что мы говорим о трансгуманизме или постгуманизме, глобальные корни этого явления лежат в гуманизме, возникшем в эпоху Возрождения и утвердившемся в XVIII в., в эпоху Просвещения, когда была сформирована концепция, которая рассматривает человека как существо, полностью независимое от Бога, для которого не существует никакого сверхъестественного Промысла, а только культурное наследие, возникающее из социальной деятельности.

2. Второе основание существенно связано с техническим прогрессом, с идеей, что при помощи новых технологий, в частности робототехники, компьютеров и генетики, человека можно улучшить, дополнить, трансформировать и превзойти; в этом смысле трансгуманизм имеет

материалистическую основу<sup>1</sup>. В трансгуманизме исходят из того, что поскольку современные технологии основаны на научном знании, то решения если не всех, то почти всех проблем человека могут быть достигнуты с помощью технического прогресса, основанного на научном прогрессе. Это мнение уходит корнями в сциентизм — философское течение, зародившееся в конце XIX в., согласно которому любая проблема человеческого существования может найти решение посредством научного знания или в настоящее время, или в будущем.

Несмотря на то что трансгуманистическое движение и, в частности, теории совершенствования стремятся быть ультрасовременными (и даже футуристическими), мы видим их истоки: они базируются на гуманизме эпохи Возрождения, рационализме Просвещения, сциентизме XIX в. и тогда же рожденном технологизме.

### **Недостатки трансгуманизма и его коррелятов в сравнении с указанными основаниями (гуманизм, рационализм, сциентизм, технологизм)**

1. Моральный идеал гуманизма подрывается трансгуманизмом таким образом, что, увеличивая долю технических аспектов в физическом и психическом функционировании людей, он в то же время уменьшает долю «человечности» и может, исходя из логики, в итоге привести к «миру без людей».

2. Научная рациональность, на которой основан технологизм трансгуманизма, подрывается в значительной степени иллюзорностью, которой в настоящее время и, вероятно, навсегда пропитан трансчеловеческий мир, более воображаемый, чем реальный. В этом отношении трансгуманизм по большей части является скорее научной фантастикой, чем наукой. В развиваемое им воображение проецируются целый ряд человеческих фантазий, например стремление к совершенству (физическому, психическому и интеллектуальному), к всемогуществу и бессмертию, к обретению новых ресурсов человека.

---

<sup>1</sup> Под материализмом мы имеем в виду идеологию, согласно которой материя сама в себе содержит принцип своего существования и эволюции, а психическая и интеллектуальная деятельность являются лишь эпифеноменами, или надстройками, материальной деятельности.

3. Трансгуманизм не видит технологических преград для предотвращения старения человеческого тела и смерти, которая является неизбежным горизонтом человеческой жизни. С одной стороны, научные проекты по замене органов дают положительные результаты, когда дело касается частей скелета (колени, плечи, бедра и т. д.) или сердца и кровообращения (клапаны, артерии и т. д.), но возникают чувствительные проблемы в случае трансплантации органов, связанные с их отторжением. С другой стороны, мы видим, что увеличение продолжительности жизни в последние десятилетия сопровождается умножением немощей и заболеваний, связанных с дегенерацией мозга (болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, деменция...) или генетическими мутациями (онкологические заболевания). Обратим внимание и на то, что ожидаемая продолжительность жизни, которая росла на протяжении XX в., в последние годы замедлила свой рост в развитых странах (в частности, из-за неблагоприятных экологических факторов) и начала снижаться в некоторых странах и частях мира; пандемия covid-19 ускорила это явление.

4. Вместо того чтобы «увеличивать» человека, как это декларируется, трансгуманизм «уменьшает» его, потому что внимание фокусируется главным образом на производительности человека или качествах тела, а следовательно, ампутируется большая часть его психического измерения и вся духовная полнота человека.

5. Улучшая психические и интеллектуальные характеристики человека, трансгуманизм рассматривает их в основном в количественном отношении, имея в силу своей техногенной природы лишь незначительное влияние на качественные характеристики. Так называемая способность выбора, осуществляемая вычислительными средствами в форме искусственного интеллекта, в основном относится к разработке классификаций и вероятностей, которые лежат в области количественной оценки. Интеллектуальные функции машин, несмотря ни на что, остаются на уровне вычислений и совершенствуются в параметрах скорости, объема обрабатываемой информации и соблюдения логических правил, заложенных изначально; но этим системам не хватает интеллекта и осознанности для глубокого понимания смысла и обращения к высшим человеческим ценностям.

6. Когда трансгуманизм нацелен на качество, как в случае с генетикой, он попадает в спорную евгеническую ситуацию и заставляет делать

выбор в зависимости от индивидуальных (таких как желание или фантазия родителей) или социальных критериев. Например, необходимость иметь больше девочек или больше мальчиков или, как мы видели во времена нацизма, желание получить чистую расу, что не только неприемлемо с этической точки зрения, но и является внешним механистическим действием по отношению к заинтересованному лицу, с которым обращаются как с объектом.

7. Самая большая слабость трансгуманизма и enhancement (улучшения) состоит в том, что в рамках данного мировоззрения проблема улучшения человеческого существа не поставлена и не решена в аспекте смысла, если улучшение выходит за пределы терапевтического восстановления. Часто непонятна ценность или просто полезность этих «улучшений».

8. Наконец, трансгуманизм (за исключением этого последнего очень специфического случая, недостаточного для возмещения вреда) представляет проблему в отношении христианской веры. Это движение, которое принимает форму идеологии, действительно позиционирует себя если не против религии, то по крайней мере в качестве замены (или эрзаца) религии, в частности, основного положения христианства: позволить каждому человеку выйти за пределы своего нынешнего состояния (его падшей природы), за высший его предел — смерть. При этом учение христианства в целом более масштабно и реалистично, чем учение трансгуманизма, а также является гораздо более уважительным к природе и личности человека.

### **1. Христианское учение более обширно, потому что:**

1) в то время как трансгуманизм и enhancement (улучшение) в основном касаются тела и, во вторую очередь, определенных психических или интеллектуальных способностей, христианское учение включает в себя все человеческое существо, то есть его три измерения — телесное, психическое и духовное — в их совокупности;

2) христианство дает человеку возможность принять непреодолимые пределы бытия (например, духовно принимать болезнь или немощь, когда она неизлечима, или страдания, когда их невозможно облегчить, или перспективу смерти и страх, который она вызывает);

3) христианский подход не только включает границы земной жизни человека между рождением и смертью, но также включает его вечную жизнь после смерти;

4) христианский подход не ограничивает человека его биологически определенной природой, его геномом (возможно, модифицированным и улучшенным), и не увеличивает его способности, которые остаются в рамках человеческой сферы (возможно, расширенной), но позволяет ему получить доступ к Божественному состоянию через его участие в Божественной энергии и стать по благодати богочеловеческим существом, то есть обоженным;

5) как указано в предыдущем пункте, для своего улучшения и для преодоления своей нынешней природы человек получает силы от Божественных энергий, другими словами, посредством нетварной благодати, которая приходит к нему от Бога и превосходит возможности природы в сравнении с тем, если бы они были улучшены с помощью различных технических методов;

6) наконец, христианский подход включает в себя возможность победить смерть и обрести после смерти вечную жизнь, а для тех, кто получит доступ к Царству Небесному, — вечную жизнь, свободную от всех болезней, повреждений и страданий и приобщенную к бесконечному благу Бога.

## **2. Христианский подход к человеку более реалистичен, чем проект трансгуманизма, потому что:**

1) он основан не на мечтаниях или научной фантастике, но исходит из того факта, что до конца света определенные характеристики падшей природы объективно непреодолимы, в частности тленность человеческого тела (в том числе болезни, старость и нейродегенерация) и сама смерть. Христианство, безусловно, поддерживает медицину в ее усилиях по ослаблению или замедлению разрушения тела и отдалению смерти, а также по повышению способности организма противостоять в максимально возможной степени тому, что ему вредит, но со своей стороны — в отношении чего медицина и другие технологии останутся навсегда бессильными — оно предлагает, как мы уже сказали, средства для духовного принятия непреодолимых пределов бытия;

2) многие религии и верования (мировоззрения) предлагали и предлагают средства духовной борьбы с болезнями, тлением и страданиями, а также веру в вечную жизнь. Но только христианство позволяет эффективно достичь этого, потому что оно основано на Воплощении Бога, на том факте, что Божественное Слово стало человеком и смогло, через

соединение в Его Личности Божественного и человеческого, принести спасение людям, то есть избавить их от всех последствий первородного греха: страстности (главной формой проявления которой является страдание), тления и смерти.

**3. Христианский подход к человеку сохраняет в большей степени уважение к человеческой природе и личности, потому что:**

1) в то время как трансгуманизм хочет изменить геном человека, христианство не изменяет человеческую природу по своей сути, поскольку она была создана Богом, а, наоборот, наполняет ее глубоким конечным смыслом и полностью реализует ее возможности. Бог вложил эти возможности в человека (то, что прп. Максим Исповедник называл «логосами»), избавив его только от посторонних элементов, которые были внесены грехом и падением и которые исказили его функционирование и изменили его способ существования;

2) христианство не рассматривает человека как объект, подчиненный чуждым ему общественным целям, но требует полного участия его совести и его свободной воли.

## **Заключение**

В заключение подчеркнем, что трансгуманистическое течение в целом представляет собой секуляризованную, гуманистическую и материалистическую замену (эрзац) христианского подхода к человеку в аспекте выхода за пределы существующей природы. В наше время трансгуманизм воплощает миф о Прометее и в своих высших амбициях воспроизводит грех Адама, который заключался для человека в самообожествлении, то есть в желании быть совершенным существом и всемогущим, другими словами — богом отдельно от Бога и без Бога, за счет своих собственных физических и интеллектуальных сил. И все это с целью беспрепятственного наслаждения своим телом и своими собственными способностями в рамках этого мира.

Однако, будучи христианином, все-таки возможно проводить enhancement (улучшение и увеличение человека) для целей преодоления болезней и немощей (что также достигается естественным путем, без поддержки какой-либо идеологии). С другой стороны, трансгуманистический проект невозможно поддерживать в его иллюзорном стремлении

преодолеть материальными средствами пределы падшей природы, которая до конца времен неизбежно подвергается физическому разрушению и смерти. Невозможно также поддержать трансгуманизм в его стремлении создать нового человека, в значительной степени дегуманизованного и обезличенного и подчиненного целям, определяемым либо индивидуальным эгоизмом, который является частью страстей падшей природы, либо коллективными интересами экономических групп, либо идеологиями, чьи фантазии пытаются удовлетворить посредством созданий опасных иллюзий об идеале совершенного человека и ценой серьезных разочарований.

Столкнувшись с этими неприемлемыми с этической точки зрения, в значительной степени тщетными попытками упразднить падшую природу и охватить своим воздействием все человеческое существо и его существование, следует помнить и свидетельствовать о том, что христианство, поскольку оно обладает благодатной силой, дарованной человечеству Христом Богочеловеком, является единственным истинным трансгуманизмом.

*Перевод С. А. Верховцева*

## Литература

*Jean-Claude Larchet.* [La divinisation comme projet et modèle chrétiens du perfectionnement et de l'augmentation de l'homme]. Dans Marc Feix et Karsten Lehmkuhler (éd.), *Homme perfectible, homme augmenté*, hors-série de la Revue d'éthique et de théologie morale, 2015, no. 286, pp. 181–197.

*Jean-Claude Larchet.* [Déification (ou Divinisation), dans P. Sbalchiero (éd.)]. Dictionnaire des miracles et de l'extraordinaire chrétiens, Paris, Éd. Fayard, 2002, pp. 213–215.

*Jean-Claude Larchet.* La divinisation de l'homme selon saint Maxime le Confesseur, Paris, Éd. du Cerf, 1996, 755 p.

*Jean-Claude Larchet.* Théologie de la maladie, Paris, Éd. du Cerf, 3e éd., 2001. Traduction russe: *Болезнь в свете православного вероучения*. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016.

- Jean-Claude Larchet*. Thérapeutique des maladies spirituelles, Paris, Éd. du Cerf, 6e éd., 2013. Traduction russe: Исцеление духовных болезней : Введение в аскетическую традицию Православной Церкви. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2018.
- Jean-Claude Larchet*. Le chrétien devant la maladie, la souffrance et la mort, Paris, Éd. du Cerf, 2002.
- Jean-Claude Larchet*. La vie après la mort selon la Tradition orthodoxe, Paris, Éd. du Cerf, 2e éd., 2004. Traduction russe: Жизнь после смерти согласно Православной Традиции. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2017.
- Jean-Claude Larchet*. Dieu ne veut pas la souffrance des hommes, Paris, Éd. du Cerf, 2e éd., 2008. Traduction russe: Бог не хочет страдания людей. Москва : Паломник, 2014.
- Jean-Claude Larchet*. Théologie du corps, Paris, Éd. du Cerf, 2009. Traduction russe: Человеческое тело в свете православного вероучения. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2021.
- Jean-Claude Larchet*. Pour une éthique de la procréation. Éléments d'anthropologie patristique, Paris, Éd. du Cerf, 1998.
- Jean-Claude Larchet*. Une fin paisible, sans douleur, sans honte... Un éclairage orthodoxe sur les questions éthiques liées à la fin de la vie, Paris, Éd. du Cerf, 2010.
- Jean-Claude Larchet*. Théologie de la maladie, Paris, Éd. du Cerf, 3 éd. 2001. Traduction russe: Болезнь в свете православного вероучения. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016.
- Jean-Claude Larchet*. Thérapeutique des maladies spirituelles, Paris, Éd. du Cerf, 6e éd., 2013. Traduction russe: Исцеление духовных болезней : Введение в аскетическую традицию Православной Церкви. Сергиев Посад : Изд-во Московской духовной академии, 2018.
- Jean-Claude Larchet*. Le chrétien devant la maladie, la souffrance et la mort, Paris, Éd. du Cerf, 2002.
- Jean-Claude Larchet*. La vie après la mort selon la Tradition orthodoxe, Paris, Éd. du Cerf, 2e éd., 2004. Traduction russe: Жизнь после смерти согласно православной традиции. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2017.

*Jean-Claude Larchet.* Dieu ne veut pas la souffrance des hommes, Paris, Éd. du Cerf, 2e éd., 2008. Traduction russe: Бог не хочет страдания людей. Москва : Паломник, 2014.

*Jean-Claude Larchet.* Théologie du corps, Paris, Éd. du Cerf, 2009. Traduction russe: Человеческое тело в свете православного вероучения. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2021.

*Jean-Claude Larchet.* Pour une éthique de la procréation. Éléments d'anthropologie patristique, Paris, Éd. du Cerf, 1998.

*Jean-Claude Larchet.* Une fin paisible, sans douleur, sans honte... Un éclairage orthodoxe sur les questions éthiques liées à la fin de la vie, Paris, Éd. du Cerf, 2010.

# ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК БОГОСЛОВСКИЙ АРГУМЕНТ

**Прот. Вадим Леонов**

*Кандидат богословия, доцент;*

*Сретенская духовная академия (Россия)*

posad@inbox.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_32

---

**Аннотация.** При обсуждении различных богословских вопросов очень часто база аргументов каждой из сторон включает в себя ряд прецедентов из церковной истории, относящихся к авторитетному лицу или месту, которые обладают определенным атрибутом святости. При сопоставлении различных исторических прецедентов нередко возникает противоречивая картина, которая нуждается в согласовании и выяснении истины. Подходы к решению данного вопроса разрабатывались в западной средневековой схоластике, но они неприменимы в современном богословском дискурсе по ряду причин. Многие современные теологи, указывая на возрастающую значимость историко-контекстуальных исследований, не предлагают способа разрешения возникающих противоречивых исторических выводов, имеющих прямое отношение как к богословию, так и к церковно-практической жизни, что подталкивает современных авторов к догматическому релятивизму и даже адогматизму. В данной статье на основе существующих богословских методологических исследований предлагается конкретный способ решения этой проблемы. В частности, предлагаются принципы анализа церковно-исторических прецедентов, позволяющие определить их значимость для обоснования богословских высказываний: вероучительный, исторический и принцип церковной рецепции. С помощью трех конкретных примеров в статье продемонстрирован способ применения данных принципов и представлены соответствующие богословские выводы, позволяющие сохранить высокую значимость исторических исследований, но не приводящие к противопоставлению истории и истины.

**Ключевые слова:** богословие, догматическое богословие, контекстуальная теология, церковная история, прецедент, богословская методология, церковная рецепция.

**Для цитирования:** Леонов В., прот. Исторический прецедент как богословский аргумент // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 32–49. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_32

## HISTORICAL PRECEDENT AS A THEOLOGICAL ARGUMENT

**Archpriest Vadim Leonov**

*PhD in Theology, Associate Professor,  
Sretensky Theological Academy (Russia)*  
posad@inbox.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_32

---

**Abstract.** When discussing various theological issues, a number of precedents from church history is often used by each side — precedents relating to an authoritative person or place that have a certain attribute of holiness. When comparing various historical precedents, a contradictory picture often arises, which needs to be coordinated and clarified. Approaches to solving this issue were developed in Western medieval scholasticism, but they are inapplicable in modern theological discourse for a number of reasons. Many modern theologians, pointing to the increasing importance of historical and contextual research, do not offer a way to resolve the conflicting historical conclusions that arise in this case and that are directly related to both theology and church-practical life, which pushes modern authors to dogmatic relativism and even adogmatism. In this article, based on existing theological methodological studies, a specific way to solve this problem is proposed. In particular, a number of principles of the analysis of church-historical precedents are suggested which allow determining their significance for the validation of theological statements: the doctrinal principle, the historical one, and the principle of church reception. Using three concrete examples, the article demonstrates the way of applying these principles and presents relevant theological conclusions that allow

retaining the high importance of historical research but do not lead to the confrontation of history and truth.

**Keywords:** theology, dogmatic theology, contextual theology, church history, precedent, theological methodology, church reception.

**For citation:** Leonov V., archpr. Historical Precedent as a Theological Argument // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 32–49. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_32

## Введение

Ткань церковной жизни соткана из множества событий, священнодействий, поступков, решений, которые часто приходится обосновывать, защищать или опровергать и в качестве аргумента использовать некие примеры из прошлого. Обычным явлением в богословских рассуждениях являются фразы: «Так поступали древние христиане», «Так делали в России до революции», «Так совершают богослужение на Афоне» и подобные им. Постоянно в богословском дискурсе приводятся аргументы из византийской практики или раннехристианской истории, которые должны обосновать позицию современного исследователя и убедить оппонентов, что она верная. Для кого-то исторические прецеденты кажутся весомыми, особенно если они относятся к древнему периоду христианской жизни, другие предпочитают примеры, подобранные по географическому признаку, национальному или по иным мотивам. В церковной жизни очень часто исторические прецеденты используются как аргументы для обоснования своей позиции, для подтверждения существующей традиции или изменения ее, используются они и для обоснования богословских высказываний. В ходе подобных дискуссий стороны часто предъявляют значительное количество исторических свидетельств, а истина остается непроясненной, потому что полностью проигнорировать набор прецедентов каждой стороны кажется невозможным, но и совместить их не удастся. Неизбежно возникает вопрос о корректности использования тех или иных исторических прецедентов как богословских аргументов. Для его решения необходимо выяснить методологические критерии использования церковных прецедентов как аргументов, что весьма важно для формирования богословской культуры мышления.

Различные аспекты богословской методологии, включая методологию богословских дискуссий, давно уже являются предметами исследований, но преимущественно этим занимались представители западного христианства. Особое внимание этой теме уделяли средневековые схоласты, из которых выделяется испанский епископ Мельхиор Кано (1509–1560). В своем трактате «De locis theologicis libri duodecim» он выделил десять основоположений (локусов), которые, по его мнению, должны применяться в богословских дискуссиях в следующем иерархическом порядке: 1) свидетельства Священного Писания; 2) свидетельства устного Предания, восходящие ко Христу и апостолам; 3) авторитет Церкви; 4) авторитет церковных соборов, «в первую очередь Вселенских»; 5) авторитет Римской Церкви; 6) учение древних святых отцов; 7) авторитет богословов-схоластов и знатоков канонического права; 8) доводы «естественного разума» — данные точных наук; 9) авторитет философов, «следующих естественному разуму», и юристов, состоящих на службе у светских правителей; 10) авторитетные свидетельства из «человеческой истории» [Сапо 2006].

Эта система аргументации содержит интересные идеи, но во многих аспектах не согласуется с православным мировоззрением (особенно в интерпретации локусов со 2-го по 9-й), однако комментирование данных расхождений выведет нас за рамки темы данной статьи. Несомненный интерес для нас представляет вопрос о том, как М. Кано интерпретирует исторические аргументы, расположив их на последнем месте в своей иерархии.

Если выразиться кратко, то для него исторические аргументы имеют значение в богословских дискуссиях, если они: 1) не подлежат сомнению в аспекте достоверности, что обеспечивают чаще всего «священные авторы» (*autores sacri*) и четкое следование трем правилам историографии [Ibid.: 347]; 2) подтверждаются более авторитетной аргументацией (соответствуют локусам-аргументам со 2-го по 9-й) [Ibid.: 348]. М. Кано также фиксирует важный принцип богословских дискуссий, который приняли и оппоненты католиков — лютеране: противодействовать аргументу можно только на одном уровне, т. е. против цитаты из Писания можно возражать только цитатой из Писания и т. д. Таким образом, в западном богословии историческая аргументация обрела свое место в рамках богословских дискуссий. Несмотря на то что ей досталось последнее

место, она стимулировала развитие исследований в области церковной истории как в среде католиков, так и в среде протестантов [Андронов 2011: 210].

Постепенно историческая аргументация стала занимать более значимое место в западном богословском дискурсе. Многие теологические работы как протестантов, так и католиков стали довольно серьезными историческими исследованиями, что сопровождалось развитием тезиса о влиянии внешних условий на формирование теологических идей.

В XX в. кардинал Вальтер Каспер, формулируя современный метод догматического богословия в рамках католической традиции, говорит о сосуществовании в нем двух методологий — рациональной и исторической, но разрешение конфликтных выводов он предлагает уже не в стиле М. Кано и его последователей. Он призывает освободить исторические исследования от догматического доминирования, что, как ему кажется, стало причиной теологического кризиса в XX в.: «Мой вопрос заключается в следующем: возник ли кризис в значительной степени из-за того, что люди пытались обременить исторические исследования задачей предоставления догматических доказательств, — задачей, которую историческое исследование не в состоянии выполнить? Историческая методология не может претендовать на то, чтобы продемонстрировать один окончательный авторитет среди множества авторитетов; только теология “глазами веры” может предпринять нечто, чтобы сделать это. Более того, исторический подход также неправильно использовался теологией в чисто апологетических целях <...> Мы должны принять другой взгляд на вещи. Мы должны уважать запутанное разнообразие традиций в том виде, в каком оно сформировалось в истории. Мы должны учитывать изменения и различия в истории как позитивную силу. Только таким образом у нас может появиться шанс объединить наше понимание веры, ныне ослабленной и зашедшей в тупик, в единое целое» [Kasper 1969: 38–39]. В определенном смысле В. Каспер предлагает подчинить догматику истории, признаваясь при этом, что субъективизм в восприятии истории может стать ненадежным основанием для богословских выводов, которые по природе своей связаны с Откровением. В своих выводах он выходит на уровень догматического релятивизма, указывая, что вероучительные определения «не могут претендовать на то, чтобы перекрыть дорогу к истине, которая лежит перед нами; их цель состоит в том, чтобы держать

эту дорогу открытой и проходимой перед лицом интерпретаций, которые будут препятствовать ей» [Ibid.: 43].

Большое значение историческому материалу в рамках своего «трансцендентального метода» придавал другой католический теолог — Бернард Лонерган, отмечавший при этом массу проблемных аспектов в исторической методологии [Лонерган 2010: 218–257]. Постепенно возникло целое направление — «историческая теология», где исторический контекст рассматривается как важнейший фактор становления богословского знания как по форме, так и по содержанию [McGrath 2013: 12].

На фоне бурных историко-филологических исследований и мощных социальных процессов в XX–XXI вв. возникают многочисленные направления контекстуальной теологии, где историческая, культурная, социальная среда становления богословских идей рассматривается как определяющее условие для конечного содержания теологических высказываний [Степанова 2021]. Таким образом, контекстуально-историческая аргументация стала занимать, если не господствующее, то крайне влиятельное положение в сфере интерпретации богословского знания, что во многом привело к возникновению в западном теологическом дискурсе не только внеконфессионального, но и адогматичного богословия.

В православном богословии значение исторических исследований и соответствующей исторической аргументации также возрастает из года в год, но столь радикальное доминирование контекстуально-исторического фактора, если не обращать внимания на небольшие частные работы [Калаицидис 2012], пока не наблюдается. Несомненно, эта тенденция обоснованная и во многих своих проявлениях положительная. Однако если не будет выработана методика использования исторического материала в православном богословии, то можно легко спрогнозировать, что через несколько лет результаты будут аналогичны тому, что наблюдается на Западе, — история поглотит богословие.

Данная методологическая проблема пока еще не решена в рамках православных богословских исследований, но в них обозначены ее важные аспекты. Известный патролог Жан-Клод Ларше, указывая на большую значимость исторических исследований, подчеркивает, что «обращение к фактам само по себе не позволяет добиться исторической

объективности. Ведь факты должны быть выстроены иерархически, а это подразумевает частичную субъективность историка. Такая субъективность дает себя знать также в определении причин <...> Субъективность вовлекается — наконец и прежде всего — в процесс интерпретации» [Ларше 2021: 55]. Поэтому он предлагает быть предельно аккуратным в осуществлении богословских и нравственных выводов на основании только исторического материала. В целом он выделяет перекокс в «историзм» как негативную черту современной западной теологии [Там же: 74–75].

Общий подход к анализу различных культурных и исторических явлений обозначен в предлагаемом свящ. К. Польсковым научном богословском методе, суть которого заключается в «соотнесении культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции, с целью выявления его предельных (сотериологических) смыслов» [Польсков 2010: 95]. В своей статье он не затрагивает вопросов о том, как необходимо поступать, если разнообразие «культурно-исторических явлений» входит в противоречие с «нормой религиозного сознания». В целом данный богословский метод поддержал и постарался развить П. Б. Михайлов, не входя в детали разрешения возникающих противоречий между историей и истиной [Михайлов 2014].

В иных публикациях, прямо или косвенно относящихся к данной теме, мы не обнаружили метода решения указанной проблемы, поэтому попытались самостоятельно выработать и сформулировать основные его положения и проиллюстрировать его применение на конкретных примерах.

### **Исторический прецедент в развитии**

Начать данное небольшое рассуждение удобно, если обратить взгляд в сферу литургики, поскольку вся богослужебная жизнь Православной Церкви соткана из исторических прецедентов: Иерусалимский устав, Студийский устав, древнерусская или византийская практика, все богатство национальных традиций вплоть до евангельских событий — все это частично или полностью отразилось в православном богослужении.

Важнейшее таинство Церкви (таинство Евхаристии) также основано на историческом прецеденте — Тайной Вечери, совершенной Господом нашим Иисусом Христом. Однако если бы мы имели возможность

наблюдать первую Тайную Вечерю в Сионской горнице и сравнили бы ее с современной литургией, то сложно было бы говорить о тщательном воспроизведении древнего события. Между современной литургией и той процессальной Трапезой мы бы нашли массу внешних различий и минимум сходств. И тем не менее Церковь свидетельствует о внутреннем тождестве одного и другого, потому что духовная суть Тайной Вечери — соединение верующих со Христом через причащение истинных Телу и Крови Господа, — эта суть сохраняется в Церкви неизменно. Следовательно, внешние формы могут меняться в силу различных причин, но при одном условии: не должна повреждаться духовная сердцевина таинства. Отсюда следует первый важный, на наш взгляд, вывод: прецедент в жизни Церкви не означает строгого внешнего копирования древности, но сохранение Божественного дара, который может передаваться в подходящих внешних формах, доступных изменению.

При этом можно привести массу примеров древних практик благочестия, которые не получили своего развития в позднейшей истории: агапы, оглашение в течение сорока дней Великого поста, обряд духовного усыновления, театрализованные действия на евангельские темы в богослужебном контексте и т. д. Следовательно, церковный прецедент, даже древний и подтвержденный авторитетом святости, по каким-то основаниям может быть отвергнут или значительно изменен по своей внешней форме. По каким причинам? Что здесь позволительно, а что нет? Это сложные важные вопросы, которые требуют аккуратного и взвешенного решения. Для выработки подхода к их решению рассмотрим те сферы церковной жизни, где методология аргументации проработана достаточно четко, — это, прежде всего, догматическое богословие.

## **Аргументация в догматическом богословии**

Если обратиться к классическим курсам «Догматического богословия» [митр. Макарий (Булгаков) 1883; еп. Сильвестр (Малеванский) 1891, прот. Н. Малиновский 1903], то для обоснования или опровержения какого-либо вероучительного утверждения вся богословская аргументация ими выстраивается в следующем иерархическом порядке:

1. Свидетельства Священного Писания.
2. Постановления Вселенских Соборов.

3. Постановления Поместных соборов, решения которых воспринято всей полнотой Православной Церкви.

4. Принцип *consensus patrum*.

5. Соответствие с главными положениями вероучения Церкви (триадо-логическая, христологическая, сотериологическая аргументация).

В этих работах иногда использовались ссылки на научные положения своего времени, но они имели иллюстративный характер и в силу существенного изменения научной картины мира в значительной степени утратили свою актуальность. В количестве иерархически представленных аргументов и особенно в их содержании хорошо заметно существенное различие православного подхода и католического, выраженного М. Кано.

Способы применения аргументов, относящихся к первым четырем пунктам, достаточно хорошо известны, поэтому на них мы останавливаться не будем. Поясним пятый пункт, который может вызывать затруднения. Его можно проиллюстрировать на примере полемики святых отцов с Аполлинарием Лаодикийским, считавшим, что Бог Слово воспринял неполную человеческую природу, без человеческого ума, который был замещен Божественным Логосом. Эту еретическую идею свт. Григорий Богослов опроверг, указывая на ее несоответствие основным положениям православной сотериологии: «Если кто понадеялся на человека, не имеющего ума, то он действительно не имеет ума и недостоин быть всецело спасен, ибо не воспринятое не уврачевано; но что соединилось с Богом, то и спасется» [PG 37, 184]. Подобная богословская аргументация широко применялась в святоотеческой полемике.

Однако очень часто в качестве аргумента в церковной полемике используются исторические прецеденты, связанные с именами святых людей или локальной церковной традицией, т. е. действия, поступки, высказывания, эпизоды из жития того или иного святого отца или решение, принятое на Поместном соборе, еще не получившем общецерковную рецепцию. За богатую церковную историю таких прецедентов накопилось изрядное количество. В дискутируемых темах нередко можно подобрать авторитетные прецеденты и для одной, и для другой стороны. При этом прецеденты часто различны не только во второстепенных деталях, но и в весьма существенных моментах, и сразу возникает вопрос: как к этому относиться? Какому прецеденту доверять

больше и считать истинным, а какой нужно отвергнуть, особенно если возникает потребность сделать практические выводы для современности? Для решения этих вопросов необходимы богословские методологические критерии.

В качестве иллюстрации рассмотрим несколько проблемных примеров.

Первый пример возьмем из духовных поучений одного известного святого старца. Прочитируем фрагмент его диалога с духовным чадом: «Геронда, что будет с теми жителями Северного Эпира, которые умирают некрещеными? — Э-э, большинство из них были крещены своими родителями воздушным Крещением. А многие в тех странах приняли воздушное Крещение от нянечек или медицинских сестер в родильных домах. Я знаю случай, когда одна медицинская сестра крестила младенца в тазу с водой. Бог видел расположение этой женщины...» [Паисий Святогорец, прп. 2005: 134]. Переводчик беседы сделал следующий комментарий в примечаниях: «По греческой практике, если жизни новорожденного некрещеного младенца угрожает непосредственная опасность, над ним может быть совершено так называемое воздушное Крещение. Любой христианин (или христианка) берет младенца на руки и трижды изображает им в воздухе крестное знамение, произнося слова: “Крещается раб Божий (имярек) во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа Аминь”. Если младенец умирает, то он считается крещеным, если он остается в живых, то, по решению Синода Элладской Церкви, таинство Крещения повторяется над ним полностью» [Там же: 134–135].

Этот исторический прецедент, сопряженный с именем святого подвижника, вызывает ряд вопросов: как эту практику согласовать со словами Господа нашего Иисуса Христа: *если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5)? Как согласовать такое аэрокрещение с каноническими нормами Церкви, что крестить надо обязательно в воде троекратным погружением? Как быть с описанием апостольской практики Крещения из Дидахэ, где перечислены различные варианты водного крещения, но о воздушном нет ни слова [Учение двенадцати Апостолов 2003: 42]? Кроме того, если указанное двусмысленное решение Элладского Синода реально существует, то как оно согласуется со словами Символа веры «исповедую едино Крещение во оставление грехов»? Как вообще таинство Крещения может быть столь двусмысленным:

если человек умер, то его аэрокрещение действительно, а если выжил, то оно недействительно?

Следующий пример касается понимания таинства Елеосвящения, которое в современной трактовке часто преподносится как совершаемое, прежде всего, для отпущения забытых грехов. Прецеденты такого толкования прослеживаются со второй половины XIX в., но в те времена этот смысл не считался главным, таинство совершалось прежде всего во исцеление души и тела и было сопряжено с таинством Покаяния [Амвросий Оптинский, прп. 2017: 128]. Теперь же оно часто преподносится как таинство во избавление от забытых грехов, и такое толкование начинает доминировать над всеми остальными объяснениями. Поэтому в наше время православные храмы наполнены в дни Соборования людьми, которые никогда не исповедовались, не молились, не каялись, но пришли «очиститься» от забытых грехов. Легко предположить, что поток этот не иссякнет, потому что забывать грехи — дело нехитрое, но какой смысл в этом, если такие люди получают ложное успокоение, но реального изменения с ними так и не произойдет?

Еще один пример исторического прецедента, который подталкивает к неоднозначным церковным выводам, — фрагмент из жития прп. Георгия Хозевита (конец VI — начало VII в.). Составитель этого жития Антоний, ученик прп. Георгия, рассказывает, что «преподобный имел обычай в воскресные дни после всенощного бдения посылать юношу Зинона в Иерихон за просфорами на тот случай, если кто-либо придет в этот день в монастырь для молитвы. Как-то раз Зинон во время Евхаристии стоял близ алтаря и слышал слова молитвы, которую читал прп. Георгий, освящая Дары, и он запомнил их. В одно из воскресений, возвращаясь с просфорами из Иерихона, Зинон размышлял об этих словах. В это время сошел Дух Святой и освятил и просфоры, и юношу. Преподобному же Георгию, который в это время отдыхал после всенощного бдения, явился ангел и сказал: “Встань, пресвитер, и соверши Преждеосвященную службу над тем приношением, которое несет юноша, ибо оно освящено”» [Житие и подвизания... Георгия Кипрского 1899: 64–65].

Если этот случай использовать как авторитетный прецедент для богословских выводов, то из него следует, что таинство Преложения Святых Даров могут совершить и миряне, если они произнесут евхаристические молитвы. Неизбежно возникают следующие вопросы: насколько такой

вывод корректен и приемлем для Церкви? Можно ли из него выбирать то, что нравится, и игнорировать то, что не нравится? Как относиться к этому случаю в целом? На основании этого эпизода можно вообще поставить под сомнение необходимость священства в Церкви.

Указанные недоумения можно прояснить, если разобраться с еще более важным методологическим вопросом: если мы считаем некий исторический прецедент подлинным, должны ли мы принимать его всегда в полном объеме? Если же он содержит сомнительные моменты, то не должны ли мы проигнорировать такой пример, даже если он сопряжен с именами святых людей и в конкретной полемической ситуации поддерживает нашу позицию?

Ряд подобных прецедентов можно было бы продолжить, но очевидно, что проблема здесь не в частных случаях, но методологическая. Не может весь объем церковного опыта быть равно авторитетным, даже если он сопряжен с великими именами, местами, храмами, монастырями и событиями.

## Принципы анализа прецедентов

Какие же принципы могли бы помочь дифференцировать все это многообразие и выделить из него общезначимый церковный опыт, который и достоин называться Священным Преданием Православной Церкви? На наш взгляд, они должны быть следующими.

**1. Вероучительный принцип.** Господь наш Иисус Христос, прежде чем совершить Тайную Вечерю и дать пример для всех поколений христиан, разъяснил духовный смысл этого таинства: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье* (Ин. 6, 54–55). Зная духовный смысл Евхаристии, ученики Спасителя не боялись уже изменять внешние формы таинства, бережно сохраняя его исходное духовное содержание.

Применяя этот принцип к анализу различных случаев церковной жизни, можно сказать, что каждый прецедент должен быть, как стекло под лучами солнца, просвечен вероучительными истинами Православной Церкви. Любой случай, рассматриваемый для богословской аргументации, необходимо прежде всего соотнести с догматами Церкви как

в аспекте содержания, так и в плане проистекающих вероучительных и нравственных последствий. Если согласие между вероучением и содержанием исторического примера будет несомненным, то, конечно же, его можно использовать. Если же он входит даже частично в противоречие с учением Церкви, то не надо бояться отказывать такому прецеденту в учительной авторитетности, не подвергая сомнению его фактическую реальность. Он не может стать основой для подражания, даже если он сопряжен с личностью святого человека или с традициями некоего благодатного места или известного храма и крупного монастыря.

В свое время этот конфессиональный принцип отношения к историческому наследию достаточно смело выразил выдающийся историк Церкви В. В. Болотов, заявивший, что «конфессионализм историка есть явление вполне естественное и не противное научной объективности...» [Болотов 1994: 30]. Он даже настаивал, что «если историк придет к убеждению, что церковь его не имеет основания исторического, не есть истинная, и он должен отвергнуть ее и перейти в другую, признаваемую им истинной, православной <...> историк обязан отказаться от своего вероисповедания, если пришел к убеждению, что истина не на стороне его церкви» [Там же: 32]. Именно в таком контексте для В. В. Болотова исторический аргумент является основополагающим для богословия, потому что подлинная история нерасторжима с Божественной истиной.

В Православии нет принципа непогрешимости, закрепленного за кем-либо или чем-либо в тварном мире. Все люди, даже святые, делали ошибки как в древности, так и сейчас, ибо нет человека, который не согрешил бы (см. 3 Цар. 8, 46; 2 Пар. 6, 36; ср.: Еккл. 7, 20). Но верующий христианин способен их признавать пред лицом засвидетельствованной Истины, а неверующий человек будет популяризировать свои оригинальные идеи даже вопреки богооткровенным положениям христианства. Это особенно актуально в наши дни, когда в сферу богословия вошли специфические научные принципы работы, в рамках которых движение вперед осуществляется через отрицание или реформирование фундаментальных положений прошлого. При такой установке использование исторических прецедентов становится очень удобным средством для размывания целостного, лучше даже сказать, целомудренного учения Церкви и продвижения своих «открытий».

**2. Исторический принцип.** К рассмотрению и в качестве аргументации могут приниматься только те церковные примеры, историческая подлинность которых достаточно обоснованна и убедительна для всех дискутирующих сторон. Применение этого принципа научной достоверности в силу своей очевидности не требует особого комментария.

**3. Принцип церковной рецепции.** Конкретный прецедент должен опираться не только на авторитетное имя (или имена), но и восприниматься в церковной традиции именно как аутентичный, заслуживающий доверия и имеющий значение для христианской традиции. Случаи из жизни святых людей, являющиеся сугубо индивидуальными, невоспроизводимыми в дальнейшей истории, не могут быть полноценным церковным примером для подражания или ориентиром для перестроения существующих принципов жизни. Данный принцип — это аналог научной верификации.

Если вышеперечисленные примеры кратко проанализировать на основе указанных принципов, то обнаруживается следующее:

1. Случай с аэрокрещением при догматическом анализе обнаруживает противоречие с Евангелием и, в частности, со словами Христа о необходимости крещения «от воды и Духа», с апостольской практикой крещения, с канонами Церкви, противоречит Символу веры, поэтому он не может быть взят за основу принятия новых церковных решений. Есть основания усомниться и в исторической точности воспроизведенных деталей как в отношении содержания беседы, так и в отношении постановления Синода Элладской Церкви. Соответственно, и говорить о церковной рецепции здесь неуместно. Другими словами, в этом случае нарушены все три принципа.

2. Во втором примере обнаруживается следующее. Если в таинстве Елеосвящения отпущение грехов возможно без сознательных покаянных усилий со стороны человека, но лишь в силу того, что над ним прочитали молитвы и помазали святым маслом, то не только таинство Покаяния, но и в целом принцип покаяния как основа христианской духовной жизни ставится под большое сомнение. Зачем совершать этот тяжелый внутренний труд, когда можно просто забыть свои грехи, а сделать это очень легко, прийти на Соборование, и тебе все простится? Кроме того, указанное понимание Елеосвящения не прошло церковной рецепции, то есть не соблюдены первый и третий принцип.

3. Пример с юношей Зиномом, якобы нечаянно освятившем Святые Дары, ставит под сомнение необходимость священства в Церкви и допускает возможность Преложения Святых Даров мирянами просто через точное произнесение евхаристических молитв, что низводит молитвенное обращение к Богу до магического ритуала, зависящего от внешнего исполнения. Здесь явно обозначается проблема магического подхода к Евхаристии, что является прямым противоречием первому принципу. Кроме того, в данном случае нарушен и третий принцип, поскольку такое понимание действенности евхаристических молитв никогда не принималось Православной Церковью.

Таким образом, все рассмотренные исторические прецеденты не могут быть убедительными богословскими аргументами для совершения изменений в современной церковной жизни, поскольку обнаруживают значительное несоответствие вероучению Церкви, историческому принципу достоверности (отчасти) и не прошли церковную рецепцию.

## Выводы

Из всего вышесказанного следуют выводы в отношении исходного вопроса о корректности использования тех или иных исторических прецедентов как аргументов в богословских рассуждениях.

1. Несомненно, что церковно-исторические прецеденты являются важным элементом жизни Церкви и основой для формирования ее Священного Предания.

2. Однако то или иное церковно-историческое событие не может рассматриваться как пример для подражания или доказательный аргумент, если оно: 1) противоречит вероучению Церкви, 2) сомнительно в историческом плане, 3) носит сугубо индивидуальный характер.

## Источники

*Амвросий Оптинский, прп.* Собрание писем. Козельск : Изд-во Введенского ставропигиального мужского монастыря «Оптина пустынь», 2017. 768 с.

*Паусий Святогорец, прп.* Слова. Семейная жизнь. Т. IV. Москва : Издательский дом «Святая гора», 2005. 328 с.

Житие и подвизания иже во святых отца нашего Георгия Кипрского, иже в Хузиве // Палестинский патерик. Вып. 9 / пер., ред., коммент. И. В. Помяловского. Санкт-Петербург, 1899. 70 с.

Учение двенадцати Апостолов // Писания мужей апостольских / пер. прот. В. Асмуса. Москва, 2003. С. 25–63.

*Canó M. De locis theologicis* / ed. Juan Belda Plans J. Madrid : Biblioteca de Autores Cristianos, 2006.

[PG 37, 184] — *Gregorii Nazianzeni. Epistola ad Cledonium I* // *Patrologia cursus completes* / ed. J. P. Migne. Series graeca. Paris, 1862. Vol. 37. Col. 184.

## Литература

Андронов И. Е. Учение о локусах и методология истории в XVI ст. // Вестник Нижегородского университета. Нижний Новгород. 2011. № 5 (1). С. 205–211.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Москва, 1994. Т. 1. 234 с.

Калаицидис П. От «возвращения к отцам» к необходимости современного православного богословия // Страницы : Богословие. Культура. Образование. 2012. Т. 16. № 3. С. 326–353.

Ларше Ж.-К. Что такое богословие? Методология православного богословия в его практике и преподавании / пер. с фр. Н. Петуховой и др. Москва : Паломник, 2021. 175 с.

Лонерган Б. Метод в теологии. Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 400 с.

Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие : В 2 т. 4-е изд. Санкт-Петербург, 1883.

Малиновский Н., прот. Очерк православного догматического богословия : В 2 ч. Ставрополь-Губернский, 1903.

Михайлов П. Б. История и истина : возможности взаимодействия богословской и исторической методологий // Вестник ПСТГУ : II (История). История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 109–122.

Польсков К., свящ. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 93–101.

Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт Православного догматического богословия (с историческим изложением догматов): В 5 т. Киев, 1891.

Степанова Е. Теология в контексте : подлинность частного как вызов универсальности христианской истины. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39 (2). С. 7–37.

Kasper W. The Methods of Dogmatic Theology. NY; Toronto; Amsterdam; London : Paulist press Deus books, 1969.

McGrath, A. E. Historical Theology : An Introduction to the History of Christian Thought. West Sussex : John Wiley & Sons Ltd, 2013.

## References

Andronov I. E. [The doctrine of loci and the methodology of history in the XVI century]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta, 2011, no. 5 (1), pp. 205–211. (In Russ.)

Bolotov V. V. *Lektsii po istorii Drevnei tserkvi* [Lectures on the history of the Ancient Church]. Moscow, 1994. 234 p.

Kalaitisidis P. [From the “return to the Fathers” to the necessity of Modern Orthodox Theology]. Stranitsy: Bogoslovie. Kul'tura. Obrazovanie, 2012. Vol. 16, no. 3, pp. 326–353. (In Russ.)

Kasper W. The Methods of Dogmatic Theology. NY, Toronto, Amsterdam, London, “Paulist press Deus books” Publ., 1969.

Larshe Zh.-K. *Chto takoe bogoslovie? Metodologiya pravoslavnogo bogosloviya v ego praktike i prepodavanii. Per. s fr. N. Petukhovi i dr.* [What is theology? Methodology of Orthodox theology in its practice and teaching. Per. with fr. N. Petukhova et al.] Moscow, “Palomnik” Publ., 2021. 175 p.

Loneragan B. *Metod v teologii* [Method in theology.]. Moscow, “Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy” Publ., 2010. 400 p.

- Makarii (Bulgakov), mitr. *Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie: V 2 t. Izdanie 4-e* [Orthodox Dogmatic Theology: In 2 vols. Edition 4-e.]. Saint Petersburg, 1883. 598 p.
- Malinovskii N., prot. *Ocherk pravoslavnogo Dogmaticheskogo bogosloviya: V 2 ch.* [An essay on Orthodox Dogmatic Theology: In 2 ch.]. Stavropol'-Gubernskii, 1903. 738 p.
- McGrath, A. E. *Historical Theology: An Introduction to the History of Christian Thought*. West Sussex: John Wiley & Sons Ltd, 2013.
- Mikhailov P. B. History and truth: possibilities of interaction of theological and historical methodology. *Vestnik PSTGU : II Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, Vol. 5 (60), 2014, pp. 109–122.
- Pol'skov K., svyashch. Concerning the question of the scientific theological method. *Voprosy filosofii*, № 7, 2010, pp. 93–101.
- Sil'vestr (Malevanskii), ep. *Opyt Pravoslavnogo dogmaticheskogo bogosloviya (s istoricheskim izlozheniem dogmatov): V 5 t.* [The experience of Orthodox Dogmatic theology (with a historical exposition of dogmas): In 5 vols.]. Kiev, 1891.
- Stepanova E. *Theology in context: the Authenticity of the Particular as a Challenge to the Universality of Christian Truth. Introduction*. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom, 2021, № 39 (2), pp. 7–37.

# ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЗГА И ПРИРОДА СОЗНАНИЯ: БОГОСЛОВСКИЙ АСПЕКТ

**Прот. Константин Константинов**

*Кандидат богословия, кандидат биологических наук,  
доцент Санкт-Петербургской духовной академии,  
старший научный сотрудник Института  
экспериментальной медицины РАМН (Россия)  
synhros@yandex.ru*

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_50

**Аннотация.** Выяснение связи деятельности мозга с сознанием является актуальной проблемой нейробиологии и философии сознания. Сложность этой проблемы обусловлена принципиально разными свойствами физических процессов и субъективных явлений. Нейрофизиологические исследования показали, что субъективные феномены сопряжены с синхронной электрической активностью нейронных ансамблей коры головного мозга, где содержание субъективного феномена определяется сетевыми координатами одновременно возбужденной группы нервных клеток. Однако возникает вопрос: каким образом физический процесс возбуждения нервных клеток превращается в ощущение, субъективный, переживаемый феномен? Главная проблема видится в том, что все субъективные феномены всегда при- сущи первому лицу, они субъектны, личностны, ктойны, в то время как все физические процессы принципиально объектны, неличностны. Редукция личностности к сумме физических процессов невозможна. Следовательно, невозможно объяснить сознание на основе только нейрофизиологических явлений. Для объяснения перехода от деятельности мозга к сознанию не хватает важного фактора — личностности. Личностность является сущностью сознания. Осмысление природы личностности возможно только в контексте богословия. В статье делается предположение, что природой личностности является благодать. Предлагается метафизическая модель сознания, в которой физиче-

ские процессы, происходящие на нейронном уровне и определяющие содержание субъективных феноменов, выполняют роль «зеркала» по отношению к исходно данной благодати, которая, будучи «отраженной» мозговыми процессами, и является нашим сознанием.

**Ключевые слова:** сознание, душа, мозг, ощущение, богословие, благодать, нейрон, нейросети, нейронная активность, потенциал действия, личность, личностность.

**Для цитирования:** *Константинов К., прот.* Деятельность мозга и природа сознания // Сретенское слово. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. № 1. С. 50–78. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_50

## BRAIN ACTIVITY AND THE NATURE OF CONSCIOUSNESS: THE THEOLOGICAL ASPECT

**Archpriest Konstantin Konstantinov**

*PhD in Theology, PhD in Biology*

*Associate Professor at the St. Petersburg Theological Academy*

*Senior Researcher at the Institute of Experimental Medicine of the RAMS (Russia)*

*synhros@yandex.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_50

---

**Abstract.** Elucidation of the connection between brain activity and consciousness is an urgent problem in neurobiology and philosophy of consciousness. The complexity of this problem is due to fundamentally different properties of physical processes and subjective phenomena. Neurophysiological studies have shown that subjective phenomena are associated with synchronous electrical activity of neural ensembles of the cerebral cortex, where the content of the subjective phenomenon is determined by the network coordinates of a simultaneously excited group of nerve cells. However, the question arises: how does the physical process of excitation of nerve cells turn into a sensation, a subjective, experienced phenomenon? The main difficulty is seen in the fact that all subjective phenomena are always ‘in the

first person', they are subject-oriented (or 'who-oriented'), personal, while all physical processes are fundamentally objective (object-oriented), non-personal. The reduction of personality to the sum of physical processes is impossible. Therefore, it is impossible to explain consciousness on the basis of neurophysiological phenomena alone. To explain the transition from brain activity to consciousness, an important factor is missing — 'personality factor', which is the essence of consciousness. Understanding the nature of personality factor is only possible in the context of theology. The article makes an assumption that the nature of personality factor is grace. A metaphysical model of consciousness is proposed, in which the physical processes that occur on a neuron level and determine the content of subjective phenomena act as a "mirror" in relation to the initially given grace, which, being "reflected" by brain processes, is our consciousness.

**Keywords:** consciousness, soul, brain, sensation, theology, grace, neuron, neural networks, neural activity, action potential, personality, personality factor.

**For citation:** Konstantinov K., archp. Brain Activity and the Nature of Consciousness // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 50–78. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_50

## Проблема связи деятельности мозга с сознанием

Пожалуй, никто не сомневается в том, что сознание связано с деятельностью мозга, но каким образом эта связь осуществляется? Этот вопрос, известный как психофизиологическая проблема, задается уже несколько веков, если не тысячелетий. В чем его пафос? Ведь нет интриги подобной силы в вопросе «каким образом кровообращение связано с деятельностью сердечно-сосудистой системы» или «как связаны процессы пищеварения с деятельностью желудочно-кишечного тракта». Почему нет, почему два последних вопроса несравнимы по масштабу неразрешимости, по ощущению глубины тайны с первым вопросом? Потому что все части этих последних вопросов находятся в плоскости одной науки — физиологии, конечно, еще биохимии и биофизики и ряда вспомогательных дисциплин, но что место их в плоскости естествознания — это точно, а методология естествознания известна: наблюдение, эксперимент, измерение, повторяемость, верифицируемость. Так, в случае исследования

кровообращения, пищеварения или других телесных функций не возникает неразрешимых проблем в осуществлении указанных методологических пунктов. Конечно, есть технические сложности при работе с малыми пространственно-временными масштабами, в которых реализуют свою деятельность клетки организмов (это микроны и миллисекунды), или при выявлении веществ, действующих в очень низких концентрациях (несколько молекул на клетку), есть проблемы в интеграции сведений, полученных на разных уровнях исследований: субклеточном, клеточном, организменном. Но эти проблемы решаемы по мере технологического развития. Здесь нет принципиальных препятствий: вещественное может быть измерено.

Однако сознание неизмеряемо. Каким образом неизмеряемое может быть произведено измеряемым? Впрочем, похожие проблемы есть в квантовой физике, где существуют некоторые принципиальные (не технологического уровня) трудности в измерении (например, принцип неопределенности Гейзенберга), загадочность которых вдохновляет исследователей наводить мосты между сознанием и квантовым миром. Это вполне можно допустить. Фон Нейман [Нейман 1964], а также известные эксперименты с отложенным выбором [Авченко 2015] дают основания думать, что сознание может влиять на квантовый мир, но их сближение и связь не дают удовлетворительного решения проблемы сознания.

## **Внутренний мир и субъективные феномены**

В данной работе наша цель — наметить контекст дискурса, в котором может быть определена связь деятельности мозга с сознанием. Главный тезис, который обосновывается в статье, следующий: решение проблемы сознания, понимание природы сознания возможно только в богословском контексте. В рамках философии невозможно найти согласованную позицию в объяснении сознания, это следует из обзоров по данной теме в работах В. В. Васильева [Васильев 2009, 2014], А. Ревонсуо [Ревонсуо 2013] и др., но это возможно в богословии и философии религиозной.

Для вступления в рассмотрение данной темы зададимся вопросом: кто лучше всего исследовал сознание? С православной точки зрения ответ очевиден — преподобные отцы, пустынники, аскеты, исихасты. Это доказывается плодами их деятельности: святостью, богообщением, владением своей физической природой, способностью всемерно управлять

своим сознанием. В контексте святоотеческого богословия термин «сознание» имеет прямую связь с понятием «душа». Чуть ниже будет дано уточнение, каким образом эти понятия соотносятся, а пока отметим, что это родственные явления.

Термин «душа» практически изгнан из естественно-научного дискурса, так как имеет выраженную религиозную коннотацию. Во многих случаях его заменяет термин «сознание», но важно, что своим смыслом оба термина указывают на существование внутреннего мира. Исходя из этого, рабочее определение выглядит так: сознание — это внутренний мир, но, в отличие от слова «душа» (термина, который имеет более широкий спектр значений [Равази 2012], но которым также обозначают наличие внутреннего мира), сознание — это, скорее всего, актуализированный внутренний мир, который переживается сейчас как текущее состояние души. Словосочетание «внутренний мир», в свою очередь, — это метафора, которая указывает не на вещественное наполнение организмов (буквально то, что находится внутри организма), а на совокупность субъективных феноменов, таких как, например, ощущения, эмоциональные переживания, размышления, волевые устремления и пр. Святые отцы описали эти субъективные феномены, разделив их на три группы и обозначив как три силы души: 1) разумная, 2) раздражительная и 3) желательная [Леонов 2016; Ларше 2007]. Обращаясь к естественно-научной терминологии, к нейрофизиологии, три силы души могут быть соотнесены с такими явлениями, как: 1) анализ (включая планирование и прогнозирование), 2) восприятие и 3) действие (поведение). Сразу заметим, что эти явления хорошо согласуются с общими принципами морфофункциональной организации мозга: наличием сенсорных, ассоциативных и моторных структур [Лурия 2002].

Для исследования природы сознания и выявления связи сознания с деятельностью мозга, на наш взгляд, нет необходимости в анализе всех субъективных феноменов. Достаточно одного, самого простого и очевидного, который, однако, является выражением субъектности как таковой и на котором можно проследить путь от физических событий до явлений внутреннего мира, ведь основная задача нашего исследования заключается в понимании природы субъектности и ее связи с деятельностью мозга. В интерпретации великого русского физиолога И. П. Павлова этот вопрос звучит так: «каким образом материя мозга производит субъективное

явление?» [Павлов 1951: 247]. Задумываясь над этим вопросом, сразу хочется задать следующий: а материя (пусть даже такая высокоорганизованная, как нервная ткань) способна ли произвести субъективный феномен? По факту сенсорный раздражитель, действуя на мозг, провоцирует ощущение. То есть вопрос И. П. Павлова оправдан: мозг производит субъективное явление. Но на протяжении веков до сегодняшнего дня исследователи данной проблемы не могут предложить такую организацию вещества, такие алгоритмы, которые способны физическое явление преобразовать в субъективный феномен. Более того, не прослеживается принципиальная возможность такого преобразования. Минимальная задача данной работы заключается именно в том, чтобы увидеть эту невозможность. Еще раз подчеркнем, что нет необходимости в исследовании всех субъективных феноменов. Рассмотрим одно относительно простое свойство души — ощущение.

Перед тем как перейти к анализу ощущений, необходимо решить один предварительный вопрос: какие существа обладают сознанием? Учитывая то, что в последнее время усиливаются тенденции признания у растений адаптивного и разумного поведения и, следовательно, возможности у них субъективных феноменов [Calvo et al. 2020], вопрос об уточнении биологических границ сознания чрезвычайно важен. Неверифицируемость сознания, что отмечалось еще русскими философами (смотрите, например, работу А. И. Введенского, указывавшего на отсутствие объективных признаков одушевленности [Введенский 1892]), не позволяет провести научно обоснованную границу в сфере обладания живыми существами внутреннего мира. Таким образом, формальное естественно-научное доказательство наличия или отсутствия сознания у растений не представляется возможным, что может быть поводом к многочисленным спекуляциям на эту тему.

Ориентиром в этом вопросе может быть Священное Писание, где сказано: *И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, — вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так* (Быт. 1, 29–30). Учитывая то, что речь идет о рае, где нет страданий, мы не можем предположить, чтобы растения испытывали страх и боль при употреблении их в пищу. По слову святителя Василия

Великого, «в природе не было раздора, ибо она пребывала в полном цветении; охотники еще не губили [животных], ибо такого занятия [как охота] у людей еще не было. И звери никого не терзали, ибо не были плотоядны. У коршунов обычай кормиться трупами: тогда же не было еще ни трупов, ни трупного запаха, и пища коршунов была иная. Но все жили, как лебеди, и кормились на лугах» [Василий Великий 2008]. Обратим внимание: «охотники еще не губили животных», т.е. охота — это губительство, убийство, следовательно, страдание. Но слово «убийство» неприменимо к растениям, употребление их в пищу благословлено Богом и не может быть сопряжено со страданием. А страдание — это выраженный субъективный феномен. Таким образом, мнение об отсутствии субъективных явлений у растений можно считать вполне богословски обоснованным. Более того, обратим внимание на следующие строки Священного Писания: *И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной* (Быт. 1, 20). Здесь впервые употребляется слово «душа». В данном случае контекст слова «душа» может указывать на наличие внутреннего мира, а не жизненной силы или просто жизни (часто подразумеваемый смысл), ибо по отношению к растениям (очевидно — живым), созданным раньше животных, данное слово употреблено не было. Сказанное позволяет сделать следующий вывод: растения не имеют души-сознания, а пресмыкающиеся, птицы, рыбы, животные и, конечно, человек обладают субъективными феноменами.

Если обобщить вышесказанное, то следует сказать, что многоклеточные существа, способные к целенаправленному поведению, сопряженному с адресным и управляемым перемещением в пространстве и, следовательно, обладающие специализированными аппаратами для реализации этих свойств — нервной системой, могут иметь внутренний мир. Подчеркнем необходимость нервной системы как специализированного клеточного образования, сугубые клеточные свойства которого обеспечивают возможность целенаправленного, адаптивного поведения живых существ. Таким образом, сознание может быть связано с активностью и морфологическими особенностями именно таких (нервных) клеточных форм. Если мы принимаем, что субъектностью обладают не все биологические существа, а как минимум имеющие нервную систему, то возникает необходимость выяснения: в чем особенность нервной ткани, что ее отличает от других клеточных структур?

## Нейробиология ощущения

В настоящей работе нет необходимости в подробном изложении различных сведений о нейробиологии. Можно попробовать вычленить основные свойства и явления, происходящие в нервной системе, которые максимально близки к субъективным феноменам и которые принято рассматривать как корреляты сознания. Вернемся к ощущениям и рассмотрим зрительное восприятие. Психофизиология зрительного восприятия на сегодняшний день хорошо изучена. Уточним, что в данной работе речь идет о человеке и высших млекопитающих со своими особенностями строения нервной системы, например наличием коры больших полушарий. Однако отсутствие коры, например у головоногих моллюсков, не является критерием исключения их из списка обладающих субъективными феноменами. У них другой тип гистологической организации нервной системы, но базовые принципы функционирования те же.

Итак, электрические разряды клеток сетчатки глаза, которые являются результатом взаимодействия приходящего извне фотона с этими клетками (палочками и колбочками), по зрительному нерву поступают в таламус (крупное скопление нервных клеток в центре мозга, куда стекается почти вся информация, идущая в кору больших полушарий). От таламических нейронов по их отросткам электрические разряды поступают в затылочную кору больших полушарий. Здесь обрабатывается зрительная информация [Баарс, Гейдж 2014]. Импульсация нейронов затылочной коры отчасти возвращается в таламус, а отчасти распространяется на другие области коры больших полушарий. Это простейшее описание основных пунктов следования информации от глаза в кору головного мозга.

Зрительное ощущение возникнет не раньше, чем электрические разряды клеток сетчатки, вызванные приходящим фотоном, достигнут клеток затылочной коры. Разрыв потока импульсов в любом месте их следования от сетчатки до коры приводит к слепоте, т. е. все звенья этой цепи важны, но самым важным моментом для возникновения ощущения является активация нейронов коры. Активация клеток сетчатки и таламуса, если она не завершится активацией клеток зрительной коры, является недостаточной для возникновения зрительного ощущения. Хорошо известно такое явление, как корковая слепота, при котором поражаются клетки затылочной коры, что приводит к утрате зрения [Лурия 2004;

Доброхотова 2014]. Более того, учитывая особенности соматотопической организации проведения информации от периферии в кору, когда определенные области сетчатки проецируются на строго определенные области зрительной коры, повреждение конкретных участков зрительной коры приводит к выпадению (отсутствию ощущений) соответствующих участков зрительного поля [Николлс и др. 2003]. То есть при сохранности периферического аппарата и центрального таламического звена зрительное ощущение не возникает без возбуждения клеток зрительной коры.

Необходимо заметить, что в мозге есть специальные структуры, которые «следят» за способностью корковых нейронов к возбуждению. Это структуры неспецифической активации, они обеспечивают необходимый тонус коры (уровень возбудимости клеток) [Кратин, Сотниченко 1978]. При снижении тонуса мы засыпаем, при увеличении пробуждаемся, при повреждении активирующих структур наступает кома. Нормальное бодрствование предполагает некоторый оптимальный уровень возбудимости нейронов, что обеспечивает необходимую вероятность их активации (реагирования) в ответ на приходящие сигналы. При чрезмерно повышенном тонусе коры клетки могут самовозбуждаться, и тогда можно увидеть то, чего нет в реальности (галлюцинации). Это обстоятельство весьма важно. Его можно проиллюстрировать известными наблюдениями У. Пенфилда, когда во время хирургической операции на мозге пациента, страдавшего эпилепсией, в условиях местной анестезии производилась электрическая стимуляция участков коры мозга [Пенфилд, Джаспер 1958]. С пациентом при этом поддерживался диалог. При электрическом раздражении различных участков коры пациент сообщал о возникновении ощущений различных модальностей (зрительных, слуховых, тактильных и т. д.) и разного уровня сложности: от элементарных (например, фосфенов) до иллюзий и галлюцинаций. Подобные клинические наблюдения также выполнялись под руководством академика Н. П. Бехтерева и многими другими исследователями [Бехтерева 1967, 2008].

Не уточняя некоторые детали подобных наблюдений, важно отметить следующее: возбуждение нервных клеток определенных областей коры сопровождается переживанием определенных ощущений. Зрительное ощущение вызывается стимуляцией зрительной коры, а ощущение звука — стимуляцией слуховой (височной) коры. Никогда ощущение звука не вызывается стимуляцией зрительной коры [Иваницкий 1988].

В своей монографии У. Пенфилд сообщает интересные подробности: пациенты воспринимали эти ощущения как внешние по отношению к себе, ибо они не вписывались в текущий поток сознания, выпадали из контекста [Пенфилд 2017]. Но тем не менее они возникали в сознании! Таким образом, для возникновения ощущения необходимо одновременное возбуждение определенной группы нервных клеток коры, где содержание ощущения определяется характеристиками этой возбужденной группы: количеством и характером распределения одновременно возбужденных нейронов — пространственно-временным паттерном активированной нейросети.

В данных рассуждениях имеет место некоторое упрощение. В частности, описанные опыты достоверны для простых ощущений, вызываемых стимуляцией так называемых первичных областей коры, когда повторное раздражение воспроизводит тождественные ощущения. При стимуляции вторичных и ассоциативных областей коры повторяемость содержания ощущения исчезает. Однако это усложнение не противоречит основному выводу: ближайшее физическое событие к ощущению вызывает одновременное возбуждение ансамбля нервных клеток.

При описании пути следования зрительной информации мы упомянули такие структуры, как сетчатка, таламус, кора. Что происходит в этих структурах? Каковы их функции и принципы организации? Для того чтобы понимать пределы возможных физических явлений, происходящих в мозге, необходимо иметь хотя бы общее представление о том, что происходит в этих структурах, что позволит избежать фантазий и спекуляций.

Одним из общих принципов организации мозговых структур является сетевая архитектура межнейронных соединений. Самые разные нервные образования, вне зависимости от того, какую функцию они выполняют, являются нейросетями [Лебедева 2015; Сеунг 2016]. Термин «нейросеть» сегодня многим знаком как вычислительный принцип построения компьютерных систем. Это искусственные нейросети. На современном этапе нейробиологических исследований можно утверждать, что деятельность мозга действительно построена на этих (или подобных им) вычислительных принципах. Их основным элементом являются многоходовые пороговые сумматоры (чем в простейшем случае и является нервная клетка) с возможностью отдельных пластических изменений коэффициентов

суммирования по каждому входу. Объединение большого количества таких элементов в сеть способно решать весьма сложные информационные задачи, например задачи распознавания образов.

Основная задача нейросети заключается в кластеризации признаков, т. е. в выделении из общего потока информации каких-либо специфических параметров. Например, в сетчатке глаза человека существует только три типа цветовых рецепторов, реагирующих на красный, синий и зеленый цвета. Но за счет сетевой организации, т. е. системы коммутации между клетками сетчатки, таламуса и коры, возможно «вычисление» многочисленных промежуточных оттенков как комбинации этих базовых цветов. От сетчатки к коре уровень детализации выделяемых признаков возрастает. И по сути кора представляет собой множество детекторов, настроенных на выделение очень тонких признаков, не только величин углов наклона линий к горизонту, скорости и направления движения разных объектов, но и таких специфичных, как особенности мимики определенных лиц. Здесь можно отметить высокую упорядоченность и иерархическую организацию системы корковых детекторов, о чем можно прочесть в ставших уже классическими работах Хьюбела и Визела [Хьюбел, Визел 2012]. Интересно, что многие специфичные выделяемые признаки не детерминированы генетически, а формируются в течение жизни. Формирование новых комплексов выделяемых признаков происходит на основе соотношения их с биологической значимостью, с текущими потребностями организма. В первую очередь выделяется то, что имеет большую биологическую значимость. Но что значит выделить признак?

Об этом отчасти уже шла речь выше. Выделение признака из общего потока информации означает возбуждение нейронных ансамблей, настроенных на данный признак. Множество этих ансамблей находится в коре. Задача промежуточных структур (сетчатки и таламуса) — произвести предварительную кластеризацию, подготовить детальный анализ, производимый корковыми детекторами. Таким образом, в определенном смысле завершающим событием работы рассматриваемой нейросети является возбуждение клеток коры зрительного анализатора. Безусловно, на этом процесс не заканчивается: это возбуждение передается в структуры, которые сочетают выделенную информацию с информационными потоками других модальностей, анализируют всю совокупную инфор-

мационную модель, оценивают ее биологическую значимость и готовят поведенческий ответ. Однако, ограничивая наше описание зрительным анализатором, мы можем сделать предварительный вывод: зрительное ощущение сопряжено с возбуждением нейронных ансамблей зрительной коры, что означает успешное выделение нейронными детекторами тех или иных признаков, которые присутствуют в проецируемой на сетчатку картинке. Поскольку нейронные детекторы — это распределенные (локализованные) по коре группы клеток, то содержание ощущения определяется комплексом сетевых координат одновременно возбужденных нейронов коры.

Для пояснения этого явления уместна следующая аналогия: картина, наблюдаемая на экране дисплея, — это комплекс координат светящихся пикселей. В пределе содержание картины может сводиться к одной точке. Не будем утверждать, что одного возбужденного нейрона зрительной коры достаточно для элементарного зрительного ощущения, ибо, согласно томографическим и ЭЭГ-исследованиям, мозговая реакция на ощущаемые стимулы отличается большей площадью активированных нейронов [Баарс, Гейдж 2006; Melloni et al. 2006], но ключевым моментом ощущения является именно возбуждение клетки (свечение пикселя).

Таким образом, следующим моментом нашего анализа должно явиться понимание того, что такое возбуждение нейрона. Исследователи сознания нередко утверждают, что важна только функция и алгоритм производимых нейросетью операций, которые можно будет заменить искусственными электронными аналогами. Здесь возможна ошибка. Не исключено, что особенности процессов возбуждения, осуществляемые на мембранах нервных клеток, играют существенную роль в возникновении ощущений. Сейчас нет надобности в фантазиях о том, что и как это может быть. По факту: нейроны коры возбуждаются — ощущение возникает.

Нервные клетки обладают способностью генерировать «электрические» импульсы в ответ на приходящее воздействие. Воздействие может быть как внешним (фотоны), так и внутренним (импульсация от других нейронов). Подчеркнем: центральное физическое событие в нервной клетке — импульсная активность, потенциалы действия, спайки — это кратковременное изменение мембранного потенциала клетки. Спайк возникает в теле клетки (на ее мембране) и распространяется по отростку нейрона (аксону) к другим нейронам, или мышцам, или железам — своим

адресатам. Спайк — дискретное событие, у млекопитающих его параметры приблизительно одинаковые: длительность около одной миллисекунды, а амплитуда около ста милливольт. Физика этих импульсов хорошо изучена: это в основном поток ионов натрия и калия по концентрационному градиенту через мембрану клетки (ионы натрия устремляются внутрь клетки, а калия наружу). В экспериментальных условиях при внутриклеточной или внеклеточной регистрации этого события его фиксируют как изменение электрического потенциала, электрический импульс. И когда мы говорим, что нейрон генерирует «электрический» импульс, это означает, что мы регистрируем это событие как изменение электрического потенциала. Но для нейрона этот импульс не является электрическим. Это движение ионов через специальные каналы, которые пронизывают мембрану клетки. Эти каналы представляют собой сложносоставные белковые молекулы. Они имеют устье для «узнавания» своего иона, ворота, открывающиеся для пропускания ионов, и еще целый ряд вспомогательных механизмов, обеспечивающих процесс избирательного движения ионов через мембрану клетки и распространение импульса по нервному волокну (вдоль мембраны).

Сегодня известно около ста видов ионных каналов [Николлс и др. 2003]. Плотность распределения разных видов ионных каналов на нейроне и определяют его электрические («вычислительные») свойства. Другими словами, потенциал действия — это сложное явление, существенно отличающееся от движения электронов в электрических проводниках. На нейронах происходят и другие электрические процессы, например дендритные или синаптические потенциалы, которые отражают сам процесс «вычисления», но основным событием, означающим, что нейрон «сосчитал», «принял решение», является спайк. Мы делаем допущение, что ощущение связано именно с потенциалами действия. Здесь мы ориентируемся на известные наблюдения [Quiroga et al. 2005]. Во-первых, потенциалы действия являются дискретным, результирующим событием работы нейрона; во-вторых, это тот тип активности, который служит для передачи информации в нервной системе; в-третьих, потенциалы действия могут быть легко вызваны внешней электрической стимуляцией достаточной силы, приложенной к нервной клетке; и в-четвертых, это пороговое событие, к которому применим вероятностный подход, что позволяет избежать жесткого детерминизма и соотнести это явление с явлениями квантового

мира. Кстати, провокация ощущений во время электрической стимуляции коры в исследованиях У. Пенфильда, Н. П. Бехтеревой и других клиницистов происходит только при интенсивности прикладываемого электрического потенциала достаточной (пороговой) силы. Итак, ощущение может быть связано с комплексом потенциалов действия, распределенных по коре больших полушарий, где пространственный паттерн одновременно возникающих спайков определяет содержание ощущения. Если предположить, что в данных рассуждениях есть ошибка и ощущение связано с другим типом электрической активности нейронов, то в любом случае это поток ионов через мембрану клетки, и ничего более.

### **Парадоксальность связи субъективных феноменов с деятельностью мозга**

Главный вопрос субъективных феноменов заключается в том, каким образом сумма потенциалов действия может превратиться в ощущаемое, переживаемое событие. Один из осложняющих моментов этого вопроса связан с тем, что невозможно подобрать точные слова для описания субъективных феноменов. Что такое ощущение? Что значит «превратиться в ощущение»? Может быть, это ложное явление и ощущений не существует? Есть лишь нейронная, «электрическая» модель окружающего мира и больше ничего. Именно поэтому при рассмотрении субъективных феноменов лучше выбирать простые и очевидные явления, например ощущение зеленого цвета. Фотоны с длиной волны 550 нм попадают на сетчатку глаза, что завершается потенциалами действия соответствующих нейронов зрительной коры. Однако лавинообразный поток ионов натрия через мембраны клеток коры (спайки) не является зеленым. Откуда возникает зеленое?

Ценность этого примера в том, что здесь более-менее очевидно наличие двух групп явлений. Первая группа — это сумма потенциалов действия, которая является «электрической» моделью внешнего воздействия. Вторая группа — это само ощущение зеленого, зеленое, определенный цвет. Первая группа — это символ, знак входящего физического воздействия. Вторая — переживаемое событие, реальность для переживающего. Первая — индивидуальна. Вторая — субъектна. Первое не тождественно второму.

Какие существуют попытки объяснить переход от нейронной активности к ощущению? Вот некоторые из них. 1. Ощущение тождественно нейронной модели. Модель настолько большая и сложная (гиперсеть, когнитом), что у нее возникает такое свойство, как ощущение [Анохин 2021]. 2. Ощущение — это ложное понятие. Есть только нейронная модель [Деннет 2017]. 3. Ощущение — это обратная сторона любых информационных процессов, в данном случае осуществляемых нейронами [Чалмерс 2013]. С этими представлениями можно ознакомиться в обзорах [Васильев 2009; Ревонсуо 2013]. На наш взгляд, эти объяснения неудовлетворительны.

Субъективные феномены нельзя объявить несуществующими. Устранение субъективных феноменов устраняет культуру. Если цвет — ложное явление, то изобразительное искусство не имеет никакого смысла, не существует, а это неверно. Разумнее признать, что цвет существует, но особым образом.

Рассмотрим некоторые свойства группы субъективных феноменов. 1. Невыразимость. Нельзя сказать, что такое зеленое. Самое большее, что можно сделать, — дать ссылку: зеленое — это то, что выглядит как трава или елка. Но как я вижу елку, известно только мне. 2. Неизмеримость. Не существует надежного, объективного способа фиксации явлений внутреннего мира. Относительно доступными средствами может быть только словесный отчет (метод интроспекций) и регистрация физиологических коррелятов. Но корреляты не являются прямым измерением. 3. Субъективные феномены всегда единственны. Ощущение реально только для того, кто его испытывает, и каково оно, известно только тому, кто его переживает. 4. Неверифицируемость. Мы способны только поверить, что наш собеседник обладает сознанием. 5. Приватность. Субъективные феномены всегда от первого лица. Непосредственное переживание зеленого доступно только первому лицу (я вижу зеленое). О вторых и третьих лицах мы делаем вероятностное допущение: они могут видеть зеленое, как и я.

Это не все свойства субъективной реальности, но и перечисленных достаточно, чтобы убедиться в их странности. При этом субъективная реальность — это именно то, с чем мы непосредственно и постоянно взаимодействуем в нашей жизни, потому что в своем поведении мы в значительной мере руководствуемся нашими ощущениями. Мы готовы были

бы признать, что ощущение производится мозгом, сложными нейросетями, но свойства физических процессов не таковы. Потенциал действия — измеряемый, публичный процесс. Каждый, кто проявит достаточную исследовательскую инициативу, может произвести измерение импульсной нейронной активности, а ощущение измерить не удастся, оно принципиально не публично. Конечно, существует возможность коррелятивных методов, когда импульсная нейронная активность может быть соотнесена со словесным отчетом о переживаемом событии. Можно даже допустить, что уровень корреляции будет очень высоким. Подобные работы существуют [Brian et al. 2012; Chang, Doris 2017]. Однако прогноз прямым измерением не является, но лишь создает иллюзию проникновения во внутренний мир (пусть даже весьма впечатляющую и, с прагматической точки зрения, эффективную). Главное, на чем мы хотим заострить внимание, заключается в том, что импульсная активность нейросети не может произвести явление, принципиально выпадающее из группы физических событий. Таким образом, мы имеем дело с объяснительным разрывом.

Нейробиологи продолжают уточнять свойства нейросетевой архитектуры, коррелирующие с наличием субъективных феноменов; это интересные исследования. Сегодня мы знаем, что нейросеть, сопряженная с субъективным опытом, не диффузная, имеет преимущественную локализацию, специфичная, достаточного объема, динамичная [Баарс, Гейдж 2006], но в любом случае это множество одновременно возникающих потенциалов действия со своими пространственно-сетевыми координатами, сумма локальных ионных потоков, которая без дополнительных факторов не может произвести нефизичное.

В качестве контраргумента часто приводят пример эмерджентных свойств воды относительно молекул водорода и кислорода, которые появляются как новое качество, не объяснимое просто суммой исходных молекул. Этот пример не корректен. Можно согласиться, что вода — это новое свойство по отношению к молекулам водорода и кислорода, но это новое свойство не выходит за рамки физичности. Вещественное происходит из вещественного. Здесь нет преодоления природы. Однако при анализе свойств ощущений мы убеждаемся в том, что их природа принципиально иная. Это не просто новые свойства вещественного. Это свойства иные, невещественного, нефизичного порядка. Таким образом,

проблема объяснения происхождения сознания (если мы не объявляем сознание иллюзией) заключается именно в том, что вещественное не может произвести невещественное. Для перехода от вещественного к сознанию необходим дополнительный фактор. Природа этого фактора как минимум должна быть невещественна.

Стратегии поиска невещественного фактора сознания могут быть различными. Например, можно исходить из гипотезы, что стандартная модель Вселенной, включая гравитацию и темную материю, не исчерпывается свойствами физического мира и Вселенной принадлежит еще нечто психическое, что проявляется (оформляется) при определенной специфике известных физических взаимодействий. Однако мы склоняемся к другой стратегии и точку опоры в решении указанной проблемы сознания видим не в естественно-научных рассуждениях, предлагающих, например, редукцию сознания или, напротив, расширение арсенала свойств видимой природы, а в богословии, тем более что на справедливость богословской интерпретации сознания указывают некоторые свойства субъективных феноменов.

## **Фактор субъектности**

Субъективные феномены всегда позиционируются людьми от первого лица: я чувствую, я мыслю, я действую. Это позволяет выделить два момента в сознании: содержание и «я». Содержание может быть разным. По своему характеру содержание может быть разделено на группы: чувства, мысли, желания. Безусловно, они также отделяются одно от другого внутри группы. Возможны разные принципы классификации субъективных явлений, но все они «привязаны» к одному корню — «я». То есть «я» — это «общий знаменатель» субъективных феноменов. На наш взгляд, именно это свойство является ключевым в природе сознания и составляет его сущность.

Однако понимание того, что такое «я», может быть очень разным. Чем, на наш взгляд, «я» не является? Такие высшие когнитивные функции, как самосознание и самооценка, или некая интегральная характеристика всего индивидуального внутреннего мира, формируемого в течение жизни, или некий созерцательно-управляющий центр, к которому стекается вся информация и который принимает решение и что

так остроумно было названо Г. Райлом «призрак в машине» [Райл 2000: 25], или потребностно-мотивационная сфера, на основе которой формируется поведение, и многие другие проявления и аспекты психической жизни, рассматриваемые в качестве ее «сердцевины», истинным «я» не являются. Во всяком случае, согласно протоиерею Василию Зеньковскому, перечисленные свойства психики могут быть именованы эмпирическим или психологическим «я» [Зеньковский 1935]. Такое рассмотрение «я» проблеме сознания не решает, так как в связке «содержание — “я”» эмпирическое «я» есть содержание сознания, и при попытке подстановки его на место истинного «я» возникает череда «гомункулусов», уходящая в бесконечность.

Однако возможен иной аспект: «я» не как одна из характеристик внутреннего мира, а как фактор субъектности или, по протоиерею Василию Зеньковскому, как глубинное «я». Этот фактор принципиально не есть содержание сознания, а есть та сила, которая преобразует физические мозговые процессы в содержание сознания. Обозначим эту силу как ктойность. Термин «ктойность» видится вполне приемлемым, так как мы говорим о факторе перехода от «что» к «кто». Синонимичным термину «ктойность» может быть слово «субъектность», ибо речь идет о переходе от объекта к субъекту. Также приемлемы термины «личностность» или «ипостасность». Использование термина протоиерея Василия Зеньковского «глубинное “я”» также допустимо, но в этом словосочетании эпитет «глубинное» может не восприниматься, и внимание заостряется на «я», тогда как «я» может ассоциироваться с самосознанием, то есть разновидностью содержания сознания или «я» эмпирическим, психологическим. И в этой связи представляется важным подчеркнуть: эмпирическое «я» не тождественно ктойности (глубинному «я»). Итак, нас интересует именно природа ктойности, или субъектности. Это свойство мира? Откуда это в мире?

Основной тезис данной работы в том и заключается — в утверждении, что глубинное «я», или ктойность, не может быть свойством мира. Ибо «я» — это не свойство, это не дополнительный параметр. «Я» не является объектом принципиально и, следовательно, не может быть составленным из объектов. В этой связи используемые нами термины «ктойность», «субъектность», «фактор субъектности» не совсем верные. В них слышится контекст естественно-научный, контекст, предполагающий

объективность, то есть принципиально неличный. А мы говорим о Личности, Которая дает возможность быть личностью вещественному, сотворенному, но Сама Она есть несводимость к природе [Лосский 2010], Непостижимость и Невыразимость [Чурсанов 2014]. Господь говорит Моисею: «Я есмь Сущий» (Исх. 3, 14). То есть Первое «я» — это Сам Господь, и нет других источников «я».

Таким образом, важнейшим моментом данного дискурса является тезис, что «я» — нетварно, ктойность — нетварна. Выше, перечисляя свойства субъективных феноменов, мы отметили необходимую не вещьественность, нефизичность фактора субъектности. Однако этого недостаточно. В субъектности присутствуют моменты самотождественности, самобытности, неограниченности, что позволяет рассматривать ктойность отдельно от сотворенной природы, не принадлежащей тварному миру, будь то видимому или невидимому. Здесь еще раз необходимо отметить, что речь идет не о психологическом «я», которое, очевидно, формируется в процессе индивидуального развития, следовательно, имеет «точку» начала, ограничено, тесно сопряжено с природой и по сути является содержанием сознания. Речь идет о силе, сообщающей ипостасность, ктойность ограниченной природе. Но как это совместить с тварностью мира, живых существ, человека, мозговых процессов?

Такое совмещение возможно через понятие «нетварные Божественные энергии», «благодать», и наша задача заключается в уточнении отношений между тварными процессами и благодатью. Эта задача не может быть полностью решена в рамках данного исследования, но мы можем наметить пути для дальнейших разработок. Основным ориентиром для нас будут евангельские строки, где Христос говорит: *свет, который в тебе, не есть ли тьма?* (Лк. 11, 35). Как это возможно? Чтобы понять это, во-первых, зададимся вопросом: кому адресованы эти слова? Из текста Евангелия очевидно, что всем. Во-вторых, обратим внимание на следующее: свет и тьма могут пребывать в человеке. Причем свет есть априори, а тьма может быть, а может и не быть. Априорное присутствие света в человеке созвучно и другим словам Христа: *Царство Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Однако что может быть этим светом?

В традиционном святоотеческом понимании это Божественная благодать [Григорий Палама 2006]. Следовательно, возможно такое понимание процитированных евангельских слов: основой, «материалом»,

«тканью», сущностью внутреннего мира являются нетварные Божественные энергии — свет. Подчеркнем, что речь идет именно о внутреннем мире, на что указывают слова «который в вас», или, в нашем контексте рассуждений, о сознании, о субъективных феноменах, субъективной реальности. Почему мы свет связываем с «тканью», субстанцией сознания? Как это соотносить с рассмотренной выше структурой внутреннего мира «содержание — “я”»? Евангельское слово «свет» в этих строках вряд ли относится к содержанию сознания, так как адресовано не святым, в словах Христа слышится укор. Таким образом, вполне оправданным является мнение, что слово «свет» может быть соотнесено с глубинным «я», — тем «я», которое не есть содержание сознания, не есть какая-либо структура или процесс в мозге, а есть та сила и сущность, которая телесное обращает в переживаемое содержание, внутреннее событие. Тогда тьма, которая может быть (а может и не быть), является содержанием сознания. И этому содержанию дается отрицательная оценка: тьма априорно противоположна положительному явлению — свету.

На благодатную природу души человека указывают и другие слова Священного Писания: *И создал Господь Бог человека, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт. 2, 7). Дыхание жизни — это нетварные энергии, которые сугубо сообщаются человеку и дают его душе, согласно преподобному Серафиму Саровскому, особые, дополнительные свойства — богоподобие [Серафим Саровский 1903]. Однако некоторая сложность видится в том, что до творения человека Господь создает животных, которые имеют душу (Быт. 1, 20–24) и, следовательно, согласно вышеизложенному, обладают внутренним миром, некоторой совокупностью субъективных феноменов. Какова природа субъектности душ животных? Думается, та же — благодать, которая пронизывает мир от начала творения и не является частью мира [Лосский 2010]. Но вид и интенсивность благодати могут быть разными, и человеку дается нечто большее, что именуется «образом Божиим», «дыханием Божиим» и что может быть понято как свет, присутствующий в каждом человеке с того момента, когда можно говорить о человеческой природе, — с момента зачатия.

Однако первые стадии эмбрионального развития не позволяют говорить о субъективных феноменах, о сознании, о переживаемом содержании. Да, сознание постепенно формируется — и душа, стало быть,

формируется, и это формирование очень тесно сопряжено с формированием нервной системы. О постепенном формировании души говорит святитель Григорий Нисский: «В соответствии с устройением и совершенствованием тела, возрастают вместе с телом и деятельности души» [Григорий Нисский 2000], т. е. сознание, понимаемое нами как комплекс субъективных феноменов, а точнее — субъектное, переживаемое содержание не дается сразу, человек его творит сам в меру заданности свойств его нервной системы. Однако человеку сразу дается глубинное «я», субъектность, ктойность, личностность, субстанция сознания; это дыхание Божие, благодать, «чистый лист», на котором человеку предстоит начертать содержание, сохраняемое в вечности в силу свойств данной человеку благодати. Таким образом, природа психики божественна, но тождественна не Божественной сущности, а благодати.

### **Метафизическая модель сознания**

Завершая наше небольшое исследование, уточним некоторые детали и попробуем дать наброски метафизической картины сознания в связи с деятельностью мозга. То, что оказалось в сознании, то, что оказалось прочувствованным и пережитым, это есть содержание субъективного феномена по отношению к субъектности как таковой. Содержание сознания формируется мозговыми процессами (пока исключим из нашего рассмотрения непосредственное влияние одного сознания на другое). В предельной форме это выглядит так: один потенциал действия — один переживаемый феномен, где содержание феномена определено сетевой координатой возбужденного нейрона (потенциала действия). Переживаемость же сообщается благодатью, дыханием Божиим (Быт. 2, 7), данным всей человеческой природе и распространяющимся на каждого человека с момента зачатия. Акт переживания является светом, «отраженным» от физических процессов, происходящих на нейроне — потоке ионов через его мембрану, составляющим главную особенность его активности (потенциалов действия). Свет (глубинное «я») и отраженный свет (субъективные феномены, эмпирическое «я») свободно соотносятся друг с другом, не жестко каузально, что определяется вероятностными (квантовыми) свойствами потенциала действия. Это может приводить к тому, что свет становится тьмой, то есть содержание субъективных феноменов

независимо от субъектности. Таким образом, физические процессы, происходящие на мембране нейрона, выполняют роль «зеркала» по отношению к исходно данному свету, и формирующаяся в процессе жизни душа является как бы «отраженным светом». Может сложиться мнение, что все души («отраженный свет») святые. Это не так, поскольку содержание сознания в своем нравственном аспекте может не соответствовать своему «носителю» — свету. Но бесценность «носителя» определяет бесценность любой человеческой души: *какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мк. 8, 37). Следовательно, возникает задача приведения в соответствие содержания души и ее сущности. Об этом и говорит Христос (см. Лк. 11, 35), но это уже другая тема.

Каким образом и почему поток ионов через клеточную мембрану может «светиться» в лучах благодати — ответить на этот вопрос не представляется возможным. Так определил Господь. Если ход наших рассуждений верен, то искусственные вычислительные или информационные процессы, осуществляемые электронными средствами и математически точно воспроизводящие нейросетевые свойства мозга, сознания иметь не будут. Ибо движение ионов по строго определенным каналам, способных открываться и закрываться по вероятностным законам, что обеспечивается особенностями белкового субстрата, в корне отличается от движения электронов в проводниках, а это может играть ключевую роль в связке «деятельность мозга — сознание» не только в направлении «физическое — ментальное», но и обратно: «ментальное — физическое». В заключение мы хотим привести слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина), которые, как мы считаем, отражают основной смысл изложенного: «Душа составляет всю сущность человека, а благодать Божия — всю сущность души» [Иоанн (Крестьянкин) 2019].

## Источники

Василий Великий, свт. Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы // Творения: Т. 1. Москва : Сибирская Благозвонница, 2008.

Григорий Нисский, свт. Об устройении человека / пер., послесл. и примеч. В. М. Лурье. Санкт-Петербург : Аxiома, 2000.

*Григорий Палама, свят.* Сто пятьдесят глав / пер. А. И. Сидорова. Краснодар : Текст, 2006.

*Серафим Саровский, прп.* Беседа преподобного Серафима с Николаем Мотовиловым о стяжании Святого Духа. Москва, 1903.

## Литература

*Авченко О. В.* Квантовые парадоксы и крах ортодоксального материализма // *Philosophy and Cosmology*. 2015. Т. 15. С. 9–24.

*Анохин К. В.* Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.

*Баарс Б., Гейдж Н.* Мозг, познание, разум : Введение в когнитивные нейронауки / пер. с англ. под ред. проф. В. В. Шульговского. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014.

*Бехтерева Н. П., Бондарчук А. Н., Смирнов В. М., Трохачев А. И.* Физиология и патофизиология глубоких структур мозга человека. Очерки / под ред. чл.-кор. АМН СССР проф. Н. П. Бехтеревой. Ленинград : Медицина; Москва : Народ и здоровье, 1967.

*Бехтерева Н. П.* Лечебная электрическая стимуляция мозга и нервов человека. Москва : АСТ; Санкт-Петербург : Сова; Владимир : ВК, 2008.

*Васильев В. В.* Сознание и вещи : Очерк феноменалистической онтологии. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

*Васильев В. В.* Трудная проблема сознания. Москва : Прогресс-Традиция, 2009.

*Введенский А. И.* О пределах и признаках одушевления. Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. Санкт-Петербург, 1892.

*Деннет Д.* Сладкие грёзы : Чем философия мешает науке о сознании / пер. с англ. М. О. Кедровой; вступ. сл. Д. Б. Волкова. Москва : УРСС: Ленанд, 2017.

*Доброхотова Т. А.* Нейропсихиатрия. 2-е изд., испр. Москва : БИНОМ, 2014.

- Зеньковский Василий, прот.* Единство личности и проблема перевоплощения // Христианство и индуизм : Сборник статей. Москва : Изд-во Свято-Владимирского братства, 1994.
- Иваницкий А. М.* Нейрофизиологические механизмы восприятия и памяти: вызванные потенциалы // Механизмы деятельности мозга человека. Часть первая : Нейрофизиология человека. Ленинград : Наука, 1988. С. 151–170.
- Иоанн (Крестьянкин), архим.* Трепет души пред вратами ада : Душеполезные размышления кающегося христианина : Мысли святых отцов. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2019.
- Кратин Ю. Г., Сотниченко Т. С.* Неспецифические системы мозга. Москва : Наука, 1978.
- Ларше Ж.-К.* Исцеление психических болезней : Опыт христианского востока первых веков / пер. с фр. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
- Лебедева Н. Н., Майорова Л. А., Каримова Е. Д., Казимирова Е. А.* Коннектомика: нейрофизиология, достижения и перспективы // Успехи физиологических наук. Т. 46. 2015. № 3. С. 17–45.
- Леонов В., прот.* Основы православной антропологии. Москва : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016.
- Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви : Догматическое богословие / пер. с фр. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010.
- Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии : Учебное пособие. 3-е изд. Москва : Издательский центр «Академия», 2004.
- Нейман фон И.* Математические основы квантовой механики. Москва : Наука, 1964.
- Николлс Дж. Г., Мартин А. Р., Валлас Б Дж., Фукс П. А.* От нейрона к мозгу / пер. с англ. Москва : Едиториал УРСС, 2003.
- Павлов И. П.* Полное собр. соч. Т. 2. Кн. 2. Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 247.
- Пенфилд У., Джаспер Г. Г.* Эпилепсия и функциональная анатомия головного мозга человека. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1958.

- Пенфилд У. Мозг. Тайны Разума / пер. с англ. Москва : АСТ, 2017.
- Равази Дж. Краткая история души / пер. с итал. Москва : Изд-во ББИ, 2012.
- Райл Г. Понятие сознания / общ. науч. ред. В. П. Филатова. — Ryle G. The Concept of Mind. New York : Barnes & Noble, 1949; Москва : Идея-Пресс, 2000. С. 25.
- Ревонсуо А. Психология сознания. Санкт-Петербург : Питер, 2013.
- Сеунг С. Коннектом : Как мозг делает нас тем, кто мы есть / пер. с англ. А. Капанадзе. 2-е изд. Москва : Лаборатория знаний, 2016.
- Хьюбел Д., Визел Т. Мозг и зрительное восприятие: История 25-летнего сотрудничества / пер. с англ. Москва ; Ижевск : Ижевский ин-т компьютерных исследований, 2012.
- Чалмерс Д. Сознательный ум : В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. Москва: УРСС : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Чурсанов С. А. Лицом к лицу : Понятие личности в православном богословии XX века. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2014.
- Brian N. Pasley, Stephen V. David, Nima Mesgarani, Adeen Flinker, Shihab A. Shamma, Nathan E. Crone, Robert T. Knight, Edward F. Chang. Reconstructing Speech from Human Auditory Cortex // PLoS Biology. January 2012. Vol. 10. P. 1–13.
- Calvo Paco, Monica Gagliano, Gustavo M. Souza, Anthony Trewavas Ann Bot. Plants are intelligent, here's how. 2020 Jan; 125 (1): 11–28. Published online 2019. Oct. 20. doi: 10.1093/aob/mcz155.
- Chang Le and Doris Y. Tsao. The Code for Facial Identity in the Primate Brain // Cell 169. June 1. 2017. P. 1013–1028.
- Melloni L., Molina C., Pena M., Torres D., Wolf Singer W. and Eugenio Rodriguez E. Synchronization of Neural Activity across Cortical Areas Correlates with Conscious Perception // J Neurosci. 2007. Mar 14; 27 (11). P. 2858–2865. doi: 10.1523/JNEUROSCI.4623-06.2007.
- Quian Quiroga R., Reddy L., Kreiman G., Koch C. & Fried I. Invariant visual representation by single neurons in the human brain // Nature. 2005. Vol. 435. P. 1102–1107. doi:10.1038/nature03687.

## References

- Anokhin K. V. [Cognitom: in search of a fundamental neuroscientific theory of Consciousness]. ZHVND, 2021, vol. 71, no. 1, pp. 39–71. (In Russ.)
- Antti Revonsuo. *Psikhologiya soznaniya* [Psychology of consciousness]. St. Petersburg, “Mastera psikhologii” Publ., 2013. 309 p.
- Arkhimandrit Ioann Krest’yankin. *Trepet dushi pred vratami ada. Dushepoleznye razmyshleniya kayushchegosya khristianina. Mysli svyatykh ottsov*. [The trembling of the soul before the gates of hell. Soulful reflections of a penitent Christian. Thoughts of the holy fathers]. Pechory, “Svyato-Uspenskii Pskovo-Pecherskii monastyr” Publ., 2019. 80 p.
- Avchenko O. V. Quantum paradoxes and the collapse of orthodox materialism. *Philosophy and Cosmology*. T. 15. 2015, pp. 9–24. (In Russ.)
- Baars B., Geidzh N. *Mozg, poznanie, razum. Vvedenie v kognitivnye neironauki. V 2-kh tomakh. Per. s angliiskogo pod redaktsiei professora V.V. Shul’govskogo*. [Brain, cognition, mind. Introduction to Cognitive Neuroscience. In 2 volumes. Translated from English edited by Professor V. V. Shulgovsky]. Moscow, “BINOM. Laboratoriya znaniy” Publ., 2014. 541 p.
- Bekhtereva N. P. (pod red.). *Lechebnaya ehlektricheskaya stimulyatsiya mozga i nervov cheloveka*. [Therapeutic electrical stimulation of the human brain and nerves]. Moscow, “AST” Publ.; St. Petersburg, “Sova” Publ.; Vladimir, “VKT” Publ., 2008. 464 p.
- Bekhtereva N. P., Bondarchuk A. N., Smirnov V. M., Trokhachev A. I. *Fiziologiya i patofiziologiya glubokikh struktur mozga cheloveka (Ocherki)*. [Physiology and pathophysiology of deep structures of the human brain (Essays)]. Moscow, “Narod i zdorov’e” Publ., 1967. 260 p.
- Brian N. Pasley, Stephen V. David, Nima Mesgarani, Adeen Flinker, Shihab A. Shamma, Nathan E. Crone, Robert T. Knight, Edward F. Chang. Reconstructing Speech from Human Auditory Cortex. *PLoS Biology* January, 2012, Vol. 10, pp.1–13.
- Calvo Paco, Monica Gagliano, Gustavo M Souza, Anthony Trewavas *Ann Bot*. Plants are intelligent, here’s how. *Annals of Botany*, Vol. 125, Issue 1, 2, 2020, pp. 11–28.

- Chalmers D. *Soznayushchii um: V poiskakh fundamental'noi teorii. Per. s angl.* [The Conscious mind: In search of a fundamental theory. Trans. from English]. Moscow, "URSS: Knizhnyi dom «LIBROKOM»" Publ., 2013. 512 p.
- Chang Le and Doris Y. Tsao. The Code for Facial Identity in the Primate Brain. Cell no. 169, 2017, pp. 1013–1028.
- Chursanov S. A. *Litsom k litsu: Ponyatie lichnosti v pravoslavnom bogoslovii XX veka. 2-e izd.* [Face to face: The concept of personality in the Orthodox theology of the XX century. 2nd ed.]. Moscow, "Izd-vo PSTGU" Publ., 2014. 264 p.
- Dennet D. Sweet dreams: How philosophy hinders the science of consciousness. Trans. from English. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Filosofiya: Referativnyi zhurnal*, 2017, Ser. 3, pp. 71–77. (In Russ.)
- Dobrokhotova T. A. *Neiropsikhiatriya. Izdanie 2-e, ispravlennoe.* [Neuropsychiatry. 2nd edition, revised]. Moscow, "Izdatel'stvo BINOM" Publ., 2017. 304 p.
- Ivanitskii A. M. Neurophysiological mechanisms of perception and memory: evoked potentials. V kn. *Mekhanizmy deyatelnosti mozga cheloveka. Chast' pervaya. Neurofiziologiya cheloveka*, 1988, pp. 151–170. (In Russ.)
- Kh'yubel D., Vizel T. *Mozg i zritel'noe vospriyatie. Istoriya 25-letnego sotrudnichestva. Per. s angl.* [Brain and visual perception. The history of 25 years of cooperation. Translated from English]. Izhevsk, "Izhevskii institut komp'yuternykh issledovaniy" Publ., 2012. 840 p.
- Kratin YU. G., Sotnichenko T. S. *Nespetsificheskie sistemy mozga.* [Nonspecific brain systems]. Moscow, "Nauka" Publ., 1978. 158 p.
- Larshe Zhan-Klod. *Istselenie psikhicheskikh boleznei. Opyt khristianskogo vostoka pervykh vekov. Per. s fr.* [Healing of mental illnesses. The experience of the Christian East of the first centuries. Trans. from fr.]. Moscow, "Izd-vo Sretenskogo monastyrya" Publ., 2007. 222 p.
- Lebedeva N. N., Maiorova L. A., Karimova E. D., Kazimirova E. A. Connectomics: neurophysiology, achievements and prospects. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk*, 2015, vol. 46, no. 3, pp. 17–45. (In Russ.)
- Leonov V., protoierei. *Osnovy pravoslavnoi antropologii. Uchebnik. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe.* [Fundamentals of Orthodox Anthropology, revised and supplemented].

logy. Textbook. 2nd edition, revised and supplemented]. Moscow, “Izdatel’stvo Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi” Publ., 2016. 456 p.

Losskii V. N. *Losskii V. N. Bogoslovskoe ponyatie chelovecheskoi lichnosti* [The theological concept of human personality]. Moscow, “Po obrazu i podobiyu” Publ., 1995. 200 p.

Luriya A. R. *Osnovy neiropsikhologii. Ucheb. Posobie dlya stud. Vyssh. Ucheb. Zavedenii. 3-e izd.* [Fundamentals of neuropsychology. Studies. Manual for students. Higher. Studies. Establishments. 3rd ed.]. Moscow, “Izdatel’skii tsentr «AkademiYA»”, 2004. 384 p.

Melloni L., Molina C., Pena M., Torres D., Wolf Singer W. and Eugenio Rodriguez E. Synchronization of Neural Activity across Cortical Areas Correlates with Conscious Perception. *J Neurosci*, 2007, no. 27, pp. 2858–2865.

Neiman fon I. *Matematicheskie osnovy kvantovoi mekhaniki.* [Mathematical foundations of quantum mechanics]. Moscow, “Nauka” Publ., 1964. 367 p.

Nikolls Dzh. G., Martin A. R., Vallas B. Dzh., Fuks P. A. *Ot neirona k mozgu. Per. s angl. P. M. Balabana, A. V. Galkina, R. A. Giniatullina, R. N. Khazipova, L. S. Khiruga.* [From neuron to brain. Translated from the English by P. M. Balaban, A. V. Galkin, R. A. Giniatullina, R. N. Khazipova, L. S. Surgeon]. Moscow, “Editorial URSS” Publ., 2003. 672 p.

*Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie. Per. s fr. V. A. Reshchikovoi. 2-e izd., ispr. i pererab.* [An essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic theology. Tran. with fr. V. A. Reschikova. 2nd ed., ispr. and reworked]. Sergiev Posad, “STSL” Publ., 2012. 586 p.

Pavlov I.P. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 2, kniga 2.* [Complete works. Vol. 2, book 2]. Moscow, “Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR”, 1951. 590 p.

Penfield U., Dzhasper G. G. *Ehpilepsiya i funktsional’naya anatomiya golovnogogo mozga cheloveka.* [Epilepsy and functional anatomy of the human brain]. Moscow, “Izdatel’stvo inostrannoi literatury” Publ., 1958. 482 p.

Penfield Uaider. *Mozg. Tainy Razuma. Per. s angl.* [Brain. Secrets of the Mind. Trans. from English]. Moscow, “AST”, 2017. 256 p.

- R. Quian Quiroga, L. Reddy, G. Kreiman, C. Koch & I. Fried. Invariant visual representation by single neurons in the human brain. *Nature*, 2005, vol. 435, pp. 1102–1107.
- Rail G. *Ponyatie soznaniya. Obshchaya nauchnaya redaktsiya V. P. Filatova, G. Ryle. The Concept of Mind* [The concept of consciousness. General scientific edition V. P. Filatov G. Rail. The concept of mind]. New York, “Barnes & Noble” Publ., 1949; Moscow, “Ideya-Press” Publ., 2000. 406 p.
- Ravazi Dzhhanfranko. *Kratkaya istoriya dushi. Per. s it. (Seriya “Sovremennoe bogoslovie”)* [A brief history of the soul. Translated from it. (Series “Modern theology”)]. Moscow, “Izdatel’stvo BBI” Publ., 2012. 310 p.
- Seung S. *Konnektom. Kak mozg delaet nas tem, kto my est’. Per. s angl. A. Kapanadze. 4-e izd.* [Connectom. How the brain makes us who we are. Translated from the English by A. Kapanadze. 4th ed.]. Moscow, “Laboratoriya znanii” Publ., 2018. 440 p.
- Vasil’ev V. V. *Trudnaya problema soznaniya* [The difficult problem of consciousness]. Moscow, “Progress-Traditsiya” Publ., 2009. 269 p.
- Vvedenskii A. I. O predelakh i priznakakh odushevleniya. *Novyi psikho-fiziologicheskii zakon v svyazi s voprosom o vozmozhnosti metafiziki* [On the limits and signs of animation. A new psychophysiological law in connection with the question of the possibility of metaphysics]. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book17026/#page/1/mode/1up> (accessed 31.03.2021).
- Zen’kovskii Vasilii, protoierei. *Edinstvo lichnosti i problema perevoploshcheniya* [The unity of personality and the problem of reincarnation]. Available at: [https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij\\_Zenkovskij/edinstvo-lichnosti-i-problema-perevoplosheniya/](https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/edinstvo-lichnosti-i-problema-perevoplosheniya/) (accessed 31.03.2021).

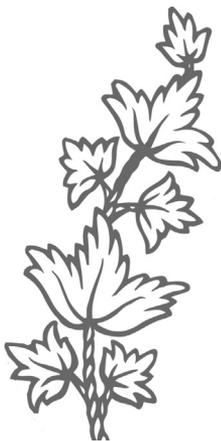
ИСТОРИЧЕСКАЯ  
ТЕОЛОГИЯ

---

II

---

HISTORICAL  
THEOLOGY





# СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В ПОЗДНИХ ПЕРЕРАБОТКАХ ЕГО ЖИТИЯ

**Владимир Михайлович Кириллин**

*Доктор филологических наук, профессор;*

*ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Сретенская духовная академия,*

*Московская духовная академия (Россия)*

*kirillin.v@sdsmp.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_81

---

**Аннотация.** В статье рассматриваются первоначальная версия и поздние переработки жития святого князя Александра Невского — редакции Великой Минеи Чети и (Владимирской) (ВМЧ), Степенной книги и Ионы Думина, а конкретно — повествовательные фрагменты оценочной направленности относительно личности князя. Последние позволяют реконструировать лежащие в их основе представления о святом как правителе и человеке и, несомненно, отражают особенно актуальный в эпоху централизации власти и укрепления самодержавия идеал гармонии общественных отношений. Этот идеал, воплощенный в образе Александра Невского, как выясняется, был декларирован, но уже безотносительно к личности князя, и русскими публицистами XVI в. — Максимом Греком, Иваном Пересветовым, Зиновием Отенским и, частично, Иосифом Волоцким, Нилом Сорским, Андреем Курбским, Матвеем Башкиным. Будучи онтологически связанным с Нагорной проповедью Иисуса Христа, он вместе с тем был тождествен народной поэтизации благого царя и зарождающемуся в русском обществе гуманизму как направлению мысли.

**Ключевые слова:** аксиология, авторская оценка, речевая характеристика, тематика суждений о князе, самодержавие, боярство, правитель и народ, князь-воин, князь-молитвенник, социально-политическая концепция власти, народное представление о власти, гуманистические идеи, Нагорная проповедь.

**Для цитирования:** Кириллин В. М. Святой Александр Невский как идеальный образ правителя в поздних переработках его жития // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 81–104. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_81

## ST. ALEXANDER NEVSKY AS AN IDEAL IMAGE OF THE RULER IN THE LATER VERSIONS OF HIS LIFE

Vladimir Mikhailovich Kirillin

*ScD in Philology, Professor*

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,*

*Sretensky Theological Academy,*

*Moscow Theological Academy (Russia)*

*kirillin.v@sdsmp.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_81

---

**Abstract.** The article examines the initial version and later interpretations of the life of the Holy Prince Alexander Nevsky, i.e. the editions of the Great Menaion of the Chetya (Vladimirskaya), the Book of Degrees and Iona Dumin — particularly, the narrative fragments of evaluative orientation concerning the personality of the prince. The latter make it possible to reconstruct the underlying notions of the saint as a ruler and a man and, undoubtedly, reflect the ideal of harmony of social relations, which was especially relevant in the epoch of centralization of power and strengthening of autocracy. This ideal, embodied in the image of Alexander Nevsky, seems to have been also declared (but without regard to the personality of the prince) by Russian publicists of the 16th century — Maxim the Greek, Ivan Peresvetov, Zinovy Otensky and, in part, Joseph Volotsky, Nil Sorsky, Andrei Kurbsky, Matvey Bashkin. Being ontologically connected with the Sermon on the Mount by Jesus Christ, this ideal, at the same time, was identical with the folk poetization of the ‘good tsar’ as well as the humanism as a direction of thought which was emerging in the Russian society.

**Keywords:** axiology, author's assessment, speech characteristics, the subject of judgments about the prince, autocracy, boyars, ruler and people, prince as a warrior, prince as a man of prayer, socio-political concept of power, popular idea of power, humanistic ideas, the Sermon on the Mount.

**For citation:** Kirillin V. M. St. Alexander Nevsky as an Ideal Image of the Ruler in the Later Revisions of his Life // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 81–104. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_81

**К**ак известно, древнерусское литературное предание о благоверном князе Александре Невском весьма развито. Его история начинается в XIII столетии и заканчивается в XVIII в. К настоящему времени исследователи насчитывают порядка 15 версий жизнеописания князя [Конявская 2010: 199–218; Духанина 2021: 90–167], их ряд дополняют также рассказы о посмертных чудесах святого и служба ему с двумя канонами. Весь этот материал в целом достаточно хорошо изучен в историографическом и филологическом аспектах [Успенский, Живов 1996: 205–337; Мансикка 1913: VI, 226, 12–137; Князь Александр Невский и его эпоха 1995; Шенк 2007; Александр Невский. Государь, дипломат, воин 2010; Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России 2020; Благоверный великий князь Александр Невский : Блистая славою на земле и на Небесах 2021]. Без необходимого внимания, на мой взгляд, остались содержащиеся в житиях оценочные характеристики святого и мираклийные истории. Но в рамках настоящей статьи речь пойдет только об аксиологии. В этом отношении важный интерес представляют четыре последовательно связанных текста, а именно: Первоначальная редакция Жития Александра, созданная вскоре после его кончины, то есть еще в XIII столетии, и редакции XVI в.: Владимирская, Степенной книги и Ионы Думина. Остальные версии либо повторяют Первоначальную, либо вовсе не содержат представляющих интерес аксиологических пассажей.

Содержательно текст Первоначальной редакции «Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра» [Библиотека литературы Древней Руси 1999: 358–369; далее произведение цитируется по этому изданию] сугубо фактографичен: неизвестный автор, описывая воинские и политические деяния князя, сосредоточен прежде всего на

изложении событий, лишь изредка он несколько драматизирует свой рассказ, влагая в уста своих персонажей (и прежде всего Александра) речи, правда, предельно краткие; вместе с тем он весьма сдержан в плане собственных оценочных суждений. Тем не менее эти немногие фрагменты повествования имеют значение как сообразные определенному умозрению о князе и являющиеся прототипами позднейшей аксиологической мысли о нем.

Первоначальная редакция жития		
1	Авторская оценка личности Александра	...И дал ему Бог премудрость Соломона... <sup>1</sup>
2	Речевая характеристика князя. Его речь перед битвой на Неве	...И, скончав молитву, встав, поклонися архиепископу. Епископ же тогда Спиридон благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утер слезы, нача крепити дружину свою, глаголя: «Не в силах Бог, но в правде. Помынем Песнотворца, иже рече: <i>Сии въ оружии, а си на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии сяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом</i> (Пс. 19, 8–9)». Сии рек, поиде на них в мале дружине, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу
3	Авторская оценка личности князя	...По пленении же Неврюневе князь великий Александр церкви въздвигну грады исполни, люди распуженыа събра в дома своя. О такихъ бо рече Исая пророк: «Князь благ в странах — тих, уветлив, кроток, съмерен, по образу Божию есть». Не внимая богатства и не презря кровь праведничю, сироте и вдовици вправду судяй, милостилюбець, благ домочадцемъ своим и внешним от стран приходящим кормитель. На такие Бог призирает, Бог бо не аггелом любит, но человеком си щедра ущедряеть и показаетъ на мире милость Свою

<sup>1</sup> Здесь и в последующем древнерусский текст источников воспроизводится упрощенно.

Первый фрагмент характеризует важную черту личности Александра Ярославича: отличающую его особую разумность.

Второй фрагмент, воспроизводя речь самого князя, в первую очередь подтверждает качество его ума: князь образован и знает Священное Писание; но при этом он, как глубоко верующий человек, полностью полагается на волю Божию и на духовную поддержку Церкви, одновременно отождествляя себя как противостоящего врагу защитника Русской земли с древним Израилем, небесным соратником которого в его победной борьбе за землю Обетованную был Господь. Вместе с тем в этом фрагменте звучат темы суда Божия и правды.

В третьем фрагменте отмечена созидательная забота Александра о подчиненном ему народе и с помощью псевдобиблейской цитаты, о которой будет сказано ниже, охарактеризованы его нравственные черты и свойства как человека и правителя. Но ввиду дальнейшего развития аксиологических представлений о князе здесь особенно важны обозначенные темы праведности, справедливого суда, милосердия и гостеприимства, относящиеся к тому, как князь распоряжался своей властью, — творя справедливость, милость и благо.

Однако надо признать, в Первоначальной редакции жития Александра Невского сопряженные с характеристикой его личностных достоинств темы затронуты бегло и неразвернуто — вероятно, потому, что главная задача агиографа, считающего себя «малосмысленным» и «грубым» по уму, сводилась преимущественно к изложению фактов. И все же суть этих лишь едва намеченных тем впоследствии окажется очень важной и при специальной проработке обретет социальный смысл и весьма актуальное звучание. Означенные темы получают значительное развитие в пространной — Владимирской — редакции жития князя [Мансика 1913: 15–31 (2-я паг.)], созданной вскоре после церковного Собора 1547 г., утвердившего общерусское почитание Александра Невского, и включенной в Успенский список Великих Миней Четиих [Великие минеи чети 1917: стб. 3224–3242]. Вероятно, это житие создавалось специально для этого собрания всех «душеполезных» сочинений, бытовавших в русской книжности.

Житие в ВМЧ, Владимирская редакция		
1	Авторская оценка личности Александра	...Мудрость же и остроумие дастся ему от Бога
2	Речевая характеристика князя. Его речь к боярам	<p>Паче же всего любяше правосудие и зело о сем въспрещаше боляром своим: и чясто им о сем глаголаше, приводя притчями от божественных писаний. «Истязующе, рече, земския дани, ничтоже паче повеленнаго вам приемлете (Лк. 3, 13), довольни будите оброky своими (Лк. 3, 14): и да никтоже вас въсхощет обидети или отимати что у братии своей. Писано бо, рече, к нам, к имущим власть над вами: Судии твои праведен суд да судят (Втор. 16, 18) и не познают лица силнаго (Втор. 1, 17) и не приемлют мзды неправедныя. Аз же о сем любезне глаголю вам: Творите суд и правду (Быт. 18, 19), избавите обидима от рук обидящих. Аще ж кто от вас оправдает неправеднаго, праведнаго же судить неправедна быти! — Зде суду нашему повинен да будет и вечный суд такового ждет. Писано бо есть: Волею съгрешающих, по научении разума истиннаго, страшно чаяние суда и огня ревность поясти хочет (Евр. 10, 26–27)». Боляре, видяще господина своего в тацей мудрости суца и зело ужасошася, и вси обещаваются тако творити, якоже от уст его слышяша. Князь же великий Александр въздвиже глас свой и глагола к ним: «Не тако! Хотящеи праведно судити прежде убо длъжни суть просити от Бога премудрости и разума (Ис. 11, 2), та ж и от пианьства удръжаватися: Отверъзи, — рече, — уста своя словесем Божиим и суди право (Притч. 31, 8). И паки пишет: Сильнии и властели, судяще, яры суть, ктому вина да не пиять, да не забудуть премудрости и право судити худых не възмогутъ (Притч. 31, 4–5). Подобаает бо всем нам смириться пред Богом и обратитися от всего сердца нашего к всемогущему и всесилному Богу ничим ж паче иным, точию милованием нищих и судяще праведно. Се бо наша похвала, еже милостивыми и правосудными быти: не наш бо есть суд, еже судим, но порученный нам от Бога, якож богоотець пророк Давид глаголетъ: Боже, суд Твой цареви даждь и правду Твою сыну цареви — судити людем Твоим в правду (Пс. 71, 1–2)». И ничто ж можаху отвещать против премудрости его и разума</p>

3	Речевая характеристика князя. Его речь после молитвы перед битвой на Неве	...И вѣстав, поклонися архиепископу Спиридону, и взем от него благословение и от всего священного събора, и изыде ис церкви, глаголаше: «Сии на колесницах, и сии на конех, мы ж въ имя Господа Бога нашего призовем (Пс. 19, 8). <i>Аще Бог по нас, кто на ны?</i> (Рим. 8, 31)». И глагола боярам своим, показуя рукою на нищяя и убогая: «Се есть крепость наша и утверждение: аще принесутъ молитвы о нас к Богу с въздыханием, скоро услышит их и поможет нам; аще ли ни, то вѣтще крепость наша»
4	Авторская оценка личности князя	По пленении же Неврюеве великий князь Александр церкви въздвиже, и грады назда, и люди распуженыя събра в дома своя. О такихъ Исая пророк рече: «Князь благ в странах тех, уветлив, кроток, смирен, по образу Божию есть, не събирает богатства, ни зря крови праведнича, отець сиротам и вдовицам, алчущим питатель, показуя милость на мире». И сего ради распространи Бог землю его богатством и славою, и приложение летом дасться ему

Автор этой редакции иллюстрирует тезис о разумности своего героя (фрагмент 1), вложенной в его уста учительной речью перед боярами (фрагмент 2). Прежде всего эта речь, отсутствующая в более ранних версиях жития святого, свидетельствует об образованности и глубокомыслии говорящего. Но главное в том, что она отражает авторское представление о надлежащем пользовании властью и вместе с тем характеризует то, каким был сам Александр Ярославич, вернее, насколько его воображаемая личность соответствовала личности идеального князя. В сущности, это рассуждение о правосудии, будучи вложено в уста Александра, является его самохарактеристикой. Из требований, предъявляемых им боярам, следует, что в сборе налогов нужно ограничивать себя, дабы не обидеть людей; что необходимо, помня о Боге и храня трезвость, вершить справедливый и бескорыстный, неподкупный суд в пользу пострадавших, а не обидчиков; что должно являть милосердие по отношению к бедным и виновным. Значение этих положений, конкретизирующих темы праведности, справедливого суда и милосердия, поднятые еще в Первоначальной редакции жития, усиливается

вариациями лексических повторов: «любяше правосудие», «любите правосудие», «праведен суд да судят», «не приемлют мзды неправедных», «творите суд и правду», «вечный суд», «праведно судити», «суди право», «право судити», «судяще праведно», «правосудными быти», «миловани-ем», «милостивыми». Вместе с тем очевидно, что обращение князя к боярам отражает историческую реальность, в которой столкнулись интересы двух сторон: верховной власти в лице князя, сюзерена, и боярства, аристократии, вассалитета. И очевидно, что вторая сторона оценивалась как источник правового произвола и помеха упрочению верховной власти в рамках самодержавности государя посредством установления единой для всех законности. Между прочим, антибоярская тематика становится весьма заметной в русской литературе как раз со второй трети XVI в., проявившись в «Летописце начала царства Ивана Васильевича», в «Воскресенской» и «Никоновской» летописях, в посланиях самого грозного царя к князю Андрею Курбскому, в «Степенной книге», в «Истории о Казанском царстве», в «Лицевом летописном своде», в послании Андрея Курбского к псково-печерскому старцу Вассиану [Демин 1998: 172–177].

В другой речи святого (фрагмент 3) содержится — в развитие текста Первоначальной редакции — разъяснение того, почему власть имущие должны соблюдать справедливость. Оказывается, архиважна молитва народа к Богу за своих правителей, без которой они, правители, утрачивают Божию помощь и поддержку в своих делах. Таким образом, с личностью Александра Невского сопрягается новая, абсолютно социально значимая тема — тема гармонического, синергического единства между правителем и подвластными ему людьми, единства, которое угодно Богу и непреодолимо для врагов, если оно действительно является реальным фактом.

Что же касается авторской характеристики святого князя (фрагмент 4), то она лишь с некоторыми поправками заимствована составителем Владимирской редакции из Первоначального текста жития. Особенно это касается приписанного пророку изречения, которое, между прочим, использовано было частично и составителем Жития псковского князя Довмонта [Сказание о благовернем князи Довмонте и о его храбрости. Великие минеи чети 1917: 56–63], вероятно, подражавшим автору самого раннего повествования об Александре Невском:

Первоначальная редакция жития Александра	Житие Довмонта	Владимирская редакция жития Александра
Князь благ в странах — тих, уветлив, кроток, смирен, по образу Божию есть. Не внимая богатства и не презря кровь праведническую, сироте и вдовице вправду судяй, милостилюбец, благ домочадцем своим и внешним от стран приходящим кормитель	Князь благ в стране, уветлив, боголюбив, страннлюбев, кроток, смирен, по образу Божию; Бог бо мира не аггелом любит, но человеком щедря си ущедряет и показывает милость Свою на мире	Князь благ в странах тех (так. — В. К.), уветлив, кроток, смирен, по образу Божию есть, не събирает богатства, ни зря крови праведнича, отец сиротам и вдовицам, алчущим питатель, показуя милость на мире

Еще в XIX в. издатели Великих Миней Четъих установили, что подобного текста нет в Книге пророка Исаии [Там же: стб. 3233–3234 (примеч.)]. К этому надо лишь добавить, что он весь скроен из устойчивых библейских выражений, например таких: *яко благъ, яко въ вѣкъ милость его* (1 Езд. 3, 11), *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мф. 11, 29), *добро творити милостыню, нежели сокровиществовати злато* (Тов. 12, 8), *проливающихъ кровь праведну* (Плач 4, 13), *азъ есмь Господь творяй милость и судъ и правду* (Иер. 9, 24), *по субботъ же немощнымъ и сиротамъ, и вдовамъ раздѣливше* (2 Мак. 8, 28), *буди сирымъ яко отецъ* (Сир. 4, 10), *творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущымъ* (Пс. 145, 7).

Очевидно, крепкая библейская основа данного пассажа и позволила древнерусским книжникам воспринимать его как цитату из речи пророка. Но главное все же заключается в том, что в контексте Владимирской редакции подразумеваемая данным пассажем характеристика Александра Ярославича является конкретизацией будто бы высказанного его же устами убеждения относительно необходимости для правителей народной молитвенной поддержки; последняя же достигается именно их нестяжательностью и равнодушием по отношению к проявлениям праведности, их благим нравом и миролюбивыми делами на пользу народа, их щедрыми заботами о нем.

Все эти идеи отличают и вариант жития святого князя, созданный для «Степенной книги» [Житие и подвизи, вкуче же отчасти и чюдеса

прехвалнаго и блаженнаго великаго князя Александра Ярославичя, рекомаго Невскаго, нареченнаго въ иноцех Алексиа // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии 2007: 514–535] (конец 1550-х – начало 1560-х гг.) с учетом и Первоначальной, и Владимирской редакций. Только автор текста «Степенной» меняет форму, или тип повествования. Рассматриваемые здесь фрагменты Владимирской и отчасти Первоначальной редакций, аксиологически аттестующие личность и деятельность Александра Невского, он редуцирует, сведя к минимуму прямую речь и предпочтя ей изложение от 3-го лица.

Житие в «Степенной книге»		
1	Авторская оценка личности Александра	...Мудрость же и остроумие дадеся ему от Бога, яко Соломону
2	Характеристика князя посредством передачи сути его поучений к боярам	Паче же всего любяше правосудие, о нем же и боляр своих часто наказуя притчами от божественных писаний, яко да прежде всего воспросят от Бога премудрости и от пьянства удержатся и сами пред Богом да смирятся; да не забудут лица сильного и не приемлют мзды неправедныя и никого же обидят, но да избавят обидима от руки обидящих и паче повеленнаго им ничто же возьмут, но довольни будут оброки своими. И тако многажды глаголаша: овогда своя державы страхом воспрещаше им, овогда же вечное воздаяние предлагаше им, иже на Страшнем Суде Христове, комуждо по делом его. Боляре же и вси людие, видяще от Бога дарованную ему премудрость, ничто же могуще отвещати, но вседушно обещахуся творити, яко же повелеваше им
3	Речевая характеристика князя. Его речь после молитвы перед битвой на Неве	И скончав молитву, воста и поклонися архиепископу Спиридону и благословен быв от него и от всего священного собора и изыде из церкви и начат укрепляти воинство свое и глаголаше: «Аще Бог по нас, кто на ны? По божественному Давиду, <i>сии на колесницах и сии на конех. Мы же во имя Господа Бога нашего призовем</i> и не убоимся множества ратных, яко Бог с нами есть»

4	Авторская оценка личности князя	По пленении же Неврюеве блаженный великий князь Александр прииде из Орды и седе во граде Владимире, и грады назда, и святыя церкви воздвиже, и люди разбегашаяся собра в дома своя. О такихых рече Исайя пророк: «Аще в коей стране князь благ и уветлив, кроток и смирен, по образу Божию есть: не собирает богатства и не презирает кровь праведничу, отец сиротам и вдовицам, алчущим питатель, милостилюбець, а не златолюбец, благ домочадцем своим, внешним же, иже от инех стран приходящим, кормитель; на такихых Бог призирает и милость Свою показывает на них». Яко же и сего великого князя Александра ураспространи Бог землю его, и богатством и славою изобилова, и летом приложение дарова
---	---------------------------------	--

Как видно, в «Степенной книге» усилена мысль Первоначальной и Владимирской редакций жития Александра об отсутствии в деятельности последнего тяготения к любостыжанию (2-й и 4-й фрагменты): «не приемлют мзды» (рекомендация, исходящая от князя), «не собирает богатства» и «не златолюбец» (авторская характеристика князя). При этом сохраняется прикровенная критика боярства, которое непременно должно жить (но не живет) по евангельским заповедям и княжеским наставлениям; вместе с тем пополняется и состав положительных оценок Александра Ярославича новым вариантом одобрения его гостеприимства: «внешним же... кормитель».

Дальнейшее развитие аксиологии относительно святого наблюдается в редакции Ионы Думина [Месяца ноября в 23 день. Житие и подвигы благовернаго великаго князя Александра, иже Невский именуется, новаго чудотворца, в нем же по чудесех его отчасти исповедание; Мансикка 1913: 50–124 (2-я паг.)], созданной около 1591 г. Этот вологодский архиепископ значительно распространяет и жизнеописание Александра вообще, и рассматриваемые здесь фрагменты, отражающие суть его собственных, авторских представлений о князе, его личностных особенностях и характерной для него концепции власти.

### Житие по версии Ионы Думина

- |   |  |
|---|--|
| 1 | <p>...Смыслом благоразумия и премудростию божественных писаний зело велехвален, яко вторый Давид, и Соломон, и Самсон &lt;...&gt; обаче же яков бе преудивлен святыи случаем зрака и видом благородия, таков бяше преудивлен и разумным остроумием &lt;...&gt; многожеланно бо бе ему молитвенное предстояние, единственное и прилежное книжное почитание &lt;...&gt; изящным трудом снискашеса, собою образ прообразоваше всем, милостынею же к нищим и почитанием иночествующих прехвален зело. Дивити же ся премудрости его книжней и к Богу духовныя его теплоты от поучений его князей и боляр: яков бо бе сам, сице и тех хочаше быти</p>  |
| 2 | <p>...Дабы вси преизлишнии его во всех указаниях земных преизяществовали непорочное и, по апостолу, подобилися ему, якоже и он Христу, тем же поучает и наказует боляр и князей своих и всех судей, приводя им притчи от поучений Божественных, глаголя: «Чада и братие, се прияли есмы от Бога начальство людей Божиих, от Негоже от них истязани будем в день судный, якоже рече пророк: “От рук ваших изыщю людей сих и кровь ваша вместо крове их”. Тем же подобает нам начальство имети праведно по Бозе, прежде ж возлюбити нам Бога от всея душа наша и помышления, таже возлюбим ближняго, яко себе, апостольским поучением утвердивше себе, еже рече: “Отложим всяк вопль и хулу, зависть и рвение от сердец ваших, ярость же и гнев да не въздет на сердца наша, милостынею же и любовию светло украсим себе”. Нещадну милостыню творите, да без щадения и от Бога милость примем! Повинным же вам отдаждьте, яко да и вы отдаение примете в повиновении греховнем: оградите же себе страхом Божиим, в нем же всяку правду имате творити. Да будут же суды ваша праведни и безмездни, яко судии Божии есте; лиц же сильных не обинуйтеся, убогих милуйте, обидимых избавляйте от насильствующих неправедно; никого же не обидите, но своими довлейтеся; между же собою совет благ имейте по апостолу; дани же оброк наших на людех паче повеленнаго вам не истязуйте, и да никто же будет обидим от вас! Сгрешающаа наказуйте с милостию, во ум си приемлюще, яко и вы некогда суду Божию и нашему повинни будете! Писано бо есть в пророце о сем, яко вопль убогих вопиет ко Мне на вы. И Аз мщю вам вопиение их. Тем же убойтеся насильствующей и не обидите подвшедших вам, праведен суд творите, не мстяще по рвению никому же!» Сия же яко слышавше от святого реченое, князи же и боляре, и вси вельможи и сильнии, прегнувше колене своя, главы на земли положше, со слезами воскликнуша купно вси с радостию сотворити вся глаголемая им</p> |

3	<p>И скончав молитву, встав, прииде ко архиепископу и ко всему освященному събору, поклоняние творя им, глаголя: «Благослови мя, священноначалниче великий, со всеосвященным ти събором и молити Бога, и Пречистую Богородицу, и святых Их угодников в помощь призвавша, да молитвами святыми негли поможет ми Бог на сопротивныя». Сия же ему глаголющу, реками от очию слезы испущаше толико, яко и началнику церкви съ всем освященным събором и со всеми предстоящими ту людьми пролияти слезы многы. И ничто же от всех вопиющих со слезами слышати, точию: «Господи, услыши и помилуй!» — сия вопиющих на мног час. Посем же повеле всем умолкнути, благословляет его великий предстатель церкви Божиа. Святой же благоверный великий князь Александр взем благословение от святителя, иде во сретение ратных, глаголаше псалом Давидов: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!» (Пс. 69, 2). И Христовым словом во уме своем крепляшеся, реченем во святем Евангелии, <i>аще Бог по нас и никто же на ны</i> (Рим. 8, 31). К сему же на помощь призываше взбранную воеводу победительную, крепкую христианскую помощницу, препетую Богородицу...</p>
4	<p>По пленении же Неврюеве блаженный великий князь Александр Владимирский и всея Руси самодръжец прииде из Орды и седе во граде Владимире, яко благочестив строитель дому, паки церкви Божиа воздвиже и расхищенны грады от поганных назда, и распуженыя люди, яко предобр пастырь, собра в дома своя. О такомем убо пастыри Господь глагола: <i>Пастырь добрый, иже душу свою полагает за овца</i> (Ин. 10, 11) и <i>овца своя глашает по имени, и овца по нем идут, якоже ведут глас его</i> (Ин. 10, 3–4), и прочаа. И пророк Исаяя рече: «Аще в коей стране князь благ и уветлив, кроток и смирен, по образу Божию есть, не собирает богатства и не презирает кровь праведничу, отец сиротам и вдовицам, алчущим питатель, милостилюбец, а не златолюбец, благ домочадцам своим, внешним же, иже от инех стран приходящим, кормитель, на таковых Бог призирает и милость Свою показывает на них». Якоже и сего великаго князя Александра, ураспространи Бог землю его и богатством и славою изобилова и летом приложение дарова</p>

Очевидно, что во всех этих фрагментах Иона Думин отталкивался от текстов Владимирской редакции и редакции «Степенной книги». Но при этом он заметно приумножил краски, характеризующие Александра Ярославича, придав им отчасти иное смысловое звучание.

Так, в первом фрагменте констатация разумности князя обогащается тезисом о гармоническом единстве его внешнего облика, благородной красоты, с его внутренним совершенством, «разумным остроумием», которое проявилось в его молитвенности, любви к книге, милосердии по отношению к бедным и почтительном отношении к монашествующим.

Второй фрагмент, речь князя Александра к боярам, из наставления Владимирской редакции о долженствовании вершить правый суд превращается в назидание об ответственности начальствующих перед людьми и Богом за свои дела. Текст назидания в большей степени посвящен проповеди любви, справедливости, нестяжательности и ненасилия по отношению к подвластным. В общем в обновленной речи святого звучат те же темы и встречаются те же фразы, что и в более раннем ее варианте, только сформулированы они несколько иначе и при этом смысловой акцент всего наставления перенесен — посредством лексических повторов — на идею милосердия, которым непременно следует руководствоваться в своих поступках каким бы то ни было правителям: «милостынею <...> украсим себе», «милостыню творите», «милость примем», «милуйте», «наказуйте с милостию». Несомненно, это, по версии Думина, княжеское размышление, развивая ясно звучащую во Владимирской редакции тему необходимого единения царя и народа, своей сутью восходит к постулатам Иисуса Христа из Нагорной проповеди: *Блажени милостивии: яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7), *имже бо судом судите, судят вам: в ню же меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2); *Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им* (Мф. 7, 12). Только приписанные князю парафразы последних, вместе с заключенной в них идеей обязательной обусловленности поступков и состояний человека логикой ответной реакции в виде возвратного влияния или воздействия, подразумевают конкретную практику русской жизни. Именно такие принципы должны лежать в основе ее обустройства; именно посредством их реализации достигается гармония общественного единства; и именно они, как приходится думать с подачи Думина, составляли для Александра Ярославича основу его концепции управления страной и народом.

Интересно, что Иона Думин почти полностью преобразует эпизод, описывающий действия князя перед его выступлением против обосновавшихся на Неве шведов (фрагмент 3). Новый вариант рассказа свидетельствует о якобы происшедшем некогда торжественном церемони-

альном действе. После собственной молитвы князь просит архиепископа и церковный собор благословить его на битву с «сопротивными» и молиться о его победе. Это прошение сопровождается долгим молебным плачем князя, соборян и народа с воздыханием «Господи, услыши и помилуй!» Затем в полной тишине князь получает благословение и идет к своим воинам, вспоминая воззвание царя Давида к Богу о вспоможении ему, укрепляя себя словами апостола Павла о неодолимости людей, пребывающих в Боге, и призывая в помощь себе Пресвятую Богородицу. Если, согласно редакциям Первоначальной, Владимирской и «Степенной книги», Александр Ярославич в этом эпизоде предстает больше как воин и произносит речь воина, то у Думина от его воинского ореола ничего не остается. Читателю явлена фигура молитвенника, уповающего на небесное содействие и молитвы народа Божия. Таким образом, вновь, только околично, через описание, выражается мысль о спасительности гармонического единства начальствующих и подчиненных, а заодно власти светской и власти церковной.

Эта же мысль подчеркивается и в авторской характеристике святого князя как правителя (фрагмент 4), подчеркивается опять-таки иносказательно, с помощью введенных в текст — несомненно, именно ради нее — евангельских цитат: *Пастырь добрый, иже душу свою полагает за овца и овца своя глашает по имяни, и овца по нем идут, якоже ведут глас его.* Следуя этим заповедям, Александр Ярославич и обретает те качества правителя, которые перечислены в цитате, приписанной пророку Исаии, благодаря которым ему удалось восстановить свою страну после Батыева разорения и укрепить ее. Вся оценка князя и его созидательной деятельности становится, соответственно, более последовательной и логичной.

Отмеченные особенности текста Ионы Думина позволяют полагать, что он вполне сознательно трактовал образ Александра Невского как идеальное олицетворение гармоничного единения светской самодержавной власти с Церковью, аристократией и простым народом. Под его пером эта социально-политическая концепция обретает целостное, законченное в идейном плане выражение. Но начало ее развития в XVI в. сопряжено было с Владимирской редакцией.

Несомненно, эта концепция была адресована власть предержащим: в реализации Думина — царю Феодору Иоанновичу, зачаточные же ее формы

в реализации авторов текстов из Великих Миней Четых и «Степенной книги» — царю Иоанну Васильевичу IV. И бесспорно, она отражала определенное состояние русского общества и отличающие его умонастроения.

В самом деле, темы социального характера [Демин 1998: 241–247]: общественного единения и разрозненности, праведного и неправедного суда, справедливости и несправедливости, милосердия и жестоковыйности по отношению к подвластным — были наиболее заметными в публицистике XVI в.

Вот, например, одна из многих инвектив прп. Максима Грека относительно общественных пороков, которой явно подразумевалось современное ему состояние русского общества:

«Християне благоверны, богатством и всякими имении обливаемы, таже власти получивше привременныя, еюже подобаше им, аще бы убо была в них искра страха Божия, снискати себе всякою правдою и щедротами богатство неистощимое на небесех. Они же, *наибольше и наипаче неистовством несытнаго сребролюбия разжигаемы, обидят, лихоимствуют, хитят имения и стяжания вдовиц и сирот, всякия вины замышляюще на неповинных...*» [Максим Грек, прп. 1860: 200].

Как видно, здесь речь идет о тех, кто ради своего богатства обирает беззащитных людей, прикрываясь предъявленными им ложными обвинениями в чем-либо. Помимо обличений подобных грехов, Максим Грек и прямо обращался, в частности, к государю Ивану Грозному, призывая его к соблюдению справедливости, правосудия, милосердия и благотворения по отношению к народу, включая и бедных:

«Да ничто же убо предпочтеша паче правды и суда Царя Небеснаго Иисуса Христа Господа и Бога твоего, ни единым бо иным толико Он угоден и милосерд и благотворец будет богохранимее дръжаве твоеи, елико твоею к подручником правдою, и правым судом, и щедротами, и кротостию къ всем вкупе ниществующим» [Там же: 348–349] (В более ранней версии это послание обращено к Василию Ивановичу [Максим Грек, прп. 2014: 247–251]).

Как можно думать, в этом пассаже прикровенно выражена и мысль о зависимости богоугодного общественного состояния от взаимного благорасположения власти и народа.

Сходные темы поднимал также Иван Пересветов, используя, в частности, — как положительный пример властителя и его правления —

образ завоевавшего Константинополь султана Османской Порты Магомеда II:

«В лето 6960 первого царь Магмет-салтан турецкой велел со всего царьства все доходы к себе в казну имати, а никому ни в котором городе наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прелщались, неправдою бы не судили, и оброчил вельмож своих из казны своея, царския, кто чего достоин. И дал суд во все царство, и велел присуд имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушались и неправдою бы не судили. Да приказал судиям: “Не дружитесь с неправдою, да не гневите Бога, да держитесь правды, что Бог любит!” Да послал по градом судии свои, паши верныя <...> и велел судити прямо...» [Пересветов 1956: 152–153].

«Да рек тако Магмет-салтан: “Пишет о милостыни мудрец, яко подobaет от праведного труда творити милостыню, а не от лихоимства” <...> умей стяжати правдою, раздаяти же милостыню, по писанию, и тем приближитесь Богу. Тем да исправил есть о сих себе с рассмотрением, аще имаши от своего труда сеи богатство, от него же хочещи принести дар Богу, но смотри, егда немощным нужда сотворил еси или под собою нужда облиховал еси. Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая...» [Там же: 168–169].

Обусловленность общественного блага гуманным отношением сильных мира сего к простым людям сформулировал еще более ясно и определенно инок новгородского Отенского монастыря Зиновий, размышляя о причинах падения Константинополя:

«...Зане грецы, христианское велие имуще имя, дел же христианских не снабдеша и судьбы Христовы не оправдиша, суда бо не взыскаша, и праведна суда не судиша, вдовица и сироты оставиша хотящим озлобляти их, и милости подручным не сотвориша, и злата на владомых собирати не престаша, и обидимых из руку обидящих не избавиша, и обидимыя на обидующих не отмстиша. Сего ради Бог и предаст я в руке враг христиаьнских, языку нечисту...» [Зиновий, инок Отенский 1894: 20 (Приложения)].

Как видно, приведенные цитаты из сочинений публицистической направленности и по смыслу, и по лексическому наполнению весьма созвучны пространным версиям его жития, составленным в XVI в. ради вящего прославления Александра Ярославича Невского. Это единогласие позволяет определенно утверждать, что синхронно с известным процессом абсолютизации самодержавия в Московском государстве

русское общество вполне последовательно и, по-видимому, впервые за свою историю столь прямо формировало представление об идеальном правителе и государе. Наивыразительнейшим примером такового стал великий князь Владимирский. Именно его личность, благодаря русским писателям и сообразно получившему тогда новое и официальное развитие изобразительному принципу «идеализирующего биографизма» [Лихачев 2015: 164–175], демонстрировала необходимые для правильного управления людьми черты. Подобно этому святому угоднику, всякий обладатель власти — царь ли, князь ли, боярин или чиновник — должен стремиться к плотскому воздержанию, быть мудрым и рассудительным, книжным и учительным, чтущим Церковь и монашество, молитвенником и праведником, немстительным и миролюбивым, по-евангельски расположенным даже к преступникам; он должен быть источником справедливости, добра, щедрости и блага как для своих, так и для чужих, сострадать бедным и заботиться о них; ему следует — осознавая собственную ответственность перед Богом и людьми за свои поступки и учитывая в своих действиях закон взаимообусловленности всего, что происходит в жизни общества, и взаимответственности членов последнего — неукоснительно полагаться на помощь Божию, молитвы подвластного ему духовенства и народа, созидательно украшать свою землю, твердо отстаивать правосудие как фактор гармонических общественных отношений, строго карать мздоимство и стяжательство.

Утопизм подобных чаяний очевиден. Они никак не согласовывались с суровой реальностью. Местом их жизни была только литература да еще устная народная поэзия [Райкова 1995; Коновалова 2007]. Но, бесспорно, они отражали вполне определенно сложившиеся в московском обществе к XVI в. представления о царе как носителе праведности и его власти как явлении сакральном [Успенский, Живов 1996: 208–221], о самодержавии как богоустановленной «форме церковного служения» и вместе с тем о свободе людей как благодарованном им «естественном праве». Помимо вышеуказанных публицистов, этих материй в своих сочинениях касались, правда по-разному, например, с одной стороны, традиционалисты Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, а с другой — «вольнодумцы» Андрей Курбский и Матвей Башкин [Зеньковский, прот. 1991: 50–51]. Высказанные ими мысли, однако, так или иначе были связаны с гуманистическими идеями, которые в XVI в. уже прочно укоренились в европейских умах, но вместе

с тем они проникли и в московское общество, слившись при этом с народным пониманием Нагорной проповеди как морально-нравственного императива относительно справедливого устройства жизни.

Здесь напрашивается следующий вывод: судя по рассмотренному агиографическому материалу, осмысление личности и деяний святого Александра Невского в Московском государстве указанного времени лежало в русле только еще зарождавшегося доктринально русского гуманизма [Алексеев 1989]. Зерна последнего обнаруживаются прежде всего в русской публицистике и в небывало масштабной обобщающей литературной работе. Первая будоражила русское общественное сознание целым рядом историсофских, религиозных, идеологических вопросов, обнаруживая гуманистические начала в антропологическом и социальном аспектах оценки человеческого бытия. Вторая сводила весь накопленный русской культурой духовный и художественный опыт к фундаментальному единству, являя, как полагал Р. Пиккио, гуманистическую тенденцию в одинаковом для всего латинского Запада и всех православных славян филологическом стремлении к критике текста с целью установления «правильных прочтений», выявления «правильных истолкований» и «корректного использования словесного искусства» [Пиккио 2003: 192]. Именно такой гуманизм, словесной изобразительностью обогативший предание об Александре Ярославиче Невском как личности, которая с опорой на учение Христа устремлена к благу человека, станет позднее мировоззренческим фундаментом русской классической литературы. Еще одно подтверждение прямой, непосредственной и неразрывной связи русского средневековья и последующих этапов идейно-художественного литературного развития.

## Литература

Александр Невский. Государь, дипломат, воин. Москва : Р. Валент, 2010. 520 с.

Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.) // *Он же*. Русская литература и ее мировое значение : Избр. тр. / Отв. ред. В. Н. Баскаков, Н. С. Никитина. Ленинград : Наука: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1989. С. 5–32.

- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5 : XIII в. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 528 с.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6 : XIV — середина XV в. Санкт-Петербург : Наука, 1999. 584 с.
- Благоверный великий князь Александр Невский : Блистая славою на земле и на Небесах. Москва : Лѣто, 2021. 672 с.
- Великие минеи четии : Ноябрь. Вып. IX. Ч. 2-я, тетрадь I : дни 23–25. Москва, 1917. Стб. 3109–3423.
- Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Гребенюк. Москва : Языки русской культуры, 1998. 848 с.
- Духанина А. В. Рукописная и старопечатная традиции жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский : Блистая славою на земле и на Небесах. С. 90–167.
- Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Ленинград : ЭГО, 1991. 220 с.
- Зиновий, инок Отенский. Слово инока Зиновия об открытии мощей архиепископа Ионы новгородского // Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения / иссл. Ф. Калугина. Санкт-Петербург, 1894. 4, IV, 364, 27 с.
- Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. 215 с.
- Коновалова Н. А. Образ самодержавия в представлениях русского крестьянства по фольклорным материалам // Вестник Омского университета им. Ф. М. Достоевского. 2007. № 4. С. 121–126.
- Конявская Е. Л. Александр Невский в Исторических источниках : 1. Ранние летописи. 2. Житийная литература // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. Москва : Р. Валент, 2010. С. 199–218.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2015. 314, [1] с.
- Максим Грек, прп. Слово о неизгланнем Божии Промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1860. 460 с.

- Максим Грек, прп. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н. В. Сеницына. Москва : ЯСК : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 430. [1] с.
- Мансикка В. П. Житие Александра Невского : Разбор редакций и текст. Санкт-Петербург : Об-во любителей древней письменности, 1913. VI. 226. С. 12–137.
- Пересветов И. Сказание о Магмете-салтане // Сочинения И. Пересветова / подгот., текст А. А. Зимины, под ред. чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. 388 с.
- Пиккио Р. Русский гуманизм : Филологическое возрождение // Пиккио Р. Slavia orthodoxa : Литература и язык // отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Ред. М. М. Сокольская. Москва : Знак, 2003. С. 181–197.
- Райкова И. Р. Русские предания, легенды, сказки. Лубок и массовая литература о «справедливом» царе (Традиционные сюжеты, мотивы, поэтика). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1995. 18 с.
- Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : научный журнал. Вып. № 1 (12). Санкт-Петербург : Изд-во СПДА, 2020. 272 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : В 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1 : Житие княгини Ольги. Степени I–X / погот. под рук. акад. Н. Н. Покровского. Москва : Языки славянских культур, 2007. 596. [2] с.
- Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I : Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд. Москва : Языки русской культуры, 1996. С. 205–337.
- Хитров М. И. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский : Подроб. жизнеописание с рис., пл. и карт. [Репринт. воспроизведение изд. 1893 г.]. Москва : Междунар. об-ние «ИИИ»; Панорама, 1991. 277. [1] с.
- Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти : Святой правитель, национальный герой (1263–2000) / авторизов. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

## References

- Aleksandr Nevskii. *Gosudar', diplomat, vojn* [The sovereign, the diplomat, the warrior]. Moscow, "R. Valent" Publ., 2010. 520 p.
- Alekseev M. P. [The phenomena of humanism in the literature and journalism of Ancient Russia (XVI–XVII centuries)]. "Nauka" Publ., 1989, pp. 5–32. (In Russ.)
- Alekseev M. P. [Russian literature and its world significance: Selected works]. "Nauka" Publ., 1989, pp. 5–32. (In Russ.)
- Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 5: XIII v.* [Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 5: XIII century]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 1997. 528 p.
- Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 6: XIV — seredina XV v.* [Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 6: XIV — mid. XV century]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 1999. 584 p.
- Blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: Blistaia slavoiiu na zemle i na Nebesakh* [The Blessed Grand Prince Alexander Nevsky: Shining with glory on earth and in Heaven]. Moscow, "Lbto" Publ., 2021. 672 p.
- Demin A. S. O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury* [Demin A. S. About the artistry of Old Russian literature]. Otv. red. V. P. Grebeniuk. Moscow, "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1998. 848 p.
- Dukhanina A. V.* [Handwritten and old-printed traditions of the life of Alexander Nevsky]. *Blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: Blistaia slavoiiu na zemle i na Nebesakh*. Moscow, "Lbto" Publ., 2021, pp. 90–167. (In Russ.)
- Khitrov M. I. Sviatoi blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Iaroslavich Nevskii: Podrob. zhizneopisanie s ris., pl. i kart. Reprint. vosproizvedenie izd. 1893 g.* [The Holy Blessed Grand Prince Alexander Yaroslavich Nevsky: Details. biography with fig., pl. and maps. Reprint. reproduction of the 1893 edition]. Moscow, "Mezhdunar. ob-nie "III": Panorama" Publ., 1991. 277 p.
- Kniaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniia i materialy* [Prince Alexander Nevsky and his era. Research and materials]. Pod red. Iu. K. Begunova i A. N. Kirpichnikova. Saint Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 1995. 215 p.
- Konovalova N. A. [The image of autocracy in the representations of the Russian peasantry based on folklore materials]. *Vestnik Omskogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo*, 2007, no. 4, pp. 121–126.

- Koniavskaia E. L. [Alexander Nevsky in Historical sources: 1. Early chronicles. 2. Hagiographic literature]. Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn. Moscow, "R. Valent" Publ., 2010, pp. 199–218.
- Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Ancient Russia]. Saint Petersburg, "Azbuka-Attikus" Publ., 2015, 314 p.
- Mansikka V. P. [The Life of Alexander Nevsky: An analysis of the editions and the text]. O-vo liubitelei drevnei pis'mennosti, 1913. VI, 226, pp. 12–137.
- Pikkio R. [Russian Humanism: Philological Revival]. Pikkio R. Slavia ortodoxa: Literatura i iazyk. Otv. red. N. N. Zapol'skaia, V. V. Kalugin. Red. M. M. Sokol'skaia. Moscow, "Znak" Publ., 2003, pp. 181–197.
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia. T. 2* [St. Maxim the Greek. The Works. Vol. 2]. Otv. red. N. V. Sinitsyna. Moscow, "IaSK: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi" Publ., 2014, 430 p.
- Raikova I. R. *Russkie predaniia, legendy, skazki. Lubok i massovaia literatura o «spravedlivom» tsare (Traditsionnye siuzhety, motivy, poetika). Avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk* [Russian tales of yore, legends, fairy tales. Lubok and mass literature about the "just" tsar (Traditional plots, motives, poetics). PhD of litt. sci. diss.]. Moscow, 1995. 18 p.
- Shenk F. B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati: Sviatoi pravitel', national'nyi geroi (1263–2000)* [Alexander Nevsky in the Russian cultural memory: The Holy ruler, the national hero (1263–2000)]. Avtorizov. perev. s nemets. E. Zem-skovoi i M. Lavrinovich. Moscow, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publ., 2007. 592 p.
- Sochineniia I. Peresvetova* [Works of I. Peresvetov]. Podgot. tekst A. A. Zimin, pod red. chl.-korr. AN SSSR D. S. Likhacheva. Moscow; Leningrad, "AN SSSR" Publ., 1956. 388 p.
- Sochineniia prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoi dukhovnoi akademii. Ch. 2* [The works of St. Maxim the Greek, published at the Kazan Theological Academy. Part 2]. Kazan', 1860. 460 p.
- Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: Teksty i kommentarii: v 3 t.* [The Book of Degrees of the royal genealogy according to the most ancient lists: Texts and comments: in 3 vols.]. Otv. red.: N. N. Pokrovskii, G. D. Lenkhoff. T. 1: Zhitie kniagini Ol'gi. Stepeni I–X. Pogot. pod ruk. Akad. N. N. Pokrovskogo. Moscow, "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ., 2007. 596 p.

*Sv. Aleksandr Nevskii i ego epokha v dukhovnoi kul'ture Rossii* [St. Alexander Nevsky and his Epoch in the spiritual culture of Russia]. Paleorossia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh: nauchnyi zhurnal. Vyp. № 1 (12). Saint Petersburg, "SPDA" Publ., 2020. 272 p.

Uspenskii B. A., Zhivov V. M. [The Tsar and God (Semiotic aspects of the sacralisation of the monarch in Russia)]. Uspenskii B. A. Izbrannye trudy. T. I: Semiotika isto-rii. Semiotika kul'tury. Izd. 2-e, 1996, pp. 205–337. *Velikie minei chetii: Noiabr'. Vyp. IX. Ch. 2-ia, tetrad' I: dni 23–25* [Great Minei chetii: November. Issue IX. Part 2, notebook I: days 23–25]. Moscow, 1917. Saint Petersburg, pp. 3109–3423.

Zen'kovskii V. V., prot. *Istoriia russkoi filosofii. T. I, ch. 1* [History of Russian Philosophy. Vol. I, part 1]. Leningrad, "EGO", 1991. 220 p.

*Zinovii, inok Otenskii, i ego bogoslovsko-polemicheskie i tserkovno-uchitel'nye proizvedeniia* [Zinovy, the monk of Otensky, and his theological-polemical and church-teaching works]. Issled. F. Kalugina. Saint Petersburg, 1894. 4, IV, 364, 27 p.

# ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ В XIII ВЕКЕ

**Владимир Иванович Петров**

*Кандидат исторических наук, доцент;*

*Кубанский государственный университет (Россия)*

history1380@mail.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_105

---

**Аннотация.** В статье автор, опираясь на основное положение о том, что Галицко-Волынская земля как юго-западная часть земли бывшей Киевской Руси являлась неотъемлемой частью общерусского пространства, показывает многовекторность ее внешней политики. Одним из источников для изучения темы служит Галицко-волынская летопись в Ипатьевском списке XV в. и в Хлебниковском своде XVI в., в изысканиях А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева, М. Д. Приселкова. Автором также рассматриваются труды историков XIX в. и периода 1939–1960-х гг. Объектом исследования выступает история Галицко-Волынского княжества, в частности характеристика особенностей внешнеполитических отношений Галицко-Волынской Руси в XIII в. К задачам исследования автор отнес: изучение роли галицко-волыньских князей в русских уособицах; характеристику отношений с Европой; определение характера отношений с Ордой. Методологической основой исследования являются историко-хронологический, историко-сравнительный и историко-описательный методы, которые позволили нам раскрыть особенности отношений юго-западных земель с соседними княжествами, некоторые особенности социального и политического развития Галицко-Волынской земли. С точки зрения идентификации вопросы взаимоотношения изучаемой территории с Западом и Востоком не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

**Ключевые слова:** внешняя политика галицко-волыньских князей, XIII век.

**Для цитирования:** *Петров Владимир Иванович.* Особенности внешнеполитических отношений Галицко-Волынской Руси в XIII веке // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 105–118. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_105

# SOME FEATURES OF FOREIGN POLICY RELATIONS OF GALICIA-VOLYN RUS IN THE XIII CENTURY

**Vladimir Ivanovich Petrov**

*PhD in History, Associate Professor*

*Kuban State University (Russia)*

history1380@mail.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_105

---

**Abstract.** In the article, the author, proceeding from the fact that the Galician-Volyn land (previously the south-western region of the land of the former Kievan Rus was an integral part of the all-Russian space, shows the multi-vector character of its foreign policy. One of the sources for the study of the topic is the Galician-Volyn chronicle in the Ipatiev list of the XV century, and in the Khlebnikov code of the XVI century as well as the research of A. A. Shakhmatov, D. S. Likhachev, M. D. Priselkov. The works by the historians of the XIX century and those of the period of 1939–1960 are also taken into account. The object of the study is the history of the Galician-Volyn principality while its subject is the characteristics of the foreign policy relations of Galician-Volyn Rus in the XIII century. An attempt is made to complete the following tasks: to study the role of the Galician-Volyn princes in the Russian strife, to characterize their relations with Europe, to identify the character of their relations with the Horde. The methodological basis of the research is the historical-chronological, historical-comparative and historical-descriptive methods, which allowed us to reveal some peculiarities of the relations of the southwestern lands with the neighboring principalities as well as some features of the social and political development of the Galician-Volyn land. From the point of view of identification, the issues of the relationship of the studied territory with the West and the East have not lost their relevance at the present time.

**Keywords:** foreign policy of the Galician-Volhynian princes, XIII century.

**For citation:** Petrov Vladimir Ivanovich. Some Features of Foreign Policy Relations of Galician-Volyn Rus in the XIII Century // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 105–114. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_105

**Ю**го-западные земли бывшей Киевской Руси представлялись неотъемлемой частью общерусского пространства, что наиболее ярко прослеживается в активном участии региона в общерусском историческом процессе. Об изучаемом периоде в истории внешней политики Галицко-Волынского княжества сохранилось множество источников как отечественного, так и зарубежного происхождения. Например, текст Галицко-Волынской летописи XIII в., который представлен Ипатьевским списком начала XV в. и Хлебниковским XVI в. [Хлебниковский список Ипатьевской летописи 1908]. Еще Алексей Александрович Шахматов указывал, что только Хлебниковский список (XVI) содержит наиболее правильное чтение Галицко-Волынского летописания, в отличие от протографа Ипатьевского (XIV). Летописный свод, по мнению М. Д. Приселкова, имеет отношение к «завязавшейся после смерти Кирилла борьбе городов Владимира и Галича за влияние над Киевской митрополичьей кафедрой. М. Приселков выделял три редакции летописи:

- 1) свободный исторический рассказ;
- 2) его перегруппировка в XIII в.;
- 3) редакция начала XIV в. [Приселков 1941].

Летописец работал во время княжения Даниила Романовича. Л. В. Черепнин полагал, что источниками этого писания были [Черепнин 1941]:

- 1) Начальная галицкая повесть о судьбе Даниила и Василько Романовичей, составленная около 1211 г. галицким книжником Тимофеем;
- 2) Сказание о битве на Калке, составленное его участником;
- 3) Повесть о борьбе Даниила с феодальным боярством и польским и венгерским правительствами, начатой в 20-х гг. XIII в. тысяцким Демьяном в результате обследования боярской крамолы, произведенной правительственной комиссией в составе печатника Кирилла и стольника Якова и законченной в 1238–1245 гг.;
- 4) Сказание о Батыевом побоище;
- 5) Рассказ о поездке Даниила в орду к Бату;
- 6) цикл воинских повестей о борьбе с ятвягами;
- 7) местные летописные своды;
- 8) официальные документы княжеского архива;
- 9) придворная литература епископской библиотеки.

Алексей Александрович Шахматов в 1908 г. сделал сравнение списков Хлебниковского и Галицко-Волынского летописаний XIII в. и отметил, что составными частями Галицко-Волынской летописи были:

- 1) Холмский княжеский свод Кирилла;
- 2) Холмская княжеская летопись Ивана;
- 3) Владимирская летопись князя Василько;
- 4) Владимирский княжеский свод Евстигнея с приказами к нему;
- 5) Древняя новгородская Литовская летопись.

Не будем забывать, что вся Галицко-Волынская летопись — это часть Ипатьевской летописи. Отраженный в летописях период XIII в. был наиболее драматичным и поворотным в истории Юго-Запада Руси. Помимо летописей для изучения внешней политики важным источником являются папские послания галицкому князю, которые могут служить для реконструкции папско-русских отношений первой половины XIII в. [Папские послания 1976].

Историографический обзор позволяет нам сделать вывод о довольно разностороннем подходе к рассматриваемой проблеме, о весьма обширной исследовательской базе, изучение которой позволило полнее исследовать взаимоотношения Юго-Западной Руси с соседними образованиями в столь непростой период.

Для начала рассмотрения темы необходимо отметить, что термин «Юго-Западная Русь» в плане территориального расположения учеными воспринимается по-разному. Некоторые исследователи включают сюда Киевскую, Галицкую, Волынскую, Подольскую, Черниговско-Северскую земли [Шабульдо 1987]. Но в более узком смысле часто применяют границы только в пределах Галицко-Волынского княжества, так считали и считают почти все отечественные историки, например И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко и мы. Среднее Поднепровье именуется уже Южной Русь [Фроянов, Дворниченко 1988]. В работе мы будем придерживаться последней точки зрения.

Особенностью княжения Романа Мстиславича с самого начала XIII в. являлось наличие сильного боярства в Юго-Западной Руси. Фактически до конца своего правления Роман Мстиславович боролся с богатым и самостоятельным боярством. Основой богатства была земля. На протяжении всего XIII в. боярские «гнезда-семейства» распоряжались огромными земельными фондами. Первой задачей князя Романа было создание

дружины на основе служилого, верного ему боярства. Эта микровнешняя политика по подчинению себе боярства продолжалась почти весь XIII в. на юго-западных землях параллельно с походами за пределы княжества. Укрепив дружину и накопив земель, волынский князь Роман Мстиславович к концу XII — началу XIII в. стал проводить активную внешнюю политику сразу в нескольких направлениях. Князь начал предъявлять свои династические права на Киев, обосновывая это тем, что его предки по мужской линии в то или иное время занимали киевский великокняжеский стол. Тем не менее следует упомянуть, что волынские Мстиславовичи существенно уступали в продолжительности владения Киевом другим княжеским родам. В период с 1132 по 1200 г. они занимали великокняжеский престол всего 9 лет, да и то с перерывами. Для сравнения: черниговские князья Ольговичи в этот промежуток времени занимали Киевский престол на протяжении 24 лет (с учетом соправлений, но все же). Смоленские князья Мстиславичи правили в Киеве за этот промежуток времени 34 года, и только суздальские князья Мономаховичи меньше всех — 5 лет. Поэтому говорить об исключительности и силе Волынской княжеской дружины в начале XIII в. в межкняжеских спорах не приходится. Отметим, что к середине 90-х гг. у Романа Мстиславовича обострились отношения с его тестем — киевским князем Рюриком Ростиславичем. В 1194 г. правивший Киевской землей совместно с Рюриком черниговский князь Святослав Всеволодович умер. Рюрик пригласил в новые соправители своего брата смоленского князя Давида Ростиславича. Одновременно, чтобы отразить растущие претензии на Киев волынского князя Романа Мстиславича, Рюрик передал Роману Мстиславичу пять городов в Киевском княжестве, населенных главным образом тюрками — лояльными к Руси тюркоязычными жителями. Это города Богуслав, Торческ, Корсунь, Треполь, Канев. Роман, получив эти земли, становился младшим соправителем киевских князей.

Перераспределение княжеских волостей Рюриком Ростиславичем вызвало негодование у одного из наиболее могущественных русских правителей — владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, не получившего от киевского князя никаких территорий. Всеволод в ультимативной форме потребовал от Рюрика передать ему Торчевск и ряд других городов в Киевской земле, отобрав их у Романа.

Стремясь предупредить гнев Всеволода, Рюрик поспешил отобрать спорные земли у Романа и передал их Всеволоду Большое Гнездо.

Всеволод же в свою очередь в благодарность Рюрику назначает правителем этих городов сына Рюрика — Мстислава. Таким образом, у волынского князя Романа Мстиславича сложилось мнение, что Рюрик нарочно задумал всю эту хитроумную комбинацию с указанными городками для того, чтобы сосредоточить власть в Киевской земле в своих руках. Это и привело к разрыву отношений между Романом и Рюриком. В свою очередь Роман, женатый на дочери киевского князя Предславе Рюриковне, развелся и отослал ее к отцу в Киев, в результате чего конфликт перерос в личную ссору. Фактически это действие было понято как объявление войны. На стороне киевского князя Рюрика Ростиславовича приняли участие смоленские князья и владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, а на стороне Романа Мстиславовича выступили черниговские князья Ольговичи. Через своего посла в Чернигове Роман обратился к старшему из черниговских Ольговичей князю Михаилу Всеволодовичу с предложением самому занять великокняжеский стол [Полное собрание русских летописей 2001]. Несмотря на то что последний с энтузиазмом принял это предложение, открыть военные действия против действующего киевского князя Рюрика Ростиславовича он оказался не готовым. Неудачей завершилась и попытка Романа найти поддержку за рубежом. Союзники волынского князя польские князья, среди которых у него было много родственников, не смогли прислать ему войска. Мало того, они сами попросили у Романа помощи, так как были заняты внутренними распрями. Отложив поход на Киев, Роман выступил со своей армией в Польшу. Военная кампания здесь для него сложилась неудачно. Войска волынского князя были разбиты, а сам он серьезно ранен [«Великая хроника» о Польше 1987: 131–132]. Вернувшись во Владимир Волынский, Роман уже не имел сил для вмешательства во внутренние распри. Роман и Рюрик впоследствии помирились и заключили соглашение о передаче г. Полонный и части Корсунской волости от Киева Роману. К 1205 г. возможности Романа Мстиславича по овладению Киевским престолом и Приднепровьем были исчерпаны [Головко 2002: 66]. В этот период его внимание уже все более стали привлекать события в Западной и Восточной Европе. В том же году в одном из походов в Польшу Роман был убит. С его смертью созданное им обширное, но непрочное политическое объединение русских земель начало распадаться.

Летописание времен князя Даниила Романовича возникло на основе использования и Повести временных лет, и, главное, Киевской летописи, которая заканчивалась не 1200-м г., а 1238-м. И автор этого летописания — не владимиристо-волынскый летописец, а неизвестный сводчик начала XIV в., что может подтвердиться текстом «Введения» к Ипатьевской летописи, которое датируется по фразе: «Се же суть имена княземь киевскимь, княжившим в Киеве до избитья Батыева» [ПСРЛ (II) 1908: стб. 1]. Этот сводчик летописей, писавший, видимо, при дворе Даниила Романовича после нашествия татар, пытался убедить читателя, что общерусский центр жизни переместился на Юго-Западную Русь, и это можно подтвердить тем, что автор не утруждал себя перечислением истинных княжеских правлений в Киеве, но лишь припомнил последнего из них — Владимира Рюриковича, сделав резюме: «Данило посади его в себе место в Киеве (вместо себя в Киеве). По Володимере же под Даниловым наместником под Дмитром, взяша батый Киев» [Там же: стб. 1–2]. Исследуя летописные тексты, приходим к выводу, что объединение земель под властью князей Романовичей шло медленно. Сначала князь получили Берестье [Там же: стб. 720]; затем — Белз [Там же: стб. 721]; лишившись вскоре Белза, завоевывают Каменец [Там же: стб. 729]; после они завоевывают Тихомль и Перемиль [Там же: стб. 730]. При захвате Берестья Даниил Романович присоединил западную часть Волыни за Бугом: Угровеск, Верешин, Столпье, Комов [Там же: стб. 731]. В 1217 г. ими взят Владимир [Там же: стб. 732]. Нельзя не упомянуть о поражении волынского и киевского князей от Михаила Черниговского. В 1228 г. в Торческе умирает князь Мстислав Мстиславич Удалой, князь Галицкий. Таким образом, после одиннадцатилетнего перерыва война за Галицкое наследство снова начинается. В 1235 г. после своей победы Михаил Черниговский «посадил» в Киеве своего союзника Изяслава Мстиславича Смоленского, а сам двинулся на Галичину и овладел ее столицей.

В XIII в. русские княжества оказались «в тисках», подвергшись нападению не только со стороны Батыева, но и со стороны крестоносцев. Как писал Г. В. Вернадский, она «могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла» [Вернадский 1925: 152]. Внешнеполитическая ситуация того времени требовала от русских князей сделать геополитический выбор. В отношениях с монголо-татарами были возможны лишь две линии

стратегического поведения: либо конфронтация, либо дипломатическая гибкость. Обе линии были реализованы: одна — Даниилом Галицким, другая — Александром Невским.

Даниил поначалу лавировал между католическим Западом и монголами. Он получил поддержку Батые, и его дипломатический вес резко вырос: Запад, по словам Г. В. Вернадского, «начал заискивать перед ним» [Там же: 153]. Но Даниилу расположение к нему ордынцев показалось унижительным. «Злее зла честь татарская» [Там же: 153], — решил он и вступил в переговоры с папой Римским, рассчитывая на военную помощь Европы. Не получив этой помощи, разменявшись «на повседневные политические мелочи (в 1254 г. получил титул Короля)», он упустил из рук главные нити исторических событий и открыл Венгрии, Литве и Польше дорогу на юго-восток Руси. Волынь и Галиция на долгие века попали в сферу влияния католичества, оторвавшись от общерусского культурного потока. Линия Даниила фактически привела к расколу русского мира, к потере одной из его частей собственной самоидентификации. Г. В. Вернадский писал: «Используй Даниил с тыла поддержку монгольской силы, он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных. Он мог утвердить Русь и православие в Восточной и Средней Европе. Шумная и блестящая эпопея Даниила Галицкого прошла впустую» [Там же: 155].

С конца 1230-х гг. на фоне ухудшения папско-германских отношений, учитывая переход Даниила на сторону императора Фридриха II, папа Иннокентий IV начал завязывать отношения с Даниилом Романовичем. Первые контакты были установлены при встрече с папским послом П. Карпини в марте 1246 г., как считают некоторые историки, во время поездки Даниила в Орду [Карпини 1957: 510–516]. В мае 1246 г. папа посылает к князю своих послов. Папству хотелось, чтобы земли Даниила стали защитным буфером для европейцев от ненавистного потока монголов и чтобы князь мог своевременно оповещать Запад о продвижении войск «татар». Переговоры шли в условиях фактического разрыва отношений папы с Германией (папа в июле 1245 г. отлучил Фридриха от Церкви, когда Иннокентий IV нуждался в образовании союза против императора [Там же]). Для этого папа пошел на уступки правителям ряда государств — Венгрии, Никеи делал выгодные предложения (Белу IV он освободил от клятвы верности Фридриху, Иоанну III Ватацу из Никеи он обещал вер-

нуть Константинополь взамен заключения церковной унии) — и князя Даниила попытался переманить особыми привилегиями [Майоров 2011]. Ему папа предложил преимущественное положение среди русских князей, обещал прекратить посягательства католиков и сохранить греческую обрядовость в религии [Папские послания 1975: 127]. В 1246–1248 гг. осуществлялась переписка Рима и Галича, итогом которой стало признание князьями Даниилом, Васильком и их боярами верховенства папской власти над ними и организации посольств на Лионский собор [Nagirnyy 2008: 128–129]. Папа благословил незаконный брак Василько с троюродной родственницей [Папские послания: 128–129]. Но Даниил Романович не сразу признал верховенство папской унии, о чем говорят «гневные» заявления папы о медленно идущем переходе «схизматиков под власть Рима» [Папские послания, Акты: 64]. В 1248–1252 гг. папа, приостановив переговоры с Даниилом, начал предлагать Александру Невскому королевский титул и признание Киева под его, Александра, властью. Это шаг оказался безрезультатным, и папа вернулся к уговорам Даниила. Зимой 1253–1254 гг. послам папы удалось уговорить Даниила согласиться принять корону [Грушевський 1901: 136–137]. Даниил до 1254 г. тянул с решением, видимо, ожидая итогов переговоров папы и Никеи об унии, так как они почти пришли к соглашению, но смерть обоих правителей («по воле Божьей») в 1254 г. не дала сбыться этому. Призывы папы к христианам на востоке Европы объединиться против «татар» не имели успеха. К тому же папа отталкивал Русь, называя ее жителей православными еретиками и язычниками, и призывал католиков к насаждению своей веры силой.

В 1240–1241 гг., оставляя за собой руины, войска Батые прошли по Киевской, Волынской и Галицкой землям. В декабре 1240 г. монголо-татары захватили земли по Среднему Тетереву и болоховские города. Раскопки городищ показывают, что малые города разрушались ввиду ожесточенного сопротивления. Владимир-Волынский также был взят монголами штурмом после короткой осады. Конечным пунктом «облавы», где монголо-татарские отряды соединились после опустошения Юго-Западной Руси, был город Галич. После татарского погрома Галич запустел. Завоевание Юго-Западной Руси монголами оказалось скоротечным и опустошающим. В итоге, разгромив галицкие и волыньские земли, Батый ушел с Русских земель. В 1241 г. он начал поход в Польшу и Венгрию.

Переработка Холмской летописи, произведенная во Владимире, отражает претензии князя Василько Романовича на главную роль в Юго-Западной Руси [Холмская княжеская летопись Ивана 1908]. Но когда была завершена эта летопись, неизвестно, возможно, по смерти Василько (умер ок. 1269), и нет возможности определить автора летописи; правда, нам известно, что после смерти князя Василько летописание продолжилось епископом Евстигнеем [Летописный свод князя Владимира Васильковича 1289]. Но эта летопись отражала лишь дружественные отношения с Мазовией и отношения с Литвой, которая в это время была занята борьбой с немецким нашествием. Но важно в этом источнике отношение Владимира Васильковича к широкой международной политике князя Льва, к его контактам с «татарами». Мы видим, что из своего «провинциального положения» Владимир Василькович критикует позицию Льва Даниловича по вынужденному продолжению политики своего отца князя Даниила ввиду своих обширных владений и важности своего географического положения.

В указанной летописи есть ценное для нас описание походов Телебуги и Ногая в Польшу (ок. 1287 г.) через Владимирскую землю: «Хотящу поити оканьному и беззаконному Телебузе на ляхи» и собрал «силу многу», видимо, забыв, как блуждал недавно в горах, «забыл казни божие, еже сбылись над ним во Угрех», когда полководец татарский при походе на Венгрию (ок. 1285 г.) погубил от голода войско и закончил поход позорной неудачей: «оканьный же беззаконный Телебуга выиде пешь со своею женою об одной кобыле, посрамлен от бога». Источник повести для летописца, по его утверждению, — это рассказ участников похода от волынских князей: «Самовидци же тако рекоша: умерших бысть сто тысячь» [ПСРЛ 1908: стб. 1]. И вот после поражения в Венгрии Телебуга решается идти в поход на Польшу. Князья встречали Телебугу дарами и «питием»; собрав всех, тот провел смотр войску на «Бужьковском поле», недалеко от г. Владимира, «перезреша свои полкы», а потом пошел во Владимир, остановился на подворье в Житани, на окраине города. Телебуга приказал идти в поход всем «заднепровским» князьям и всем «волынским князьям», то есть Льву, Мстиславу, Владимиру, — «тогда же бяху вси князи в неволе Татарьской», подводит вывод автор летописи. Вероятно, татары заняли город, автор летописи сообщает: «Телебуга же еха обзирати города Володимеря, а друзии молвьвят оже бы и в городе был, но то не ведомо».

А далее говорится, что «по Микулины дни татары чиниши городу насилия и грабиша товар». Кстати говоря, весьма жестоко обошлись с Владимиро-Волынью оставленные Телебугой охранники его «любимых» уставших коней при «Володимере кормити любывеи коней». Бывшие при конях татары «учиниша пусту землю володимерьскую», от этого их «остою» «изомре во городех» и «божьем гневом» множество людей [Там же: стб. 1–2].

До конца XIII в. внешние походы юго-западных Русских земель связаны с именем Льва I Даниловича, разделившего Галицкое княжество с 1264 г., и до кончины Шварна Даниловича (1269), а также с именами Володимира Васильковича Волынского (1269–1288) и Мстислава Даниловича, младшего сына Даниила Романовича, правившего на Волыни с 1289 по 1301 г. Современники считали князя Льва крупным государственным деятелем, весьма успешным дипломатом, «крепким на рати» [Там же: стб. 935].

Подводя итог, можно отметить, что рассмотрение истории внешних отношений Галицко-Волынской Руси обнаруживает ее значительную международную роль в XIII в., всемирно-историческое значение борьбы русского народа за свою независимость, а также большое значение Юго-Западной Руси в исторических судьбах Польши, Литвы, Венгрии, Чехии и других стран. Исследование темы дает возможность понять антиславянский характер католической историографии, в частности о представлении папской курии как защитницы независимости народов восточной Европы.

## Источники

Хлебниковский список Ипатьевской летописи. ПСРЛ. Т. II. Стб. 1908.

Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства Восточной Европы. Москва, 1976. С. 67, 127–129.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. Москва : Языки славянской культуры, 2001. С. 686.

ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 1–935.

Холмская княжеская летопись Ивана. ПСРЛ. Т. II. Холмское писание. Санкт-Петербург, 1908.

## Литература

- «Великая хроника» о Польше Руси и их соседях XI–XIII вв. Москва : Изд-во Московского университета, 1987. С. 131–132.
- Вернадский Г. В.* Два подвига святого Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Прага, 1925. 152 с.
- Головко А. Б.* Князь Роман Мстиславич // Вопросы истории. № 12. 66 с.
- Грушевський М. С.* Хронольоґія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. XLI. Львів, 1901. С. 36–37.
- Карпини Д.* История Монгалов, именуемых нами Татарами. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. А. И. Малеина; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. Москва : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. С. 61–62, 510–516.
- Майоров А. В.* Коронация Даниила Галицкого: Никея и Рим во внешней политике галицко-волинских князей // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronatsiya-daniila-galitskogo-nikeya-i-rim-vo-vneshney-politike-galitsko-volynskih-knyazey> (дата обращения: 05.04.2019).
- Приселков М. Д.* летописание Западной Украины и Белоруссии // Ученые записки Лен. гос. ун-та. 1941. № 7.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1988. 269 с.
- Черепнин Л. В.* летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. Т. 12. С. 228–253.
- Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев : Наукова думка, 1987. 83 с.
- Nagirnyy V.* «Curientes tuis votis annuere» : Kto był inicjatorem rokowań między książętami halickowolyńskimi a stolicą apostolską w połowie lat 40-ch XIII wieku? // Дрогичинь 1253. Мат-ли Міжнар. наук. конф-ції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 134–141.

## References

- Cherepnin L. V. [The chronicler of Daniel Galitsky]. *Istoricheskie zapiski*, 1941, vol. 12, pp. 228–253. (In Russ.)
- Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi* [Cities-states of Ancient Russia]. Leningrad, “Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta” Publ., 1988. 269 p.
- Golovko A. B. [Prince Roman Mstislavich]. *Voprosy istorii*, no. 12, 66 p. (In Russ.)
- Grushevs’kii M. S. [Chronology of events in the Galician-Volhynian Chronicle]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*, Lviv, 1901, T. XLI, pp. 36–37. (In Ukr.)
- Karpini D. [The history of the Mongols, whom we call Tatars. Guillaume de Rubruk. Travel to the Eastern countries]. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*. Perevod A. I. Maleina; Redaktsiya, vstupitel’naya stat’ya i primechaniya N. P. Shastinoi. Moscow, “Gos. izd-vo geogr. lit-ry” Publ., 1957, pp. 61–62, pp. 510–516. (In Russ.)
- Maiorov A. V. [The Coronation of Daniel Galitsky: Nicaea and Rome in the foreign policy of the Galician-Volyn Princes]. *Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 2011. №1. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronatsiya-daniila-galitskogo-nikeya-i-rim-vo-vneshney-politike-galitsko-volynskih-knyazey> (accessed 05.04.2019).
- Nagirnyy V. [«Curientes tuis votis annuere»: Who was the initiator of the negotiations between the Galician-Volyn’ princes and the Holy See in the mid-40s of the 13th century?]. *Drogichin* 1253. *Mat-li Mizhnar. nauk. konf-tsiï z nagodi 755-ï richnitsi koronatsii Danila Romanovicha*. [Drogichin 1253. Proc. Int. Scient. Conf. on the occasion of the 755th anniversary of the coronation of Daniil Romanovich]. Ivano-Frankivsk, 2008, pp. 134–141. (In Pol.)
- Priselkov M. D. [Chronicle of Western Ukraine and Belarus]. *Uchenye zapiski Len. Gos. Un-ta* № 7, 1941. (In Russ.)
- Shabul’do F. M. *Zemli Yugo-Zapadnoi Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Lands of South-Western Rus’ as part of the Grand Duchy of Lithuania]. Kiev, “Naukova dumka” Publ., 1987. 83 p.

«Velikaya khronika» o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv. [“The Great Chronicle” about Poland, Russia and their neighbors of the XI–XIII centuries]. Moscow, “Izd-vo Moskovskogo universiteta” Publ., 1987, pp.131–132. (In Russ.)

Vernadskii G. V. *Dva podviga svyatogo Aleksandra Nevskogo*. [Two exploits of St. Alexander Nevsky]. *Evraziiskii vremennik. Kn. 4.* [Eurasian vremennik. Book 4.]. Praga, 1925. 152 p. (In Russ.)

# СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И НОВГОРОДСКИЕ АРХИЕРЕИ ЕГО ВРЕМЕНИ

**Прот. Святослав Худовеков**

*Кандидат богословия;*

*Смоленская православная гимназия (Россия)*

*a.ja.189@mail.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_119

---

**Аннотация.** В статье рассматриваются взаимоотношения княжеской и церковной власти в Новгороде в период правления св. Александра Невского. Драматические обстоятельства жизни Руси привели обе стороны к сотрудничеству, которое стало началом возвышения новгородских архиепископов во внутренней структуре политической системы Великого Новгорода. Отмечается важность пастырской позиции архиепископов, сознававших свою ответственность за судьбу города.

**Ключевые слова:** св. Александр Невский, Новгород, Новгородский архиепископ, история Церкви.

**Для цитирования:** *Худовеков Святослав, прот. Св. Александр Невский и новгородские архиереи его времени // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 119–128. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_119*

# ST. ALEXANDER NEVSKY AND NOVGOROD ARCHBISHOPS OF HIS TIME

**Archpriest Svyatoslav Khudovekov**

*PhD in Theology*

*Smolensk Orthodox Gymnasium (Russia)*

*a.ja.189@mail.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_119

---

**Abstract.** The article deals with the relationship between the secular and the ecclesiastical authorities in Novgorod during the reign of Alexander Nevsky. Dramatic circumstances of the life of Russia led both parties to cooperation, which was the beginning of the elevation of Novgorod Archbishops in the internal structure of the political system of Veliky Novgorod. The author notes the importance of the pastoral position of the archbishops, who were aware of their responsibility for the fate of the city.

**Keywords:** Alexander Nevsky, Novgorod, Novgorod archbishop, church history.

**For citation:** Khudovekov Svyatoslav, archpr. Alexander Nevsky and Novgorod Archbishops of his Time // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 119–128. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_119

**XIII** в. занимает свое особое место в истории взаимоотношений церковной и княжеской власти в Великом Новгороде. Несмотря на то что новгородский архиепископ оказывается как бы в тени решительных, хотя и не всегда последовательных действий новгородского боярства, при которых одни князья высылаются, другие принимаются, а спустя время возвращаются первые, мы можем не сомневаться, что церковная власть всегда оказывается как минимум в курсе происходящего. Да, мы не видим в передаче летописца каких-либо ярких действий новгородских архиереев против того или иного князя, но, с другой стороны, не видим и обличений или прещений, обычных для церковной власти в том случае, когда происходящее ее не устраивает.

Причиной этого «молчания», как уже неоднократно отмечалось исследователями, является связь новгородского архиерея с правящим слоем новгородского боярства (один из современных авторов справедливо замечает, что за всю историю Великого Новгорода мы не имеем примеров тому, чтобы действия новгородских архиереев в чем-то противоречили интересам новгородского боярства [Янин 1977: 228–229]). Реальная действительность воспроизводится в несколько размытой картине, поскольку она дополняется субъективными факторами переписчиков. Мы не можем не учитывать пастырскую сторону вопроса, при которой новгородское общество рассматривается главой местной церкви как несовершенная христианская ячейка Церкви Христовой, требующая со стороны духовенства наставляющих пастырских усилий, результаты которых находятся во вза-

имосвязи с успехами или неуспехами внешнего развития новгородской государственности. Таким образом, было бы большой ошибкой воспринимать деятельность архиепиея в контексте лишь социальных функций, что было модно для историков советского времени, не видевших в церковной организации вообще никакого иного смысла, кроме пресловутого подавления низших слоев общества и защиты интересов высших.

Пастырская же сторона вопроса в свою очередь может включать в себя различные топосы как ветхозаветного, так и византийского происхождения. В качестве примера первых можно упомянуть ветхозаветных пророков в роли пастырей Израиля, радеющих более об внутреннем состоянии, чем о внешних доходах, воспринимающих внешнее унижение от иноплеменников как часть судеб Божиих в отношении избранного народа. В качестве примера византийского топоса отметим важную для нашей темы связь деятельности пастыря с функционированием христианского государства, олицетворением которого выступает властитель-император. Эта связь прослеживается в богослужебных текстах, присутствует в агиографической традиции. В условиях русской действительности место императора как носителя государственности занимает великий князь. Обратим внимание на то, что оба топоса уводят нас довольно далеко от стандартного представления о новгородском архиепиее как «церковном новгородском боярине»: первый делает возможным противостояние собственной пастве, второй актуализирует роль великого князя и его значение, что, казалось бы, противоречит республиканским тенденциям.

С другой стороны, новгородская церковная администрация в XIII в. находится еще в середине того пути, который от епископов, поставляемых киевскими князьями из числа киевских же монахов, через процедуру выборности (как в церковном законодательстве Юстиниана, так и на примере соседней Швеции, где в середине XII в. четко прослеживается выборность кандидатов на посвящение в епископы, а возможно, и на местные традиции авторитетного вечевого избрания) привел новгородского архиепископа к функции неофициального правителя Новгорода, реализованной в конце XIV — начале XV в. и оставшейся таковой до заката новгородской государственности.

В случаях с великими князьями мы чаще всего видим новгородских архиепиеев в роли примирителя, особенно при поездках в Северо-Восточную Русь, во главе новгородской делегации либо же в торжественной

роли благословляющего перед началом военных действий, от хода которых могла зависеть судьба Великого Новгорода.

За все время пребывания Александра Ярославича в Новгороде ему пришлось иметь дело всего с двумя новгородскими архиереями, каждый из которых правил долго и олицетворял собой целую эпоху. Первый из них — святитель Спиридон (годы правления 1230–1249), по сообщениям летописи, «из числа иеродиаконов Юрьевского монастыря» [Новгородская первая летопись 1950: 274–275], был избран на вече в 1229 г. при участии его основного противника — отца Александра Невского, черниговского князя Михаила Всеволодовича, и в 1230 г. посвящен в сан митрополитом Кириллом в Киеве. Поскольку при избрании архиерея формируется также его ближайшее окружение, можно предположить, что оно состояло из ситуационных противников Мономашичей. На начало его правления пришелся великий голод и мор в Новгороде, последствия которых оказывали влияние на городскую жизнь в течение нескольких лет. Окончилось правление святителя Спиридона (само имя которого предполагает коннотацию со святым Спиридоном Тримифунтским и особое внимание к пастырству) уже в другую эпоху, когда ушли из жизни почти все князья «домонгольской» Руси (Ярослав и Михаил — в 1246 г., Святослав Всеволодович скончается чуть позже, в 1252 г.), лежал в руинах Киев и завершился киевский период русской истории. К моменту кончины святителя Александр Ярославич был уже великим князем Киевским и всея Руси, хотя и не обладавшим полностью возможностей из-за ордынского назначения Андрея Ярославича, брата Александра, князем Владимирской земли. Вплоть до событий Неврюевой рати в 1252 г. центром деятельности Александра остается Великий Новгород.

Можно без особенного преувеличения предположить, что переживание голода и мора, сопровождавшееся коллапсом местной власти, разгулом «лихих людей», разбоем и бесчинствами, ежедневным зрелищем мертвых тел, лежащих по центральным улицам, на торге и на великом мосту, никем не погребаемых, — все эти картины должны были оказать сильное влияние на настроение и саму деятельность владыки Спиридона. Летописец упоминает организацию им скудельниц, т. е. мест погребения христиан, умерших без должного христианского приурочивания [Новгородская первая летопись 1950: 277]. Скудельница, как мы видим из летописи, находилась на Прусской улице, месте сосредоточения одного из

«центров власти» тогдашнего новгородского боярства, которое, по-видимому, значительно пострадало от эпидемии.

Этот же пастырский подход побуждал святителя воспринимать город со всеми его партиями и различными политическими предпочтениями как некое целое, вследствие чего неудивительно соработничество архиеерея с вновь пришедшими в Новгород Мономашичами (1231). В 1234 г. он оплакивает кончину Феодора Ярославича и погребает его в Юрьевом монастыре, спустя десять лет (1244) участвует в погребении его матери, жившей в Новгороде с сыновьями и принявшей постриг здесь же. У нас нет никаких сведений о возможных конфликтах в отношениях между святителем Спиридоном и Ярославичами, сторонники которых возобладали в Новгороде. Архиепископ благословляет Александра Ярославича перед Невской битвой (1240) и походом на немцев, захвативших Псков (1242). Не случайно он же возглавляет делегацию новгородцев, дважды приезжавших во Владимирскую землю с просьбой к Александру Ярославичу вернуться в Великий Новгород.

Оставляя в стороне причины, побудившие новгородцев вскоре после Невской битвы изгнать Александра Ярославича из города, отметим, что до 1246 г., т. е. до кончины великого князя Ярослава Всеволодовича, действия Александра в Новгороде не могли быть самостоятельными, но находились в русле великокняжеской политики его отца.

Последние годы жизни святителя Спиридона не упомянуты в летописи за исключением записи о его кончине, но можно предположить, что с усилением личной власти Александра Ярославича и его успешных действий по защите Новгорода от литвы и других врагов отношения между князем и святителем оставались на прежнем уровне.

Характеризуя в целом церковную жизнь Великого Новгорода в этот период, можно отметить, что с 1230 г. она протекала на фоне постоянного стресса, вызванного как внешними, так и внутренними причинами. Не случайно за время правления Александра Ярославича новгородцами не было построено ни одного нового храма [Андреев 1989: 88–89]. Очевидно, что все силы были направлены на отражение внешней агрессии (немцы, шведы, емь, литва).

О том, что ситуация начинает меняться к лучшему, свидетельствует сообщение летописи, согласно которому новый архиепископ Новгорода Далмат в 1261 г. покрыл свинцом крышу Софийского собора.

Владыка Далмат, сменивший почившего Спиридона, также правит достаточно долго (1251–1274 гг.; или с 1249-го, если считать с момента избрания), и на годы его правления приходится весь период деятельности Александра Невского как великого князя Киевского и Владимирского, не имеющего теперь уже никаких ограничений (1252–1263), до того самого момента, когда «зашло уже солнце земли Суждальския». При этом можно отметить, что и избрание нового новгородского архиепископа, и его рукоположение совершались под пристальным оком великого князя: рукополагался он не во Владимире, городе, принадлежавшем тогда Андрею Ярославичу, а в самом Новгороде. Можно предполагать, что кандидаты на рукоположение, из которых Далмат был выбран жребием, в той или иной мере контролировались боярской партией, ориентированной на поддержку Александра Ярославича.

Однако дальнейшая деятельность новоизбранного новгородского архиепископа в описании летописца не содержит таких подробностей сотрудничества и взаимной заинтересованности, какими наполнена история взаимоотношений Александра Ярославича и митрополита Кирилла. Более того, в поход на емь, который совершается в 1256 г. через Ижорскую землю, великого князя до определенного момента сопровождает митрополит Кирилл, а о каком-либо участии Новгородского архиепископа в этом походе нам ничего не известно [Новгородская первая летопись 1950: 309]. Являлось ли это признаком холодности между двумя властителями или откровенной вражды между ними? Или же здесь существовала другая, извинительная причина? Ответ на этот вопрос нам неизвестен. Во всяком случае, «рабочие» отношения у князя с новгородским святителем сохранились, и в кризисные моменты 1255 г., когда Александр силой меняет посадников, а также в 1259 г., когда также силой осуществляется перепись новгородцев и учреждается ордынский выход с Новгородской земли, святитель Далмат выступает посредником, смягчая взаимное ожесточение.

Учитывая уже известную нам тенденцию в деятельности новгородских архиереев, можно сказать, что ситуация с владыкой Далматом зеркально повторила предыдущую, в которой находился его предшественник. Один был избран противниками Ярославичей, но логика пастырского служения в Новгороде принудила его к сотрудничеству, а затем и к поддержке этой линии русских князей, поскольку только они могли в создавшейся

сложной ситуации защитить основные интересы Новгорода. Точно так же, несмотря на начальное благоприятное отношение архиепископа Далмата к Александру Невскому (повторимся, в условиях даже личного отсутствия князя, решавшего тогда вопросы своего статуса в Орде, было бы ошибкой предполагать, что в Новгороде у него не оставалось сильной боярской партии поддержки, и другой нюанс: после гибели князя Михаила Черниговского в Орде не было альтернатив), логика архиерейского служения на новгородской кафедре потребовала от него большой самостоятельности и гибкости. Когда в Новгороде верх берет другая партия, она не может найти иных кандидатов в князья, кроме тех же Ярославичей, ориентируясь на сына Александра Невского, Василия Александровича. Нет ничего удивительного, что такие попытки вызывают акцентированно жесткую реакцию со стороны великого князя, угрозы которого ликвидировать самостоятельность Новгорода на этот момент были вполне реальны, и можно только предполагать, как развивались бы события русской истории, ликвидируй Александр новгородское боярское землевладение.

Таким образом, в обоих случаях пастырская позиция новгородских святителей заставила их отражать интересы всего города в совокупности, не разделяя его на партии и примиряя по возможности отдельные вспышки вражды. Именно такая позиция архиепископа оказалась наиболее востребованной и полезной для всех сторон, и именно с этого времени она становится для новгородских архиереев традиционной, а финансовые и организационные возможности новгородской кафедры теперь были в состоянии обеспечить эту примиряющую всех самостоятельность.

Итак, основной наш вывод — это констатация того факта, что в период жизни Александра Ярославича начинает складываться новая модель поведения новгородской церковной власти. Отчасти вследствие необходимости, отчасти из пастырского душепопечения новгородские архиепископы отходят от практики поддержки той или иной стороны в боярской партийной борьбе, и это становится возможным на фоне сильных внешних угроз и мощного давления княжеской власти в лице Александра Невского. Кажущееся слабостью «молчание» новгородских архиереев очень показательно, поскольку в критические для Новгорода моменты эти архиереи всегда оказываются в центре событий, выступая ходатаями перед великим князем или примирителями враждующих

в городе партий. Все это приводит к увеличению значимости новгородской кафедры как общественного института, дает новгородским владыкам большие возможности, которые будут реализованы их преемниками уже в XIV–XV вв.

Эпилогом данной публикации следует замечание, что кризис новгородского общественного устройства, приведший к краху городской независимости, начался с того момента, когда новгородские владыки, заботясь о земных интересах, оставляют пастьерское попечение о городе в целом, сами становятся на сторону «великих» бояр против «меньших», и это приводит к естественному росту авторитета у этих самых «меньших» великого московского князя (подробно этот процесс в популярной форме описан Ю. Г. Алексеевым [Алексеев 1991] и достаточно наглядно показана роль новгородского архиепископа в принятии решений к выгоде «литовской» партии) и ко всем последующим событиям 70-х гг. XV в.

Исследуя источники по истории Русской Церкви этого периода, нельзя обойтись без горестных мыслей — уже не о гибели земли Русской, а об утрате множества письменных памятников того времени, важных для понимания полной картины общественных взаимоотношений в Новгороде этого периода. Мировоззрение новгородцев включало в себя и многочисленные поучения духовных наставников киевского периода (прежде всего преподобного Варлаама Хутынского, но также и многих других) — можно не сомневаться, что они ходили по рукам точно так же, как сегодня у верующих популярны книжечки с поучениями Оптинских старцев или недавних Псково-Печерских подвижников. В эту же картину входят многочисленные проповеди и поучения новгородских владык, которые, безусловно, записывались и перечитывались верующими. Сюда же относятся и реалистичные мифологемы в духе византийских рассказов о полете Александра Македонского на грифах и ныне утраченные элементы устного народного творчества и многое другое. Киевская Русь по-прежнему остается для нас *terra incognita*, что, как говорится в известной крылатой фразе о том, что всех книг перечитать невозможно, одного может подвигнуть к еще более усердному чтению, а другого утвердить в мысли, что и вообще ничего читать не нужно. Выбор одной из этих двух возможностей, как водится, зависит от нас самих.

## Литература

- Алексеев Ю. Г. К Москве хотим. Закат боярской республики в Новгороде. Санкт-Петербург : Лениздат, 1991. 155 с.
- Андреев В. Ф. К истории церковного строительства в Новгороде XII–XV вв. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 87–90.
- Лукин П. В. Новгородское вече. Москва, 2018. 674 с.
- Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. Санкт-Петербург : ИИМК РАН, 2013. 139 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва ; Л., 1950. 659 с.
- Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Санкт-Петербург : СПбДА, 2020. 270 с.
- Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. Санкт-Петербург, 1913. 414 с.
- Халявин Н. В. Проблема становления новгородской архиепископии в трудах отечественных историков // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2016. С. 23–31 (серия «История и филология»).
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. Москва, 1980. 223 с.
- Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. Москва : Наука, 1989. 233 с.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. Москва, 2017. 511 с.
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Москва : Высшая школа, 1977. 240 с.

## References

- Alekseev Yu. G. *K Moskve khotim. Zakat boyarskoi respubliki v Novgorode* [We want to Moscow. The sunset of the Boyar Republic in Novgorod]. Saint Petersburg, “Lenizdat” Publ., 1991. 155 p.

- Andreev V. F. [On the history of church construction in Novgorod, XII–XV centuries]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhеologiya*, 1989, no. 2, pp. 87–90. (In Russ.)
- Khalyavin N. V. [The problem of the formation of the Novgorod Archdiocese in the works of Russian historians]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*, 2016, pp. 23–31. (In Russ.)
- Khoroshev A. S. *Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme novgorodskoi feodal'noi respubliki* [The Church in the socio-political system of the Novgorod feudal Republic]. Moscow, 1980. 223 p.
- Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [Novgorod veche]. Moscow, 2018. 674 p.
- Musin, A. E. *Zagadki doma Svyatoi Sofii: Tserkov' Velikogo Novgoroda v X–XVI vv.* [The Riddles of the House of St. Sophia: The Church of Veliky Novgorod in the X–XVI centuries]. Saint Petersburg, “IIMK RAN” Publ., 2013. 139 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshеgo izvodov* [Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov]. Moscow, Leningrad, 1950. 659 p.
- Paleorossiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Paleorussia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas]. Saint Petersburg, “SPbDA” Publ., 2020. 270 p.
- Priselkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.* [Essays on the church-political history of Kievan Rus in X–XIII centuries]. Saint Petersburg, 1913. 414 p.
- Shchapov Ya. N. *Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi X–XIII vv.* [The state and the Church of Ancient Russia of the X–XIII centuries]. Moscow, “Nauka” Publ., 1989. 233 p.
- Yanin V. L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniki]. Moscow, 2017. 511 p.
- Yanin V. L. *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya* [Essays of complex source studies. Moscow: Higher School]. Moscow, “Vysshaya shkola” Publ., 1977. 240 p.

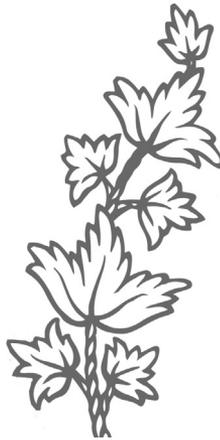
ФИЛОЛОГИЯ,  
АГИОГРАФИЯ

---

III

---

PHILOLOGY AND  
HAGIOGRAPHY





# ПОЧИТАНИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РУССКИХ ПЕСНОПЕНИЯХ XVI–XVIII веков СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСНОПЕНИЙ

Татьяна Федосьевна Владышевская

*Доктор искусствоведения, доцент;*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)*

t\_vladyshevskaya@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_131

**Аннотация.** Статья посвящена почитанию и всецерковному прославлению святого благоверного князя Александра Невского, его великих ратных подвигов, высокодуховной и благочестивой жизни, запечатленных в песнопениях и богослужениях русскими гимнографами и композиторами. В статье проделан текстологический и сравнительно-исторический анализ этих песнопений, в том числе различных видов древнерусских распевов XVI–XVIII вв. — знаменного, демественного, строчного — с их монодическим унисоном и многоголосием. В статье прослеживается также история развития почитания святого князя Александра, а именно: возникновение в XVIII в. новых служб и торжественных партесных концертов, созданных в честь перенесения из г. Владимира в Санкт-Петербург мощей святого Александра. Новизна статьи заключается в изучении различных стилевых течений в певческой культуре России тех времен и способов нотации распевов на примере богослужебных песнопений и концертов, посвященных св. блгв. кн. Александру. За основу исследований были взяты летописные памятники из архивных рукописных фондов РГБ, ГИМ и РГДА.

**Ключевые слова:** Александр Невский, русские песнопения, кондак, стихира, тропарь, знаменное пение, монодия, демественное многоголосие, партесные концерты.

**Для цитирования:** Владышевская Т. Ф. Почитание святого благоверного князя Александра Невского в русских песнопениях XVI–XVIII вв. Силевые особенности песнопений // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 131–168. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_131

# VENERATION OF THE HOLY BLESSED PRINCE ALEXANDER NEVSKY IN RUSSIAN CHANTS OF THE XVI–XVIII CENTURIES. THE STYLISTIC FEATURES OF CHANTS

**Tatyana Fedosievna Vladyshevskaya**

*ScD in the Arts, Assistant Professor,*

*M. V. Lomonosov Moscow State University (Russia)*

t\_vladyshevskaya@mail.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_131

---

**Abstract.** The article is devoted to the veneration and all-church glorification of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky, his great feats of arms, his highly spiritual and pious life, captured in hymns and divine services by Russian hymnographers and composers. The article provides a textual and comparative historical analysis of these hymns, including various types of Old Russian chants of the XVI–XVIII centuries — *znamenny*, *demestvenny*, *strochny* — with their monodic unison and polyphony. The article also traces the history of the development of the veneration of the Holy Prince Alexander, namely: the emergence in the XVIII century of new services and solemn partes concerts created in honor of the translation of the relics of St. Alexander from Vladimir to St. Petersburg. The novelty of the article lies in the study of various stylistic trends in the singing culture of Russia of those times and methods of notation of chants at the example of liturgical chants and concertos dedicated to St. Alexander. The research was based on chronicle monuments from archival manuscript collections of the Russian State Library, the State Historical Museum and the Russian State Archive of the Ancient Acts.

**Keywords:** Alexander Nevsky, *stichera*, *troparia*, services, chants, banner singing, *demestvennoe polyphony*, partes concertos.

**For citation:** Vladyshevskaya T.F. Veneration of the Holy Blessed Grand Prince Alexander Nevsky in Russian Hymns of the XVI–XVIII Centuries. Stylistic Features of Chants // *Sretensky Word*. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. P. 131–168. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_131

Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 20–012–00386/20.

**С**лужбы и песнопения святому благоверному князю Александру Невскому создавались на протяжении многих лет. В XVI–XVIII вв. стиливые особенности песнопений святому Александру Невскому соответствовали традициям русского церковно-певческого искусства того времени. В нем прослеживаются три этапа.

Первый этап был связан с монодическим знаменным распевом, своим унисоном он воплощал единство воли, чувства и мысли, «единными усты и единым сердцем» исполнялись эти песнопения.

Следующий этап связан с развитием многоголосия в русском церковном пении. Это был особый русский тип многоголосия — демественное и строчное многоголосия. Своими многоголосными распевками это пение напоминает русскую народную песню с ее мелодичностью, плавным движением голосов и подголосочностью. Ведущий голос в нем — путь. Он обрамляется подголосками, как в многоголосных лирических песнях. Строчные и демественные «песнопели бывалито» двухголосного, трех- и четырехголосного склада. Эти звуковые потоки создавали яркие и разнообразные краски, необычные созвучия. Переплетаясь между собой, они, словно драгоценные золотые жилы в породах камня или разноцветные кружева, образуют разные созвучия — то диссонантные, то консонантные. Песнопения св. Александру Невскому представляют собой двухголосное демество. Они составлены по всем канонам демественного многоголосия: голоса тянутся, словно разноцветные ленты, то переплетаясь между собой, то двигаясь параллельно, то соединяясь в унисон.

Третий тип стиливого направления в песнопениях Александру Невскому основывается на европейских традициях. В Россию в конце XVII в. врывается новое стиливое направление — барокко. Этот стиль охватывает все стили искусства, архитектуру и литературу. В церковно-певческом искусстве происходят многие изменения: вместо крюковой нотации появляется пятилинейная. Древнерусские распевы — знаменный, болгарский, греческий — гармонизируются. Появляются совсем новые жанры духовной музыки — канты, псалмы, богослужения, концерты. Песнопения этого стиля основываются на гармонической основе, их пишут на 3, 4, 8, 12, а иногда и более голосов, вплоть до 48 голосов. Партесный стиль возникает вначале

в духовной среде, а затем формируется в светскую культуру. Среди сочинений Александру Невскому в стиле барокко выделяется партесный концерт на 12 голосов «Веселися и радуйся, Ижорская земле», а также служба, созданная по приказу Петра I Гавриилом Бужинским в честь перенесения честных мощей св. Александра из г. Владимира в Санкт-Петербург в 1724 г. Она была отслужена 30 августа 1724 г.; к этому же событию И. М. Протопоповым, уставщиком государевых певчих дьяков, была составлена партесная четырехголосная служба на основе сокращенной службы, посвященной успению св. блгв. кн. Александра Невского.

Святой князь Александр Невский (1221–1263) — один из самых знаменитых святых средневековой Руси. Его жизнь и деятельность пришлись на самые драматичные годы XIII в., когда Русь подверглась ударам с двух сторон — католического Запада и монголо-татар. Александр, бывший в ту пору князем Новгородским, проявил не только военный талант, но и дипломатический. Он не проиграл ни одного сражения и заключил мир с наиболее сильным, но при этом более веротерпимым врагом — Золотой Ордой.

Отразив нападение с Запада, он защитил православие от католической экспансии. В службах и песнопениях ярко выражен героический образ святого князя.

Главная память Александру Невскому приходится на 23 ноября, этот день связан с кончиной благоверного князя, праздник был установлен на церковном Соборе 1547 г. Есть предположение о более раннем начале почитания памяти св. Александра, прежде всего во Владимирском Рождественском монастыре в начале 80-х гг. XIII в. Возможно, его почитание берет свое начало с момента его погребения или с момента создания «Жития», составленного при участии Кирилла, митрополита Киевского и всея Руси, лично знавшего и помнившего князя Александра. Сам факт создания «Жития» говорит о церковном поминовении князя, о существовании службы, которая по тому времени, как полагает Н. С. Серегина [Серегина 1994: 179–187], могла соответствовать краткой редакции — по Студийскому уставу либо вестись по общему образцу службы святому воину. Память св. Александру совершалась, вероятно, до середины XVI в. только в стенах Богородицкого Рождественского монастыря во Владимире. О почитании памяти Александра Невского свидетельствует, например, «чудо» видения Александра, будто бы восставшего из раки на

помощь правнуку своему великому князю Димитрию Ивановичу перед Куликовской битвой.

В древнерусских минейных источниках составление первой службы Александру Невскому связывается с именем монаха Рождественского Владимирского монастыря Михаила: в минейных списках бывают указания: «творение Михаила монаха тоя же обители». Служба была создана сразу после канонизации князя Александра в 1547 г. В своем творении монах Михаил использовал все певческие жанры, унаследованные из Византии: гласы, подобны, тропари, кондаки, икосы и всю структуру православного богослужения.

Заголовки службы: «Успение великого князя Александра Ярославича Владимирского и Новгородского и всея России»; «Успение благоверного и великаго князя Александра Ярославича Невскаго, Владимирского и всея Руси чодотворца, во иноцех Алексия» изредка с добавлением «преставися святыи в лета 6771 (1263)».

Первая, краткая редакция службы середины XVI в. содержит следующие стихиры.

В стихире Александру Невскому на великой вечерне автор повествует о том, что в российских пределах явился «чудотворец преславный» — герой, подобный знаменитым римским воинам:

*«Не от Рима воссиял еси, не от Сиона, Богомудре, но в Российской земли явился чудотворец преславный, исцеление подавая неоскудно всем приходящим с верою».*

В стихире по 50-м псалме «Приидите все люди, хвалу воздадим блаженному» св. Александр назван столпом пресветлым, именно через него укрепилось Православие: *«радуйся, пресветлый столпе, просвещающий нас светлостями чудес».*

События, связанные с князем Александром, вспоминаются в песнопениях и в преданиях; святой князь Александр явился воинам перед решительной битвой на поле Куликове, подкрепляя их и просвещая «светлостями чудес», от мощей его исцелялись верующие, приходящие к нему за помощью.

Житие благоверного князя Александра Ярославича [Бегунов 2003: 103–107] принадлежит к лучшим произведениям древнерусской литературы; в центре повествования находится рассказ о блестящей победе войска Александра над шведами у берегов Невы в 1240 г., когда князь

Александр с небольшим новгородским ополчением разгромил шведское войско на Неве, при впадении в нее реки Ижоры. В 1242 г. он одержал знаменитую в истории Руси победу над немецкими тевтонскими рыцарями в решающем сражении на льду Чудского озера, названном Ледовым побоищем. Князь Александр постоянно стремился укрепить западные рубежи страны: на границах Новгородской земли князь возвел укрепления, а в 1253 г. он освободил Псков от немецких захватчиков, о чем вспоминается в одном из песнопений службы XVI в. князю Александру.

Отец князя Александра великий князь Ярослав Всеволодович сумел установить мирные дипломатические отношения с завоевателями и спасти Русь от постоянных набегов. Для этого Ярослав Всеволодович вынужден был ездить в Орду, в ставку хана Батыея, и дальше по жаркой пустыне в центр Монголии, в Каракорум. То же пришлось делать и князю Александру. Поездки в Орду были изматывающими, дорога в Каракорум в одну сторону по безводной пустыне занимала три месяца. Князь Александр Ярославич с трудом выносил эти длительные переезды. Зимой 1250 г., после трех лет отсутствия, князь Александр вернулся на Русь, на свое новгородское княжение. Летопись об этом пишет кратко: «Того же лета приеха Князь Александр Ярославович из Орды в Новгород и рады быша новгородци». По возвращении он заболел. Длинное путешествие по пустыням Азии подорвало его здоровье. «Бысть болезнь его тяжка зело», — пишет летописец, св. Александр был близок к смерти. В церквях горело множество свечей, поставленных за его здоровье, служились молебны. Св. Александр начал поправляться и вскоре совсем выздоровел. Летописец пишет, что Бог умножил годы жизни князя, как полагает летописец, из-за его любви к церковному богослужению, к чину церковному. «Умножи Бог живота ему: бе бо любя чин церковный» [Клепин 2004: 80–81]. Ярослав Всеволодович погиб в Орде, он был отравлен. В 1263 г. князь Александр, возвращаясь из Орды тяжелобольным, в предсмертном состоянии остановился в Городце, где принял монашество, великую схиму, и «наутро скончался», пишет летописец. Возможно, причина кончины князя Александра была та же, что и у его отца, князя Ярослава. Художник М. В. Нестеров, знаток русской истории, написал эскиз исторической картины «Успение святого Александра Невского», в которой он изобразил князя Александра в виде умирающего схимника, окруженного близкими ему людьми, митрополитом, воинами и плачущими у его ног княгиней с дочерью (Ил. 1).



Ил. 1

М. В. Нестеров. Успение кн. Александра Невского.

Эскиз росписи церкви святого Александра Невского в Абастумани

В житийной повести [Бегунов 2003: 103–107] говорится: «Князь же великий Александр в тот же текущий год выехал от иноплеменников и доехал до Новгорода Нижнего, и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца — разболелся.

Горе тебе, бедный человек! Как сможешь ты кончину господина своего описать! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! <...>

Князь Александр, ревнуя Господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием сверх меры принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму <...> Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным вместе с князьями и боярами и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со псалмами и песнями, со свечами и кадилами боговдохновенными. И народ же толпился, желая

прикоснуться к честному одру святого его тела. Был же плач великий, и стон, и крик такой, какого еще никогда не бывало, — так что земля содрогнулась. И положено было тело его в церкви Рождества Святой Богородицы» [Там же: 107].

Кончина князя Александра стала тяжелой утратой для всей Русской земли. «Митрополит же Кирилл говорил князьям, боярам и людям: “Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже ведь не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальской!” Иереи, и дьяконы, и черноризцы, сироты и нищие, богатые и все люди — многие говорили, причитая: “Уже погибаем!”» [Там же].

Так трагически восприняли смерть своего князя владимирские жители. Один из замечательных памятников литературы XIII в. «Слово о гибели земли Русской» связан с историческими событиями того времени. Это высокопоэтическое произведение, автор Слова любит и восхваляет Русскую землю: «О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты <...> Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!» [Слово о гибели Русской земли 1997: 118], но главным поводом к написанию «Слова» послужило вторжение в Северо-Восточную Русь войск хана Батыея и гибель в битве на реке Сити брата князя Ярослава — князя Юрия Всеволодовича: «И в те дни — от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, — обрушилась беда на христиан...» [Там же: 119].

День успения князя Александра 23 ноября (6 декабря) был установлен днем памяти св. Александра Невского. Принятие им ангельского образа, схимы, — свидетельство его горячей приверженности к православной вере. При постриге ему было дано имя Алексей. В песнопениях он именуется преподобным, ибо ради Небесного Отечества он пренебрег земными благами, стал подобным ангелу, устремленному к небесному, как поется в песнопении: «Земных всех возгнушався, к Небесным прилепил еси себе. Тем, безплотных подражав житие, со святыми всеми водворился еси». Стихира — славник 6-го гласа — обращена к Александру как к преподобному: «Преподобне отче Александре, измлада возлюбив Христа <...> преподобием и правдою светло украшен, милостынями же и чистотою пространное селение был еси Духа Святаго. Ему же непрестанно молися о еже сохранить Отечество твое и град твой, от поганых необоримым

быти, и сыновом российским спастися». В своей дипломатической миссии Александр боролся за освобождение русских людей от воинской повинности в Орде, так как завоеванные народы должны были не только платить дань, но и обеспечивать пополнение воинских отрядов ордынцев. В «Житии» сказано об этом: было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю (Батыю. — Т. В.), чтобы отмолить людей своих от этой беды. «Сыновом российским спастися» — за это и боролся в своей дипломатической миссии князь Александр. Выдающийся полководец и тонкий дипломат, он вел политику умиротворения и сдерживания татаро-монголов, которую передал своим потомкам — московским князьям, младшему сыну князю Даниилу Александровичу и вплоть до Ивана Калиты и Димитрия Донского. Сохранение русского рода и Русской земли было главной целью деятельности и политики князя Александра.

Успению князя Александра была посвящена первая служба святому, она и стала основным днем памяти благоверного князя Александра Невского начиная с 1547 г. Особенностью службы князю Александру является то, что она празднуется в ареале службы двенадцатого праздника «Введения во храм Пресвятой Богородицы», который отмечается на два дня ранее, праздничные песнопения службы Введения соединяются со службой Александру Невскому, образуя удвоенный праздник.

Монастырь Рождества Богородицы во Владимире, где отпевали князя Александра, был крупнейшим духовным и культурным центром своего времени. Несомненно, в нем был и хороший хор, «пели певцы погребение великому князю Александру»; о певцах упоминает летопись: это был Владимирский хор, «Луцина чадь», — хор, которым управлял Лука и, вероятно, в котором пели воспитанники Луки, его хористы, певцы, чада.

## **Песнопения знаменного распева Александру Невскому**

Служба князю Александру знаменного распева представляет собой замечательный памятник гимнографического и певческого искусства. Она была создана в XVI в., распета знаменным распевом и записана знаменной нотацией. Н. С. Серегина нашла много рукописей, содержащих службу св. Александру, и выделила в них две редакции знаменного распева:

краткую и полную. Первая, краткая служба содержит одиннадцать песнопений, все они вошли и во вторую, пространную редакцию службы конца XVI в. «Появление второй редакции службы естественнее связывать с автором пространной редакции “Жития” Александра Невского Ионой Думиным, который в те годы был архимандритом Рождественского Богородицкого монастыря» [Серегина 1994: 179–187].

Тексты службы св. Александру были созданы владимирским монахом Михаилом, автор мелодий, распевщик, неизвестен. Труд гимнографа был синтетическим: часто в одном лице соединялись поэт и музыкант. Гимнограф был не только создателем текста, но и распевщиком, хорошо владевшим знаменной нотацией, всеми ее тонкостями, записями попевок и фит, умело используя их и мелодически украшая песнопения. Распевщик исполнял текст песнопения таким образом, чтобы музыкальное оформление песнопения было логичным, а попевки, фиты и музыкальные знаки были проставлены в соответствии со смыслом. Песнопения службы св. Александру обильно украшены фитами, лицами, они музыкальны, распевны и поэтичны. В них выражена любовь к князю Александру не только их создателя — гимнографа монаха Владимирского монастыря Михаила, но и почитание и любовь народа.

Во второй, полной редакции службы св. Александру содержатся 34 песнопения, записанные знаменной нотацией. Рассмотрим их на примере стихираря второй половины XVII в. из собрания протоиерея Димитрия Разумовского [Стихирарь месячный. Ф. 379. № 63]. В этой рукописи содержится одна из самых полных служб св. Александру. Этот самый полный стихирарь, месячный, датируется серединой XVII в. и связывается с Собором 1651 г., на котором поднимался вопрос о соответствии богослужения церковному чину. Этот стихирарь «Дьячее око» был последним в ряду подобных книжных памятников. В результате последовавших затем церковных реформ месяцеслов знаменных стихирарей существенно сократился, их состав в большинстве случаев ограничился славниками. Стихирарь из собрания Разумовского является образцовым экземпляром. Время создания подобных стихирарей ограничено одним столетием, вошедшим с историей как период расцвета знаменного пения, — между Соборами 1554 и 1651 гг.; то было время важнейших этапов государственного и церковного строительства: учреждения Русской Патриархии и проведения мер по упрочению царской и церковной власти в Смутное

время. Что же касается «книги глаголемой Стихирарь, иже Око дьячее», то она во второй половине XVII в. утратила свою актуальность и более не воссоздавалась, так что песнопения, рассматриваемые нами в этой рукописи, являются уникальными.

Служба успению святого благоверного великого князя Александра — яркий образец русского гимнографического творчества, написана по всем правилам богослужебного канона. В ней отразились многие исторические факты очень трудного для Руси XIII в., они проступают сквозь рамки канона — трагические и радостные, ярко запечатлен дивный образ Александра Невского как искусного полководца и дипломата. Уповая на Бога, он вел свои верные полки на борьбу с врагом. В песнопениях князь представлен охранителем земли Русской, помощником обездоленных людей, разоренных церквей. Его мощи стали целительным источником, избавляющим людей от зол и болезней, к ним приходили люди с надеждой на помощь. Жизнь св. Александра была трудна, много страданий претерпел он в своей жизни. Однако не только победы прославили новгородского князя, но и его долготерпение, ум, решимость и дипломатический талант. Непрерывные поездки по стране, в Орду и Каракарум — столицу Монголии изматывали силы Александра. Ученые подсчитали, что протяженность всех дорог, пройденных им, составляла около полутора окружностей земного шара. В дороге, на полпути из Орды, князь Александр умер неизвестно от чего (вполне возможно, что кончина его была такой же, как смерть его отца, который был отравлен в Орде).

Главными песнопениями службы являются **тропарь, кондак** и **икос**. В них отражаются основные события жизни святого. Рассмотрим нотированные тропари в составе службы св. Александру. В полной нотированной службе XVII в. [Стихирарь месячный. Ф. 379. № 63] знаменного распева содержатся два тропаря, на малой и великой вечерне. Тропарь 1-го гласа в современной практике не сохранился, а тропарь 4-го гласа, что на великой вечерне, используется и в современной службе. Сравним тексты этих двух тропарей.

### Тропарь, глас 1

*Яко ото чресло царескихо богопрорасленыи скипетро, во юдолехъ небсныхо предовозсия во преподобнем, и правдою пресветло украшено, темже яко богопочтенный измлада венчосеце Христове, вере споспешнико,*

*церквамъ заступнико, пленнымъ свободителе, ото Бога венчалоя еси нетленеными венцы. Со ангелы святыми со ними молися Александре преподобне. Сохрани ти ото злыхо отечество твое благовернаго царя и люди, иже ты присно в песнехъ почитающихъ.*

#### Тропарь, глас 4

*Яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, блаженне Александре: яви бо ты Христос, яко некое Божественное сокровище Российстей земли, новаго чудотворца, преславна и Богоприятна. И днесь сошедшеся в память твою верою и любовью, во псалмех и пених радуящися, славим Господа, давшего тебе благодать исцелений, Егоже моли спасти град сей, и державе Российской Богоугодней быти, и сыновом российским спастися.*

В тропаре 1-го гласа князь Александр назван богопрославленным скипетром, поспешником в вере, заступником церквам, пленным освободителем, покровителем земли Русской. В тропаре 4-го гласа князь Александр именуется «сокровищем Российстей земли», происшедшем от «благочестивого корня». Его отец, великий князь Ярослав Всеволодович, в тяжелые годы ордынского нашествия сделал много для спасения Руси. Он ездил в Орду, вел переговоры, сумев приостановить продвижение ордынцев на запад, и умер как мученик, будучи отравлен в Орде. Его сын Александр Ярославович продолжил начатое им дело. Текст тропаря 4-го гласа короче, более выпуклый и яркий.

В кондаке на подобен 8-го гласа (подобен «Яко начатки») св. Александр именуется светлой звездой, воссиявшей от Востока до Запада, просветившим всю страну чудесами и добротой. Деятельность святого князя Александра плодотворно охватывала и запад, и восток:

*Яко звезду ты пресветлу почитаем, от востока возсиявшую и на запад пришедшую: всю бо страну сию чудесы и добротой обогачаеши и просвещаеши, верою чтущия память твою, Александре блаженне. Сего ради днесь празднуем твое уснение, людие твои сущи: моли спасти Отечество твое и вся притекающия к раце мощей твоих и верно вопиющия ти: радуйся, граду нашему утверждение [URL: обращение 15.06.21].*

Икос, в соответствии с его формой, использует хайретизмы — возгласы «радуйся», которые сопровождаются перечислением важнейших исторических заслуг князя Александра:

*«...радуйся, столпе пресветлый, просвещающая нас чудес светлостью; радуйся, велехвальнаго краля победивый пособием Божиим; радуйся, свободивый град Псков от неверных; радуйся, латинская учения презревший и прелесть их в ничтоже вменивший... [Там же].*

В иконе содержатся исторические воспоминания о Невской битве и шведском князе «всехвальном крале» Биргере, родственнике шведского короля, напавшем на Русь, которого князь Александр победил «пособием Божиим». Князь Александр перед битвой молился в храме новгородской Святой Софии словами псалма Давида: «Суди, Господи, обидящия мя, и побори борющия мя. Приими оружие и щит, восстани в помощь мою...» Архиепископ Спиридон благословил молодого князя и воинство его на брань. Выйдя из храма, святой Александр, по словам житийной повести, укрепил дружину исполненными веры словами: «Не в силе Бог, а в правде. Иные — с оружием, иные — на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем!» В житийной повести также есть рассказ о том, как к Александру пришли послы от папы из Рима с предложением принять католическую веру, но Александр, горячий последователь православной веры, «латинская учения презревший», твердо ответил им: «От вас учения не примем. Они же возвратились восвоися». Князь Александр, думаю, прекрасно знал о захвате и разгроме Константинополя католическими рыцарями-крестоносцами в 1204 г., столь ослабившем Византийскую империю, и не хотел подпадать в зависимость от папы. Он боролся против католического влияния, одним из важных событий в его жизни было освобождение князем Александром Пскова от немецких тевтонских рыцарей. В иконе святой Александр именуется «столпом пресветлым». Как борец за основы Православия, подобно древним воинам и христианским мученикам, он изображен на юго-восточном столпе Архангельского собора Московского Кремля: с крестом в руке, в княжеских светлых ризах, стоящим во весь рост, как возглашает о том икос «Радуйся, столпе пресветлый» (Ил. 2).

### **Стихиры князю Александру знаменного распева**

В службе на усупение благоверного князя Александра, согласно бого-служебному уставу, содержится множество стихир. В одном из стихира-рей из собрания Д. В. Разумовского [Ф. 379. № 63. Л. 604–616] середины XVII в. помещена одна из наиболее полных служб Александру Невскому,



Ил. 2

Святой благоверный князь Александр Невский.  
Фреска на юго-восточном столпе Архангельского собора  
Московского Кремля. XVII в.

в которой содержатся 34 песнопения, записанные знаменной нотацией. В соответствии с уставом богослужения, каждому из них предпослано указание, на какой глас и подобен его надо петь. Приведем полный список этих нотированных песнопений с указанием на все уставные и певческие особенности службы [URL: обращение 15.06.21].

На малей вечерне стихиры на «Господи, воззвах», глас 1, подобен «Прехвальнии мученицы»:

1. Л. 604 об.: «От благочестиваго корене»;
2. Л. 604 об.: «Земныхо всехо»;
3. Л. 604 об.: «Благочестиемо и верою»;
4. Л. 605: «Преподобне отче», Слава, глас 6.

На малей вечерне стихиры на стиховне, глас 2, подобен «Доме Евфрафов»:

5. Л. 605 об.: «Домо святаго духа»;
6. Л. 605 об.: «Радуйся царемо русскимо похвало»;
7. Л. 605 об.: «Приими ныне пение»;
8. Л. 605 об.: «Богомудре Александре», Слава, глас 8;
9. Л. 606: Тропарь «Яко ото чресло царескихо», глас 1.

На велицей вечерне стихиры, на «Господи, воззвах», глас 2, подобен «Кими похвальными»:

10. Л. 606 об.: «Кими похвалеными венецы венчаемо»;
11. Л. 607: «Кими похвалеными венецы увяземо»;
12. Л. 607: «Кими смиренными устенами воспоймо»;
13. Л. 607 об.: «Кими духовеными песнеми»;
14. Л. 607 об.: «Всяко градо и страна», Слава, глас 6.

На велицей вечерне стихиры на литии:

15. Л. 608: «Земля наша и страна наша», глас 3, подобен «Поставиша»;
16. Л. 608 об.: «Царие и князи вкупе», глас 4.

Ины стихиры, глас 5, самогласны:

17. Л. 608 об.: «Богоприятне и преподобне Алексие»;
18. Л. 609: «Боговенчаненыи Александре»;
19. Л. 609: «Богомудре Александре»;
20. Л. 609 об.: «Приидите богоименитии собори», Слава, гл. 2.

На велицей вечерне стихиры на стиховне, глас 1, подобен «Небесным чином»:

21. Л. 609 об.: «Яко велие солнце явися»;
22. Л. 610: «Светомо сияя божественныя благодати»;

23. Л. 610: «Не ото Рима восияло еси»;
24. Л. 610: «Радуйся и веселися граде Владимире», Слава, глас 1;
25. Л. 610 об.: тропарь «Яко благочестиваго корене», глас 4;
26. Л. 613: величание;
27. Л. 613: стихира по 50-м псалме «Придите вси людие», глас 6;
28. Л. 613 об.: светилен «Слышано бысте во всех странахо», глас 2, на подобен «Жены услышите».

На утрени стихирь на хвалитех, глас 8, подобен «О преславнаго чудесе»:

29. Л. 614: «О преславное чудо»;
30. Л. 614: «О како возмогу»;
31. Л. 614 об.: «О како возможемо воспети»;
32. Л. 614 об.: «Приидите вси языцы», Слава, глас 2;
33. Л. 615: «Александр славене, небесныи человече» с надписью «Сего в печати несть», глас не указан;

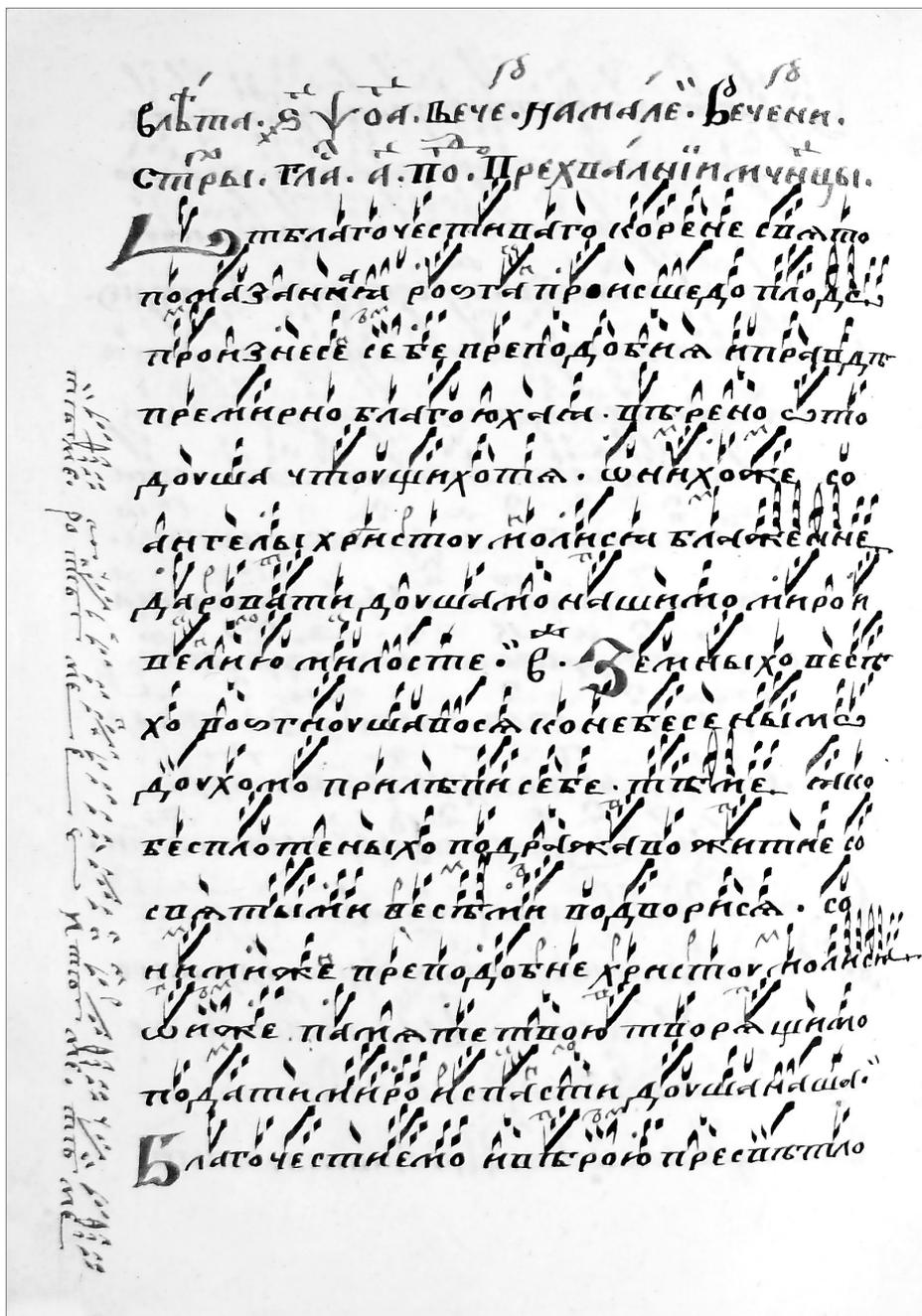
34. Л. 615об.–616: «Радуйся и веселися, граде Владимире», на целовании, самогласен на осмь гласов (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 1-й гласы).

Служба знаменного распева святому благоверному князю Александру была создана в XVI в. согласно гимнографическим канонам православного богослужения. В ней использованы все восемь гласов и осмогласные подобны. Как сказано было выше, создателем текстов этой службы был монах Рождественского монастыря во Владимире Михаил, но кто распел тексты песнопений и записал их знаменной нотацией — неизвестно. Безымянный распевщик нотировал знаменной записью 34 песнопения. Эти службы князю Александру имеют разное строение: в одних случаях они написаны по образцам «на подобен» — тогда они повторяют напев подобна, другие славники — перед их пением возглашается «Слава Отцу и Сыну», обычно их поют самостоятельным напевом, самогласно, оригинально. В службе святому благоверному князю Александру 29 нотированных стихир, два нотированных тропаря 1-го и 4-го гласов [Там же: л. 606 и 610 об.] и один светилен [Там же: л. 613]. Стихиры занимают основное место в службе. На всенощном бдении они образуют циклы (на «Господи, воззвах», на литии, на хвалитех), которые входят во все части всенощного бдения: в малую вечерню, в великую вечерню, в утреню. Стихиры каждого цикла поют на свой подобен, и в каждом цикле свой глас и свой подобен. Цикл стихир содержит 2–4 стихиры, поющих на подобен, и заключительную стихиру-славник, которая имеет самостоятельное музыкальное оформление, оттого иногда

ее называют самогласен. Иногда используют в одной стихире несколько гласов (многогласник) или даже все 8 гласов (осмогласник), как в цикле «На хвалитех» [Там же: л. 615 об.]: «Радуися и веселися, граде Владимире».

Цикл стихир основан на регулярном принципе строения: несколько сходных стихир поют на подобен, заключительная — самогласен: на малой вечерне, например, в цикле стихир на «Господи, возвах» [Там же: л. 604] три стихирны распеты на подобен «Прехвальнии мученицы» 1-го гласа, а завершающая стихира-славник [Там же: л. 605] — 6-м гласом. На великой вечерне на «Господи, возвах» четыре стихирны распеты на подобен «Кими похвальными» 2-го гласа, а 5-я стихира-славник распета 6-м гласом [Там же: л. 607 об.]. Все это многообразие подобнов и череда гласов служат музыкальным украшением службы св. блгв. кн. Александру.

Древние подобны в крюковых знаменных стихирах можно встретить в древних певческих рукописях — кондакарях и стихирарях: например, в Типографском уставе с кондакарем XI–XII вв. мелодия древних подобнов оригинала кратка и она повторяется в подобне лишь с небольшими изменениями — слегка растягивается в тех случаях, когда в тексте подобна слогов больше, чем в оригинале-самоподобне. Знаменные подобны XVI в. совсем другие, они вариативны, мелодия в них излагается, свободно приспособляясь к тексту, свободно варьируют мелодию. Общим в подобнах остается остов мелодии и расположение фит, которые сохраняются неизменными. В таком роде записаны три стихирны на малой вечерне на «Господи, возвах», в начале службы князю Александру их поют на подобен «Прехвальнии мученицы», глас 1: «От благочестиваго корене», «Земныхо всехо» и «Благочестиемо и верою» [Там же: л. 604 об.], но в записи мелодии в этих подобнах множество различий, вариантов. Две фиты, которые используются в сподобнах этого гласа, стабильны, и стоят они в соответствующих местах. Так что принцип подобия в позднем знаменном распеве сохраняется, но он сочетается с вариативностью знаков и распевов (ср. Знаменные стихирны, **Ил. 3**). Иногда редакторы вносили в написанный текст правку. Слева перпендикулярно тексту на полях находится редакторская справка, написанная киноварью. Она уточняет расшифровку развода одной из фит (на слове «тебе» во второй стихире на 7-й строке снизу). Можно себе представить, как тщательно работали писец и редактор над рукописью, написанной таким мелким, бисерным почерком. К первой стихире приводится ее расшифровка нотолинейной нотацией (**Ил. 4**).



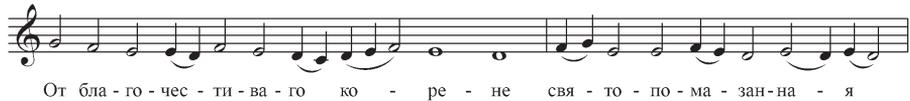
Ил. 3

Стихирарь середины XVII в. Стихира на малой вечерне  
 «От благочестиваго корени» (РГБ. Ф. 379. № 63)

В тойже день преставление свягата благовернаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго Владимирскаго и Новгородскаго и всея Русии чудотворца, во иноцех Алексѣя. Преставися свягый в лета 6771.

РГБ ф. 379 №63  
л.604-604об.

Вечер. На малой вечерне стихиры, глас 1  
Подобен "Прехвальнии мученицы"



Стихиры на литии в музыкальном отношении разнообразны, в них используются 3–5-й гласы. В литийной стихире 3-го гласа [Там же: л. 608] св. Александр именуется светильником, просветителем земли Русской. *«Земля наша и страна, блаженне, чудеса твоя возвещают и воспевают всюду: Христос бо ты светильника показа, просвещающа души наша».*

Стихиры «на хвалитех» часто перекликаются с текстами летописи и «Житием» князя Александра, в них прослеживается глубокая связь с историей Руси. В первой стихире «на хвалитех» [Там же: л. 614] князь Александр представлен защитником православной веры: *«О, преславнаго чудесе! Сиянием Духа Святаго просвещся, Александре Богомудре, учения римская презрев, и прелесть их обличив, и самех укорив...»* Эта стихира распета на подобен 8-го гласа «О, преславнаго чудесе», который отличается большой мелодической распевностью и выразительностью.

В другой стихире повествуется о заботе князя об Отечестве, людях, храмах, даже о пении в них. После Батыева нашествия князь Александр распуганных людей собрал, храмы разоренные отстроил и наполнил их пением: *«О, како возможем воспети блаженнаго Александра, яко апостола и яко проповедника? Всяко убо еретическое нечестие попрали есть, свое же Отечество добре управив и соблюде, храмы разоренныя воздвигнув, пения исполни и распуженныя люди собра в дома своя, и нищим, и сиротам, и вдовам бысть печальник, и в бедах заступник...»* [URL: обращение 15.06.21].

Одна из стихир хвалитных призывает все языцы (все народы) духовно соединиться в общем веселии праздника блаженного Александра: *«Приидите, вси языцы, воспещите руками, ликовствующе, приидите, вси российский людие... многоцелебную его раку, обстояще, любезно облобызаем, и того, яко цветы, песньми и хвалами увяземъ, рекеуще: радуйся земли Российской похвало; радуйся славному граду Владимиру утверждение; радуйся народу православному помощнице; радуйся, Отечеству твоему заступление и молитвеннице о душах наших»* [Там же]. В этой стихире чувствуется постепенное эмоциональное возрастание, которое приводит к финальной стихире.

Последнюю стихирю цикла «на хвалитех» в музыкальном отношении можно назвать музыкальной вершиной службы князю Александру. Заключительная стихира цикла «Радуйся и веселися граду Владимиру» — самогласен на восемь гласов [Там же: л. 615об.–616]. Этот осмогласник явля-

ется вершиной службы св. Александру. Он встречается в стихирарях XVI в. (например, в РГАДА. Ф. 381. № 318–319), такой осмогласник также можно встретить в разных службах русским святым, например князьям муромским Петру и Февронии.

В осмогласнике 8 гласов использовались поочередно — от 1-го до 8-го гласа, заключительная строка стихире возвращается к 1-му гласу, таким образом, обрамляя все песнопение. Каждый глас здесь представлен типичными для него попевками. В песнопении много фит, они распевают слова, которые необходимо подчеркнуть, выразить радость, ликование: «радуйся, ликуй, тело Александра» и др., все они выделены фитными распевками и лицами. Каждой фразе текста соответствует свой глас, свои попевки, плавно переходящие от одного гласа к другому, в конце песнопения возвращается исходный 1-й глас. В стихире звучит призыв прийти на праздник в честь благоверного князя Александра, почтить его святые мощи, поклониться и получить от них исцеление, утешение и надежду и восславить землю Русскую. Текст стихире исполняется на восемь гласов знаменного распева, в каждом гласе, в каждой строке есть фиты, характеризующие музыкальный облик гласа. Порядок следования гласов поочередный, от первого к восьмому: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 1-й.

Гл. 1: *Радуися и веселися, граде Владимирь, и светело торжествуи, и ликуи Христова Церкви;*

Гл. 2: *Во неи же положено честное тело блаженнаго Александра;*

Гл. 3: *тело драгое, тело преславное, тело, чудеса точаще весемо, приходящимо с верою;*

Гл. 4: *Придите, вси людие, приидите, вернии, поклонимся;*

Гл. 5: *тецыте, соберитесь, и псаломски того воспоим;*

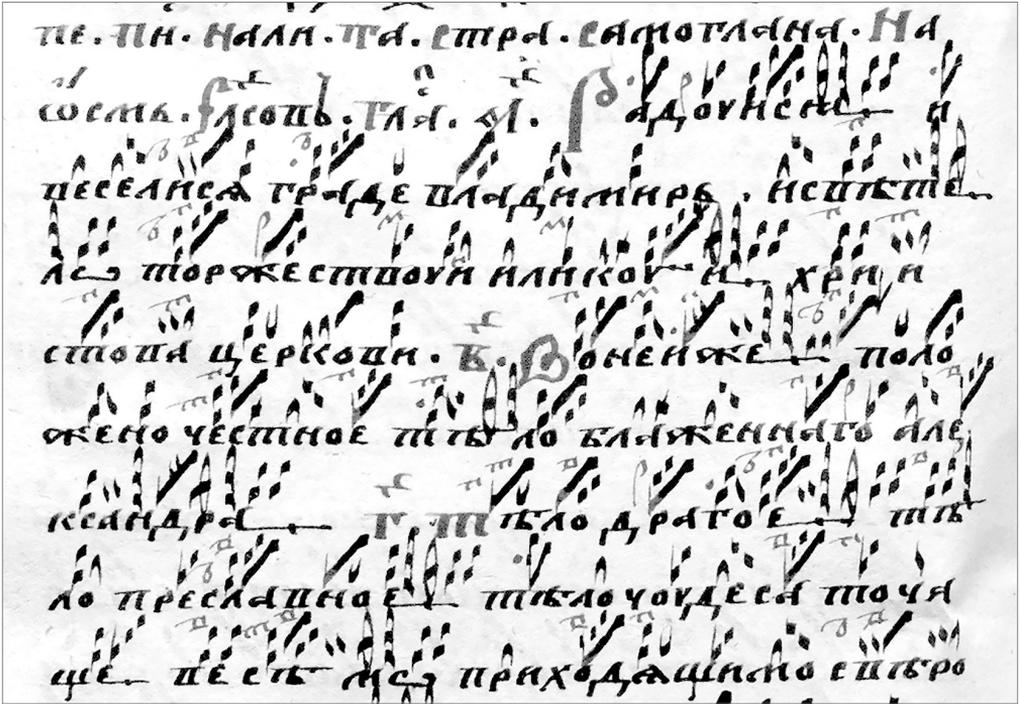
Гл. 6: *радующеся, и облобызаем честные мощи дивнаго врача нашего;*

Гл. 7: *печальных присную утеху и отчаянных надежду, похвалу земли Российстей;*

Гл. 8: *и пособника на враги, и всем человеком заступника, и молитвенника;*

Гл. 1: *о спасении душ наших.*

Приведем в качестве музыкального примера три первых гласа в оригинальной рукописи в знаменной нотации и в переводе их в современную нотопевицкую систему.



Ил. 5

Стихира-осмогласник «Радуйся и веселися, граде Владимире» (РГБ. Ф. 379. № 63. В тексте стихире смена гласов отмечена славянскими цифрами киноварью)

В иллюстрациях 5 и 6 заключен отрывок стихире 1–3 гласов осмогласника «Радуйся и веселися». Оригинальный текст песнопения из рукописи и его расшифровка, перевод на современную нотацию показывают характер и стиль песнопения знаменного распева этой стихире, высокопоэтической и мелодически изысканной. Автор службы владимирский инок Михаил, обращаясь к Александру, именуется его заступником Отечества, целителем, дивным врачом. Возвышенные эпитеты, которые в службе использует гимнограф, очень разнообразны: премудрый, боговенчаный, блаженный и даже божественный Александр. Мелодические обороты, попевки и фиты разных гласов переливаются подобно звучанию морских волн, они вызывают молитвенное настроение и успокаивают душу своим бесконечным движением, бесконечной мелодией. Стихира исполняется «на целовании» мощей святого, оттого она умиротворяет и радуется молящихся.

РГБ ф. 379 №63

Стихира Александру Невскому  
(23 ноября). Осмогласник.

Глас 1:

Ра . ду́й . ся  
и ве . се . ли . ся гра . де Вла . ди . мир и све . . . те .  
ло тор . жес . тву . и  
и ли . ку . . . и  
Хри . . . сто . ва цер . . . ко . ви .

Глас 2:

во ней же по . ло . же . но  
чес . те . но те . . . ло . . . о бла . жен . на . го  
А . лек . сан . . . дра . . . . .  
а

Ил. 6

Расшифровка фрагмента стихиры «Радуйся и веселися, граде Владимире», 1, 2, 3-й гласы

## Демественное многоголосие

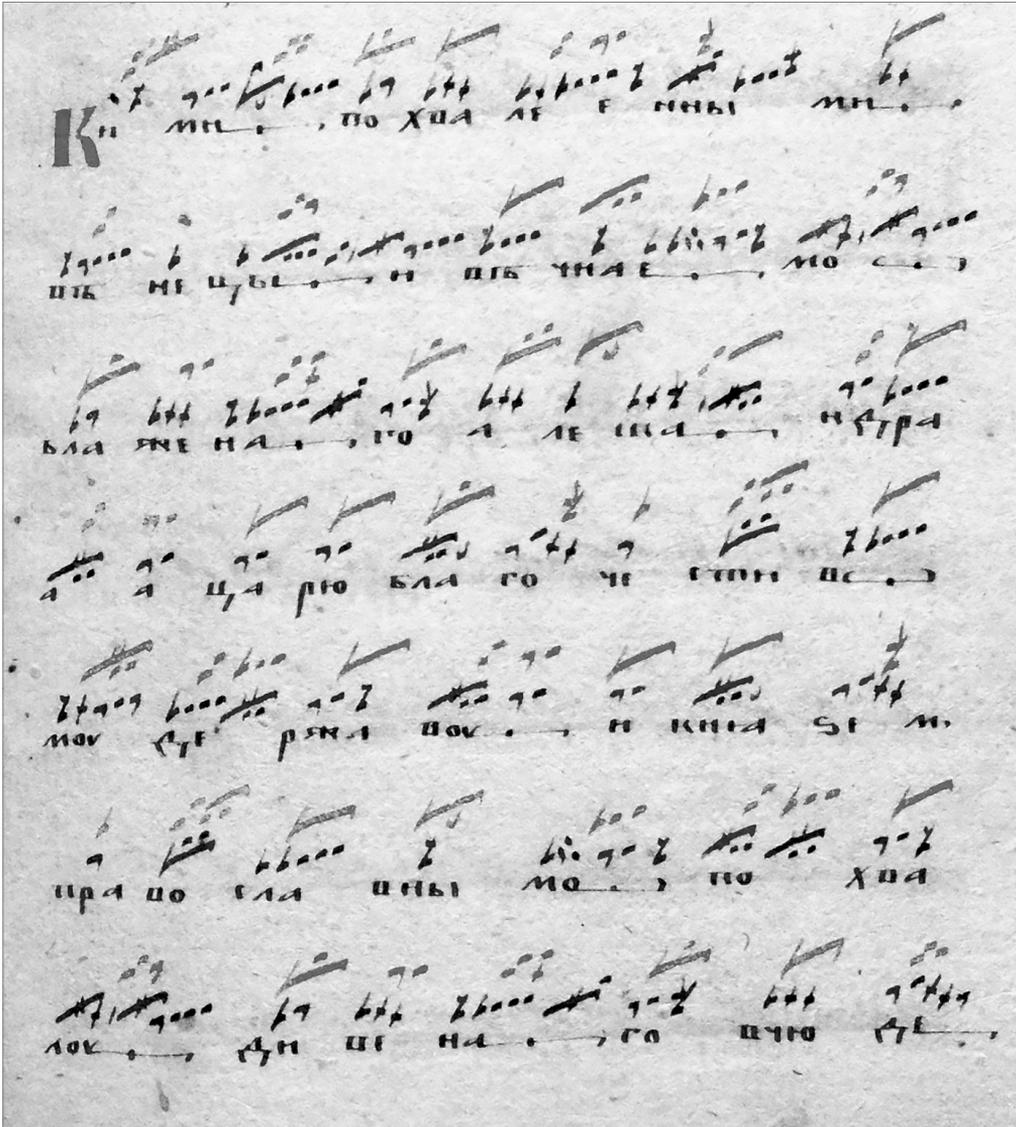
В XVII в. появляются новые песнопения святому князю Александру, двухголосные, записанные демественной нотацией. Эти многоголосные демественные песнопения являются новым стилевым направлением в русском церковном певческом искусстве XV–XVI вв. В это время службы сокращаются, потому здесь присутствуют лишь стихиры великой вечерни на «Господи, возвах». При этом, несмотря на изменение стиля, нотации и формы песнопения, в рукописи неизменно указывается глас и подобен. Согласно уставу они исполняются на подобен «Кими похвальными венци» 2-го гласа, но это лишь формальное уставное указание. На самом деле в демественном распеве нет гласового пения. В рукописи XVII в. из собрания РГБ (Ф. 229. № 38) содержатся лишь четыре стихиры на «Господи, возвах», и они уже совсем другого стиля пения [Демественная нотация в службе блгв. кн. Александру. РГБ. Ф. 229. № 38]. Это демественное многоголосие. В демественных рукописях, появившихся в русском церковном пении в это время, напев меняется. Количество голосов в демественном многоголосии колеблется от двух до четырех. Во второй половине XVII в. состав служб русским святым был сокращен, количество стихир уменьшилось, стилистика пения поменялась, это все отразилось и в стихирах князю Александру.

В указанной рукописи демественной службы содержатся четыре стихиры князю Александру — возвахи: три однотипные, изложенные одинаково, а четвертая — самогласная, отличная от первых:

- «Кими похваленными венцы венчаемо»;
- «Кими похваленными венцы увяземо»;
- «Кими смиренными устенами воспоимо»;
- «Весьяко градо и страна» — стихира-славник.

Все четыре стихиры изложены демественной нотацией в два голоса демественным двухголосием в виде партитуры.

В примерах 7 и 8 дан фрагмент (Ил. 7) оригинальной рукописи стихир демественного многоголосия и ее расшифровка современной нотацией (Ил. 8). В расшифровке этой стихире видно, как развиваются два голоса: верхний и нижний голоса. Голосоведение и развитие голосов в демественном многоголосии было линейным. Многоголосие демеством напоминает русские народные песни, оно ближе к народно-песенному



Ил. 7

Стихиря-возвашна «Кими похвалеными венцы».

Демественное двухголосие (РГБ. Ф. 229. № 38. Рукопись XVII в.)

стилю, чем кантовому, гармоническому, который стал господствующим позже. Возможно, продолжая свою церковную традицию, у нас могла сохраниться своя индивидуальная музыкальная культура вместо европейской партесной, пришедшей с Запада, но история не знает сослагательного наклонения, да и появление партесого пения в штыки встретили

Путь  
Низ

Ки - ми по - хва - ле - нны -

П  
Н

ми - ве - не - цы

П  
Н

всн - ча - с - мо бла - же - нна

Ил. 8 | Расшифровка фрагмента стихиры «Кими похвалеными венцы». Демественное двухголосие

старообрядцы, называя его «органогласным», напоминающим латинский орган.

Демественная партитура содержит верхнюю строку, записанную кинovarью, нижняя строка — черной тушью, эти два голоса в демественной многоголосной стихире переплетаются, вьются параллельно, мелодическое движение этих голосов контрастно, нижний голос развивается энергично, он более подвижен, чем верхний. Эти два голоса часто создают противоположное либо параллельное движение разными интервалами и подвижным контрапунктическим соединением голосов. Параллельное движение секундами звучит в стихире диссонансно, но есть и консонансные сочетания.

В течение XVII в. в рукописях встречаются песнопения святому князю Александру в разных стилях: знаменным распевом, демественным многоголосием, а также многоголосием партесного, гармонического типа, записанным на пятилинейном нотном стане.

## Партесное пение

Появление нотолинейного многоголосного партесного пения свидетельствовало о рождении нового стиля и новой эпохи в русской музыке — эпохи барокко второй половины XVII — первой половины XVIII в.

В начале XVIII в. была создана новая служба — второй праздник Александру Невскому, установленный по указу Петра I от 30 августа 1724 г., в память о заключении мира со шведами в 1721 г. и перенесении мощей святого князя. Петр I собственноручно перенес в учрежденный им мужской монастырь мощи Александра Невского, покоившиеся до этого во г. Владимире.

Автор текста нового богослужения Гавриила Бужинский составил службу по структурному текстовому стереотипу прежней службы, но ее музыкальный стиль принадлежит уже новому времени русской музыки — партесному стилю эпохи барокко. Она существенно отличается от исконно русского состава служб и по литературному содержанию: в ней множество текстов историко-повествовательного характера (Ил. 9).

К новой праздничной службе святому князю Александру на 30 августа Гавриилом Бужинским были созданы новые песнопения, а также написан торжественный хоровой концерт на 12 голосов. Стихира службы по 50-м псалме «Веселися, Ижерская земле» послужила литературной основой концерта и его названия; посвящен концерт трем знаменательным событиям в истории Руси XVIII в.: победе князя Александра в Невской битве со шведами, заключению Ништадтского мира в 1721 г. и перенесению святых мощей князя Александра Невского в Санкт-Петербург.

*Веселися, Ижерская земле и вся Российская страна!  
Варяжское море, восплеци руками,  
распространяй, Неве-реко, своя струи!  
Се бо царь твой и владыка Александр Невский,  
От ига свейского ты свободивый, торжествует во граде Божиим!  
Его же веселят речная устремления!*

В  
тойже  
день



**Служба благодарственная Богу, в Троице Святей  
славимому, на воспоминание заключенного мира  
между державою Россійскою  
и короною Свѣйскою  
и пренесение мощей святаго благовернаго  
великаго князя Александра Нѣвскаго**

**НА МАЛОЙ ВЕЧЕРНИ**

**На Господи, возвах: стихіры, глас 1.**

**Подобен: Всехвальные мученицы:**

**От благочестиваго корене святопомазанная роз-  
га произшед, / плод принесё себе преподобия и  
правды, / премірно благоухая верно от души  
чтущия тя, / о нихже со Ангелы Христу молися,  
блаженне, / даровати мир и велию милость.**

**Моисея и Павла ревности подражав, / избволил  
еси паче страдати за люди Божия, / темже и к  
злочестивым варваром шед, / невредно возвратил-  
ся еси, / тишину отечеству твоему принося. / Ныне  
убо со святыми пребывая, / мирное житие у  
Господа испроси наследию твоему.**

**Благочестием и верою пресветло украшен, / яко  
благочестив скипетроносец, и преизряден, и пре-  
именит, / Пресвятая Троицы поборник был еси, /  
от Нейже просветився, / чудес свет миру провозси-  
ял еси / и молитвенник явился еси о душах наших.**

Ил. 9

Служба благодарственная Богу <...> на воспоминание  
заключенного мира между империей Российской и короною  
Свейскою и на пренесение мощей святого и благоверного князя  
Александра Невского (Минея, август, часть 3)

Полный комплект из 12 голосных партий хранится в Синодальном певческом собрании Государственного исторического музея (партитур 12-голосных концертов в то время не писали) [ГИМ. Ф. 46. № 80]. В том же сборнике № 46 содержится также 101 концерт на разные церковные праздники.

Концерт «Веселися, Ижерская земле» написан в тональности до мажор и состоит из трех частей: крайние части четырехдольные, а средняя часть, на словах «Восплесни руками, распространяй, Нево-реко, своя струи», звучит на 6/8. В тексте концерта князь Александр именуется царем: «Се бо царь твой». Петр I уподоблялся Александру, он завершил эпопею со шведами, заключив Ништадтский мир. Князь Александр был великим князем Новгородским и Владимирским и защищал новгородские земли не только «от ига свейсаго». В тексте концерта проводится явная параллель между императором Петром I и великим князем Александром Невским. Оба они освобождали Русскую землю от «ига свейсаго» — от шведов. «Торжествуй, град Божий» — это, конечно, Петербург, куда перенесли мощи св. Александра.

Концерт «Веселися, Ижерская земле» написан в стиле барокко. Характерным хоровым приемом для этого стиля были противопоставления хоровых звучностей: мощные хоровые эпизоды tutti-хора в нем чередуются с выделенной из хора группой солистов, а также частыми каноническими имитациями. В концерте музыкальными имитациями изображаются водные пространства Невы и другие изобразительные моменты, такие как речные устремления, невские струи, которые передаются в виде волнообразных тональных движений. Общий характер радостного ликования и веселия преобладает в концерте, ведь он связан с праздничными событиями петровской России. Партесные концерты не имели хоровых партитур; в наше время, чтобы исполнить концерт эпохи Петра I, нужно сложить по голосам партитуру. Это сложная работа, так как хоровые сочинения барокко часто полифонические, там нет еще фуги, зато есть сложные канонические имитации. Б. Г. Смоляков [Смоляков 1984: 60–62] на примере концерта «Веселися, Ижерская земле» поставил разные вопросы, касающиеся расшифровки и реконструкции русских многоголосных хоровых сочинений партесного стиля, используя неполные комплекты из Синодального певческого собрания рукописей [ГИМ. Ф. 713, 717]. Однако нам удалось найти в том же собрании полный комплект этого концерта — концерт № 80. Он находится в Синодальном певческом собрании Исторического музея [ГИМ. Ф. 46. № 80]. Двенадцать партий: 3 дисканта, 3 альты, 3 тенора и 3 баса — составляют изысканный 12-голосный концерт, богатый не столько полифоническими особенностями, сколько своей музыкальной изобразительностью.

Композитор (тогда называемый «творец») стремился не только передать радостное чувство людей по поводу перенесения святых мощей, но и присоединить радость природы — волнение моря, Невы, струй рек и морские волны: «Веселися, Варяжское море! Восплещи руками, распространяй, Нево-реко, своя струи!»

Радость встречи святых мощей в то время охватила весь народ — от простых людей до высших чинов и императора. Как пишет протоиерей Михаил Хитров: «Встреча святыни в Петербурге была весьма торжественна. Император со свитой прибыл на галере к устью Ижоры. Благоговейно сняв святыню с яхты и поставив на галеру, государь повелел своим вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры со знатными лицами, а во главе их — ботик Петра Великого, также отдававший салют своими небольшими медными пушками. Шествие приближалось к Петербургу. Мысли всех невольно неслись к той отдаленной эпохе, когда на берегах Невы и Ижоры Александр торжествовал свою победу над врагами. Шествие остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Там святыню сняли с галеры, и знатнейшие вельможи понесли ее в монастырь.

*...Веселитесь днесь, российстии народи! Ликуйте, начала и власти! Се бо плоть от плоти ваша и власть от власти ваша благоверный князь Александр Невский ликует со ангелы на небеси и всех своих сродников и властей и под властью сущих на духовное созывает торжество, о всех молится Господу!*

*Возведи окрест очи твои, Россие, и виждь, се бо распространишася пределы твоя и приусугубишася от востока и севера и юга чада твоя, и Промыслу Вышняго, во бранях, в мире воспой песни твоя!*

*Созидай грады твоя новые, Россие, утверждай миром пределы твоя! Господь с тобою, Господь помощник! Дажь убо славу имени Его, преславни ныне прославившему тя! (Служба 30 августа)» [Хитров 1893: Гл. XXI. Приложение I].*

...Перенесение святыни было последним великим благодеянием Петра своему дорогому детищу — Петербургу. Основав свою столицу на окраине государства, при море, для удобнейших сношений с другими,

более России образованными народами, перенесением мощей великого подвижника древней России Петр оставил для новой столицы как бы завет — воспринимая все доброе у других народов, не пренебрегать тем, что есть священного и достохвального в своем отечестве, как бы внушал жителям столицы, что святая Русь имеет также свои доблести, «лучше которых, — по словам духовного оратора, — ничего не найдешь нигде; что если в чужих странах привлекательно и достойно подражания многое, касающееся внешней жизни, то в своей родной стране у нас есть привлекательнейшие и достойнейшие подражания примеры благоустройства жизни внутренней, образцы искреннего благочестия, святости, которые, конечно, и должно изучать прежде всего и больше всего <...> Императрица Елизавета Петровна посвятила святому покровителю столицы первое серебро, добытое в Колыванских рудниках, повелевши устроить из него новую великолепную раку длиною 3 аршина 7 вершков, шириною 1 аршин 7 вершков. С правой стороны раки в кругу вырезаны стихи Ломоносова:

*Святый и храбрый князь здесь телом почивает,  
Но духом от небес на град сей призывает,  
И на берега, где он противных побеждал,  
И где невидимо Петру споспешествовал.  
Являя дочь его усердие святое,  
Сему защитнику воздвигла раку в честь  
От первого серебра, что недро ей земное  
Открыло, как на трон благоволила сесть».*

В эпоху XVII в. не забыли о древних распевах, на их основе создавались гармонизации; основной голос — тенор — был знаменного распева, он должен был быть усиленным, поэтому партия теноров дублировалась несколькими голосами, в то время как дисканты и альты были в меньшинстве. На басы возлагалась мелодическая функция, часто они были виртуозными, мелодичными [РГБ. Ф. 37. № 148. (Все беспометно, зато четко видны все попевки и фиты.)].

Очередная служба святому князю Александру была создана и распета в 1723 г. композитором, певчим дьяком и уставщиком государевых певчих дьяков Иваном Михайловичем Протопоповым, творчеству которого

принадлежат также много других сочинений. Одно из них — многолетие Петру I [РГДА. Ф. 3796. Оп. 2. Ч. 7]. И. М. Протопопов составил службу святому князю Александру на тексты службы 23 ноября — памяти Успения князя Александра Невского, в сокращении. Она написана в партесном гармоническом стиле на четыре голоса — дискант, альт, тенор, бас. Самая большая группа певцов была в тенорах, которые вели основной голос. Партитуры этой службы не существует, так как автор сразу написал службу по голосам. Каждому певцу предоставлялся собственный нотный экземпляр службы, написанной прекрасным почерком, в пергаменном переплете. Эта служба — редкий случай, когда на основании количества партий можно определить состав хора, количество певцов, певших за службой 1723 г. Теноров было вдвое больше, чем басов, альт сохранился лишь один, а рукопись дисканта вовсе не сохранилась. Хоровые партии этой службы хранятся в РГАДА [Ф. 396. Оп. 2. Ч. 7], это уникальный фонд, в котором собраны все партии певцов той службы. Одна из рукописей в белом кожаном переплете содержит запись, свидетельствующую о том, что Петр I «по сей рукописи изволил петь». Петр знал и любил музыку, прекрасно пел, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания современников [Плотникова 2015: 105–113]. Когда он приходил на службу, часто пел на клиросе вместе со своими певчими, государевыми певчими дьяками, во главе которых стоял певчий дьяк Протопопов (Ил. 10).

Певчие сопровождали Петра I в походах. Петр любил петь в хоре, он благоволил ко многим певцам, и в частности к И. М. Протопопову. Совместное хоровое пение сближает людей. Петр I принимал активное участие в богослужениях как певец и как чтец: он читал Апостол, выходя в центр храма, пел в хоре и даже иногда дирижировал своими певчими за службой.

Четырехголосная служба, созданная Протопоповым, звучит гармонично и плавно. Это тип беспаяузного многоголосия особого типа, в отличие от партесных концертов, которые сплошь пронизаны паузами, хоровыми имитациями, переключками голосов; здесь музыка движется плавно, голоса неторопливо перетекают с одной гармонии в другую. Во главе песнопений лежит главная мелодия тенора, это *cantus firmus* — старинный распев стихир.

## И.М. Протопопов. Многолетие (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2 Ч. 7. № 3766)

Музыкальное произведение И.М. Протопопова «Многолетие» (1723 г.), представленное в нотной записи с русскими текстами. Музыка написана в 8-ми такте. Состоит из шести систем, каждая из которых включает вокальную партию (верхняя линия) и basso continuo (нижняя линия). Текст песни посвящен воспоминаниям о великом князе Александре Невском и его подвигах.

Текст песни:

Бла-го-че-сти - - - - - ей - ше-му Го-су-да-рю на - ше-му Пет-ру Ве-ли-ко-му  
 Им-пе-ра-то-ру и Са-мо-держ-цу все-рос-сий - ско-му, и с-го-ня-не-бо-го-всп-чан-ней  
 Бла-го-чес-ти-вей-шей ве-ли-кой Го-су-да-ры-не на-шей Им-пе-ри-ри-це Е-ка-те-ри-не А-лек-си-ев-не,  
 и бла-го-чес-ти-вей-шим ве-ли-ким го-су-да-ры-ням це-са-р-ев - - - нам  
 по - даядъ, Гос - - - по - ди, мно - га - я  
 ле

В заключение хочется подчеркнуть: песнопения и службы святому благоверному великому князю Александру входят в сокровищницу русского гимнографического творчества и всей мировой культуры. Новые песнопения святому князю Александру создавались в разное время. В XVI в. написаны монодические службы знаменного распева: ранняя краткая и поздняя полная редакции. Когда в русском богослужении появились ранние формы многоголосия демественного и строчного пения, в певческих рукописях появляются крюковые записи многоголосных демественных партий святому князю Александру. Музыкальная стилистика в русской певческой культуре XVI–VIII вв. менялась медленно, но менялась она очень существенно, проходя путь от знаменного распева к многоголосию линейного типа — строчному и демественному пению, близкому к народной многоголосной песне, а далее, во второй половине XVII — начале XVIII в., под воздействием европейской музыки происходит переход к партесному гармоническому пению в стиле барокко, появляются концерты на 12 голосов. В русских певческих рукописях, в песнопениях святому князю Александру ясно видны эти изменения музыкального стиля: от монодии, одноголосного знаменного пения, господствовавшего на Руси в эпоху Средневековья, к многоголосию линейной, подголосочной полифонии, записанной крюками, а затем к нотолинейному гармоническому, партесному стилю европейского типа, минуя контрапунктический стиль европейской полифонии. Все эти стилевые изменения, новые течения в церковно-певческой культуре можно проследить на примере песнопений Александру Невскому. Музыкальные архивы нашей страны очень богаты, в них хранятся обширные музыкальные, певческие фонды, связанные с русской историей, русской музыкальной культурой. Они далеко не все еще открыты и изучены, они ждут своих исследователей.

## Источники

Стихирарь месячный // РГБ. Ф. 379. № 63. Л. 604–616.

Демественная нотация // РГБ. Ф. 229. № 38 [Рукопись XVII в.].

Рукопись первой половины XVII в. // РГБ. Ф. 37. № 148. (Все беспометно, зато четко видны все попевки и фиты.)

Славники, на малой вечерне и на великой вечерне, конец XVII в. // РГБ. Ф. 379. № 58. (Нотация знаменная с пометами. Формат альбомный.)

Концерт «Веселися, Ижерская земле» // Партесные концерты XVIII в. Синодальное певческое собрание. ГИМ. Ф. 46, 80, 713, 717.

Стихирарь XVI в. // ГИМ. Синодальное певческое собрание. Ф. 123.

Стихирари XVI в. // ГИМ. Собрание Уварова. Ф. 320, 1254.

Стихирарь начала XVII в. // Собрание Уварова. Ф. 1242.

Стихирарь середины XVI в. // ГИМ. Собрание Чудова монастыря. Ф. 60.

Стихирарь конца XVI в. // ГИМ. Собрание «Единоверческое собрание». Ф. 37.

Стихирарь конца XVI в. // ГИМ. Епархиальное собрание. Ф. 24.

Стихирари XVI в. // РГАДА. Ф. 381. № 318–319.

Служба благодарственная святому благоверному великому князю Александру на 4 голоса, 1723 г. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 7. (Партии басов, теноров и альты.)

Протопопов И. М. Многолетие, 1723 г. // РГАДА. Ф. 7396. Оп. 2. Ч. 7. № 3766.

URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe\\_Bogoslužhenie/mineja-nojabr/23\\_1](https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/mineja-nojabr/23_1) (дата обращения: 15.06.21).

## Литература

Бегунов Ю. К. Александр Невский. Москва, 2009.

Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. // ТОДРЛ. Т. XXVI. Москва; Ленинград, 1971. С. 73.

Владышевская Т. Ф. Древнерусская певческая культура и история. Москва, 2012.

Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. Москва, 2006.

- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Москва, 1904. С. 233.
- Клепин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. Санкт-Петербург : Алетейя, 2004. С. 80–81.
- Памятники русского музыкального искусства. Вып. 2. Музыка на Полтавскую победу / сост., публ., иссл. и коммент. В. Протопопова. Москва, 1973.
- Плотникова Н. Ю. Русское партесное многоголосие конца XVII – середины XVIII века: источниковедение, история, теория. Москва, 2015. С. 279.
- Повесть о житии Александра Невского // Воинские повести Древней Руси. Ленинград : Лениздат, 1985. С. 120–135.
- Серегина Н. С. Песнопения русским святым по материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». Санкт-Петербург, 1994. С. 179–187.
- Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5 / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997.
- Смоляков Б. Г. Вопросы расшифровки и реконструкции русских многоголосных хоровых сочинений партесного стиля (на примере концерта «Веселися, Ижерская земле») // Всероссийский фестиваль «Невские хоровые ассамблеи». Москва, 1984. С. 60–62.
- Хитров М., прот. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Москва : Типография Сытина и К°, 1893. Гл. XXI. Приложение I. Святой Александр Невский в православном богослужении.

## References

- Begunov Yu. K. *Drevnerusskie traditsii v proizvedeniyakh pervoi chetverti XVIII v.* [Old Russian traditions in the works of the first quarter of the XVIII century]. TODRL. T. XXVI. Moscow, Leningrad, 1971. 73 p.
- Begunov Yu. K. *Aleksandr Nevskii* [Alexander Nevsky]. Moscow, 2009. 320 p.

- Povest' o zhitii Aleksandra Nevskogo* [The story of the life of Alexander Nevsky]. Voinskie povesti Drevnei Rusi. Leningrad, "Lenizdat" Publ., 1985, pp. 120–135. (In Russ.)
- Golubinskii E. E. *Istoriya kanonizatsii svyatykh v russkoi tserkvi* [History of the canonization of Saints in the Russian Church]. Moscow, 1904. 233 p.
- Khitrov M. prot. *Svyatoi blagovernnyi velikii knyaz' Aleksandr Yaroslavich Nevskii. Gl. XXI. Prilozhenie I. Svyatoi Aleksandr Nevskii v pravoslavnom bogoslužhenii.* [Holy Blessed Grand Prince Alexander Yaroslavich Nevsky. Chapter XXI. Annex I. St. Alexander Nevsky in Orthodox worship]. Moscow, "Tipografiya Sytina i Ko" Publ., 1893. 279 p.
- Klepin N. A. *Svyatoi blagovernnyi i velikii knyaz' Aleksandr Nevskii* [Holy Blessed Grand Prince Alexander Nevsky]. Saint Petersburg, "Aleteiya" Publ., 2004. 287 p.
- Pamyatniki russkogo muzykal'nogo iskusstva. Vyp. 2. Muzyka na Poltavskuyu pobedu. Sost., publ., issl. i komment. V. Protopopova* [Monuments of Russian musical art. Issue 2. Music for the Poltava victory / Comp., publ., research and comment. by V. Protopopov]. Moscow, 1973.
- Plotnikova N. Yu. *Russkoe partesnoe mnogogolosie kontsa XVII — serediny XVIII veka: istochnikovedenie, istoriya, teoriya* [Russian party polyphony of the late XVII — mid XVIII century: source studies, history, theory]. Moscow, 2015. 279 p.
- Seregina N. S. *Pesnopeniya russkim svyatym po materialam rukopisnoi pevcheskoi knigi KhI–KhIX vv. «Stikhirar' mesyachnyi»* [Hymns to Russian saints based on the materials of a handwritten singing book of the XI–XIX centuries. "Monthly stichera"]. Saint Petersburg, 1994. 468 p.
- Slovo o pogibeli Russkoi zemli. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 5. Pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko* [The Word about the destruction of the Russian land. Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 5. Edited by D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 1997.
- Smolyakov B. G. [Questions of decoding and reconstruction of Russian polyphonic choral compositions of the party style (on the example of the concert

“Veselisyā, Izherskaya zemlya”)]. Vserossiiskii festival’ «Nevskie khorovye assamblei». Moscow, 1984, pp. 60–62. (In Russ.)

Vladyshevskaya T. F. *Muzykal’naya kul’tura Drevnei Rusi* [Musical culture of Ancient Russia]. Moscow, 2006. 468 p.

Vladyshevskaya T. F. *Drevnerusskaya pevcheskaya kul’tura i istoriya* [Ancient Russian singing culture and history]. Moscow, 2012. 464 p.

# ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО С ЛАТИНСКИМ ЗАПАДОМ ГЛАЗАМИ ДРЕВНЕРУССКИХ АГИОГРАФОВ

**Прот. Константин Костромин**

*Кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент;*

*Санкт-Петербургская духовная академия (Россия)*

*k.a.kostromin@mail.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_169

---

**Аннотация.** Святой благоверный князь Александр Ярославич рассматривается в историографии XX — начала XXI в. через призму взаимоотношений «Восток — Запад», причем под Западом понимается коллективный католический Запад эпохи Средневековья. Так ли смотрели на ситуацию древнерусские агиографы? Анализ различных редакций «Повести о житии св. Александра» показывает, что такой взгляд был древнерусскому сознанию несвойствен. В первой редакции вообще нет противопоставления святого князя Западу или Востоку. Антилатинская настроенность появляется постепенно, через два-три конкретных сюжета, и достигает своего апогея только в конце XV — первой половине XVI в.

**Ключевые слова:** история Русской Церкви, Александр Невский, агиография, антилатинская полемика.

**Для цитирования:** *Комтромин К., прот.* Взаимоотношения святого благоверного князя Александра Невского с латинским Западом глазами древнерусских агиографов // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 169–180. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_169

# THE RELATIONSHIP OF THE HOLY BLESSED PRINCE ALEXANDER NEVSKY WITH THE LATIN WEST THROUGH THE EYES OF ANCIENT RUSSIAN HAGIOGRAPHERS

**Archpriest Konstantin Kostromin**

*PhD in History, PhD in Theology, Assistant Professor*

*Saint Petersburg Theological Academy (Russia)*

*synhros@yandex.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_169

---

**Abstract.** The Holy Blessed Prince Alexander Yaroslavich is viewed in the historiography of the XX — beginning of the XXI century through the prism of the East — West relationship, and the “West” is understood as the collective Catholic West of the Middle Ages. Did the ancient Russian hagiographers look at the situation this way? The analysis of various editions of the “Tale of the Life of St. Alexander” shows that such a view was unusual for the Old Russian consciousness. In the first edition there is no opposition of the Holy Prince to the West or the East at all. The anti-Latin mood appears gradually through two or three specific plots and reaches its apogee only at the end of the XV — the first half of the XVI century.

**Keywords:** History of the Russian Church, Alexander Nevsky, Hagiography, Anti-Latin Polemic.

**For citation:** *Kostromin K., archpr.* The Relationship of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky with the Latin West through the Eyes of Ancient Russian Hagiographers // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022 No 1. Pp. 169–180. DOI : 10.55398/27826066\_2022\_1\_169

**Т**радиционный взгляд на историю как на область знания заключается в том, что исторический процесс представляет собой объективную реальность, которую историк старается постичь и донести до читателя или слушателя. В XX в., в рамках культуры постмодерна, появился интерес к «истории субъективности» как системе отношений одного субъекта

к другому. Историография святого благоверного великого князя Александра Невского, в том числе и современная, в основном продолжает поиски в области объективной истории — когда родился святой князь, где именно и при каких обстоятельствах он победил шведов на Неве, где и каким образом он провел знаменитое Ледовое побоище. Даже споры о том, были эти сражения эпохальными битвами или мелкими пограничными стычками (а в последнее время голоса в пользу такого прочтения истории звучат достаточно настойчиво, хотя академическая наука с ними не согласна), отражают скорее современный субъективный взгляд на объективное прошлое. Однако никто не отменял и личного мнения историков прошлого — летописцев и авторов житийных произведений — на то, что они описывали. Святой князь Александр Невский во все времена, бесспорно, рассматривался как борец против западной агрессии, и в этой связи интересно проследить, как развивались взгляды агиографов на то, в ком на Западе князь должен был видеть своих врагов и как он должен был им противостоять.

«Повесть о житии Александра Невского» — литературный памятник, появление которого связывают с деятельностью князя Дмитрия Александровича, сына святого Александра Невского, и святого митрополита Кирилла, первого русского митрополита Монгольской эпохи, и датируют 80-ми гг. XIII в. Повесть была вставлена в том числе и в древнейшую из сохранившихся Лаврентьевскую летопись (к сожалению, часть жития в составе летописи оказалась утрачена) [Охотникова 1987: 357]. Количество редакций жития точно не установлено (их больше десяти), однако основной интерес представляют прежде всего те, которые переписывались чаще других и были лучше знакомы читателям.

В житии святого князя Александра прежде всего раскрываются военные и политические сюжеты. Это неудивительно, поскольку прославление святого князя произошло только в 1547 г., на первом из церковных соборов, инициированных святым митрополитом Московским Макарием для прославления «новоявленных» русских чудотворцев. Автор жития не исходил из мысли, что он пишет житие прославленного Церковью святого. Он описывал жизнь князя, славного своими деяниями и благочестием. Именно деяния князя наполняют историческую канву содержанием, в то время как благочестие является описанием личности. Именно поэтому историки, как правило, обращают основное внимание на дела, пытаясь вписать их в общеисторический контекст. Указанные военные

и политические сюжеты в свою очередь могут быть сведены к одной проблеме: Русь между Востоком и Западом как в военно-политическом, так и конфессиональном смысле [Гумилев 1995: 73–78]. Исследования второй половины XX в., прежде всего работы И. П. Шаскольского, позволили поставить вопрос глобально. Шведские экспедиции к берегам Рижского и Финского заливов и реки Невы начиная со второй половины XII в., папские буллы этого же периода, переезд из Палестины в Прибалтику Тевтонского ордена, преобразованного в орден меченосцев, воспринимаются сегодня как детали единого целого, позволяя говорить о крестоносной агрессии в Восточной Европе, в которой по инициативе пап принимали участие немцы и шведы. Считается, что святой Александр Невский противостоял не случайным разрозненным противникам, а хорошо спланированной масштабной экспансии целого альянса государств и общественных объединений в виде рыцарских орденов, объединенных хорошо разработанной агрессивной идеологией.

Так ли воспринимали это авторы и последующие редакторы жития — «Повести о житии Александра Невского»? Большое видится на расстоянии. То, что видно нам, 800 лет спустя, не могло быть так хорошо видно современникам. Нам известны, кроме того, последствия тех событий. Исторический смысл событий XIII в. и мотивация поступков св. Александра должны были иначе восприниматься как писателями, так и читателями житий. Если суммировать то, что современной науке известно о русско-латинских конфессиональных отношениях той эпохи, выясняется, что св. Александр мог мало что прочесть о «латинской ереси». Из десятка древнерусских антилатинских произведений предшествующих эпох в XIII в. были известны в лучшем случае три-четыре (остальные либо не переводились на древнерусский язык, либо были очень мало распространены). К тому времени, когда св. Александр «входил в возраст», уже больше столетия не создавались новые антилатинские произведения. Даже захват крестоносцами Константинополя в 1204 г., описанный в специально написанной в связи с этим событием «Повести о взятии Царьграда фрягами», не породил никакого интереса к антилатинской литературе [Флоря 2004]. У Александра Ярославича не было оснований считать деловые отношения с соседними странами латинской традиции невозможными или подпадающими под церковное осуждение — об этом говорит не только переписка князя с Римским папой Иннокентием IV, но и договор с остро-

вом Готланд, заключенный в 1259 г., двор которого с латинским храмом продолжали действовать в Новгороде наряду с Немецким двором [Кривошеев, Соколов 2012: 282; Рыбина 1986: 31, 33].

В первоначальной редакции жития, созданной вскоре после смерти князя, антилатинское содержание явно не выражено и, можно утверждать, практически отсутствует. В самом деле, Рим, который для автора середины XIII в. должен был теоретически ассоциироваться с латинством (католичеством) [Лаушкин 2019: 235–245], прежде всего показан как античный город, в котором живет достойный подражания герой: «дал Бог храбрость же ему (Александрю. — К. К.) царя Римскаго Евсписиана» [Мансикка 1913: 2 (2 паг.)]. Первый противник св. Александра, согласно «Повести» — «краль части Римския», тоже из Рима и тоже конфессионально не определен, как и Веспасиан. Безымянный «краль» (король) упомянут после Веспасиана и потому становится антиподом античного героя, поскольку, в отличие от последнего, вознамерился, «шатаясь безумием», напасть на землю храброго Александра. Враги, возглавляемые «кралем», названы «силой варяжской» [Там же: 3 (2 паг.)]. Варяги в древнерусской литературе почти не ассоциировались с латинством (такое отождествление можно найти, наверное, только в «Вопрошании Кирика Новгородца и ответах архиепископа Нифонта» [Костромин 2014: 94]). Вторая враждебная князю и Новгороду сила пришла, согласно «Повести», просто от «западныя страны», названная просто «иноплеменниками», под которыми подразумевались немцы [Мансикка 1913: 5, 7 (2 паг.)]. Позднее князь захватит «град Юрьев Немецкий» [Там же: 9 (2 паг.)]. Иными словами, упомянутые противники благоверного князя были не столько латинянами, сколько «иноплеменниками» из «западных стран».

Единственный фрагмент «Повести», в котором традиционно видят антикатолическое содержание, — это сюжет о посещении Александра Невского папским легатом. Этот текст замечателен своей эмоциональной выдержанностью и отсутствием полемической заостренности. Легат прибыл «от папы из великого Рима», поскольку папа «рече, слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя славна и велика». В ответ на предложение послушать учение Католической Церкви св. Александр ответил, на первый взгляд, несколько странно, пересказав периоды ветхозаветной, новозаветной и отчасти церковной истории. Однако древнерусский читатель мог легко сообразить, на что намекает автор жития. Согласно «Повести временных лет»,

к князю Владимиру когда-то тоже «пришли немцы из Рима», «посланные от папы», который также ссылался на равновеликость земель русского князя и папы: «земля твоя, как и земля наша» [Повесть временных лет 1999: 39]. Сказанное св. Владимиру «немцами из Рима» было опровергнуто греческим Философом, который в пространной речи, приведенной в «Повести временных лет», пустился в пересказ Ветхого и Нового Заветов. Там выделяются как раз те темы, которые перечислены в ответе Александра: история Адама, потопа, разделения языков, Авраама, Моисея и исхода евреев из Египта, царствования Соломона, жизни, страданий и воскресения Христа. Упоминание о семи соборах в «Повести о житии св. Александра» напоминает о поучении, которое св. Владимир выслушал в Корсуни после своего крещения [Там же: 40–48, 51]. Однако нельзя не обратить внимания на следующий факт: речь Философа начинается, а поучение корсунских священников заканчивается резкими антилатинскими пассажами. В «Повести о житии Александра Невского» нет даже намек на них, хотя они были бы здесь вполне уместны. Можно утверждать, что автор «Повести» сознательно уклонялся от возможности написать что-либо, направленное против латинской веры, хотя Александр Ярославич не мог не принимать во внимание общую политику римского Апостольского престола в борьбе с «восточной схизмой» и общего изменения отношения непосредственно к Руси со стороны Католической Церкви [Костромин 2013: 189–190].

Согласно исследованиям В. Мансикка, Н. И. Серебрянского и Ю. К. Бегунова (при всем различии их взглядов), с конца XV в. обращение агиографов к жизнеописанию св. Александра Невского становится регулярным [Охотникова 1987: 358–362]. Это могло быть связано с возобновлением интереса к Александру Ярославичу и его победам в связи с осмыслением последствий Куликовской битвы [Соколов 2014: 17–18]. Кроме того, наступала эпоха великого князя Ивана III, начинала формироваться идея «Москва — Третий Рим», в которой антилатинская тема стала одной из основных, а также все более осмысленными становились впечатления от Ферраро-Флорентийского собора [Синицына 1998; 1990: 128–152]. Автор «второй» (по классификации В. Мансикка) редакции «Повести» упомянул «Рим великий» как точку, до которой распространилась слава о великом князе [Мансикка 1913: 11 (2 паг.)]. Агиограф точно следует тексту первоначальной «Повести» о житии, однако в рассказе о Чудской битве приводит вставку, которая уже имеет определенный конфессио-

нальный окрас: «местер изыде противу их с всеми пискупы своими...». Форма слова «пискуп» косвенно указывает на латинскую принадлежность данных архиереев [Словарь древнерусского языка (Т. 6) 2000: 397], хотя непосредственного выпада против латинян здесь также нет и при этом полностью выпущен сюжет о приходе папского легата.

Тема «пискупов» оказалась усилена автором т. н. лихачевской редакции, явно знакомым с редакцией «Повести» конца XV в., но писавшим до Собора 1547 г. Он упоминает неких «пискупов» среди участников похода на Неву [Мансикка 1913: 12 (2 паг.)]. Кроме того, для него уже поход на Псков и Чудское сражение князь Александр начинал, «хотя отмстити кровь крестьянску» [Там же: 13 (2 паг.)]. Противопоставление немцев и христиан — явление достаточно позднее, сформировавшееся не ранее конца XV в., однако и здесь антилатинское содержание еще не очевидно.

Редактор жития, переделывавший его для Минеи Четых святого митрополита Макария, пошел еще дальше. В уста священников, воспевавших святого князя Александра, возвращавшегося с Ледового побоища, он вложил эпитет, существенно изменивший отношение к побежденным: «Пособивый, Господи... верному князю нашему Александру оружием крестным свободити град Псков от *поганых* иноплеменник» [Там же: 23 (2 паг.)]. Погаными (т. е. язычниками) называть ливонских немцев было странно, однако была тенденция такова, что спустя еще полтора десятилетия псковский писатель Василий-Варлаам описывал гибель священномученика Исидора Юрьевского в той же Ливонии как гибель христианина от рук язычников-латинян [Костромин 2018: 304]. Так же незначительно текстуально, но весьма заметно по содержанию оказался изменен и пассаж, посвященный посещению князя послом Римского папы. Теперь ответ святого князя заканчивался упоминанием проповеди апостолов, а Вселенские Соборы характеризовались как наследие сугубо восточное: «по сих же предания святых отец седми собор известно храним, словес же ваших не слушаем и учения вашего не требуем» [Мансикка 1913: 25 (2 паг.)]. Похвала благоверному князю, стоящая в конце текста, частично совпадает с текстом третьей стихир на стиховне из службы св. Александру Невскому: «Не от Рима бо, ни от Синая провозсиял еси, но в Рустей земли явися, чудотворец преславен» [Там же: 30 (2 паг.); ср.: Костромин 2018: 302].

Наконец, редактором, который более существенно вторгся в текст жития и окончательно превратил его в антилатинское произведение, стал

псковский книжник священник Василий, в монашестве Варлаам, писавший его между 1547 и 1555 гг., т. е. незадолго до начала Ливонской войны [Дмитриева 1988: 113]. В его тексте «краль части римския» (названный теперь по имени — Нестером Велгером) пошел походом на Александра с «местеры и бискупы своя». Причиной похода Биргера на Неву агиограф посчитал сопряженную с безбожием гордыню: «возвысився высокоумием без Бога» [Мансикка 1913: 35 (2 паг.)]. В сюжете о приходе послов Биргера в Новгород Василий-Варлаам впервые назвал Биргера «безбожным», и этот эпитет сразу стал применяться ко всем нападающим с запада на русские земли: просто «безбожные», безбожные римляне, безбожные немцы и, наконец, безбожные латиняне [Там же: 36–37 (2 паг.)]. Впоследствии в житии постоянно поминаются «безбожные и поганые немцы», «погании латына», «окаяннии немцы», «злодеи», равно как и «безбожные и поганые татары» и «окаяннии злоимянитыи царь Батыи» (в этом житие принципиально расходится с первоначальной редакцией «Повести», где «царь Батый» подан как человек, подивившийся силе и славе Александра, отпустивший его «с великой честью») [Там же: 7, 43 (2 паг.)]. Использование данных эпитетов применительно к католикам со стороны Василия-Варлаама было нормой. Именно в эти годы складываются и определенные принципы составления богослужебных текстов святым, чей жизненный путь пересекался с латинским миром [Костромин 2018: 302–305]. К началу XVII в. Александр Невский уже прочно ассоциировался с антилатинской тематикой в самых резких ее формах [Ковалев 1996: 157].

Из представленного разбора различных редакций «Повести о житии Александра Невского» видно, что для младших современников благоверный князь выступал защитником родной земли вне зависимости от того, какую политическую, культурную или конфессиональную сторону представлял ее противник. Именно готовность и умение защитить Великий Новгород от врагов, отомстить у «царя людей от беды», а также его благочестие, «иереелюбие и мнихолюбие», горячая молитва перед ответственным поступком сделали его достойным отдельной повести. Сила его личности затмевала различия между противниками Руси. По мере отдаления от XIII в., появления новых или обновления старых опасностей и страхов, вызовов времени и обстоятельств книжники старались не только не забыть Александра Невского, но понять его деяния исходя из того, как они виделись спустя 200 и 300 лет. Актуализация подвига святого была при-

суща агиографической литературе не в меньшей степени, чем она реализуется и в наши дни. Кажущаяся изменчивость образа святого князя Александра Невского только подчеркивает его участие в жизни России всех последующих времен [Кривошеев, Соколов 2018а; Кривошеев, Соколов 2018б; Шенк 2007].

## Источники

- Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. Б/м, 1913. (Памятники древней письменности и искусства. Т. 180).
- Повесть временных лет / подг. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева / под ред. В. П. Андриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Наука, 1999.

## Литература

- Гумилев Л. Н.* Александр Невский и восточное христианство // Колпица. Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. Санкт-Петербург, 1995. С. 73–78.
- Дмитриева Р. П.* Василий (в иноках Варлаам) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. Ленинград : Наука, 1988. С. 112–116.
- Ковалев А. Н.* Западная агрессия в начале XVII в. в изображении Авраамия Палицына // Древняя Русь и Запад : Научная конференция. Книга-резюме. Москва : Наследие, 1996. С. 157–159.
- Костромин К.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2013.
- Костромин К., прот.* Антилатинская полемика в древнерусском богослужении // Палеоросия. Древняя Русь : во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2018. Вып. 1 (9). С. 298–320. DOI : 10.24411/2618-9674-2018-10019.

- Костромин К., свящ.* Вопрошание Кирика с ответами Нифонта и канонико-правовое наследие Киевской Руси в контексте международных отношений // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. 3 / отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород, 2014.
- Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: исследования и исследователи. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2018.
- Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2018.
- Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Политика Александра Невского в балтийско-скандинавском регионе // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2012. С. 265–295.
- Лаушкин А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2019.
- Охотникова В. И.* Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Ленинград : Наука, 1987. С. 354–363.
- Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. Москва : Изд-во МГУ, 1986.
- Синицына Н. В.* Автокефалия и учреждение Московского патриархата (1448–1589) // Церковь, общество и государство в феодальной России / отв. ред. А. И. Клибанов. Москва : Наука, 1990. С. 128–152.
- Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Москва : Индрик, 1998.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6: овадь — покласти. Москва : Азбуковник, 2000.
- Соколов Р. А.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург, 2014.
- Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). Санкт-Петербург : Алетейя, 2004.
- Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. Москва : Новое литературное обозрение, 2007.

## References

- Dmitrieva R. P. [Vasily (in monks Varlaam)]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Vyp. 2 (vtoraya polovina KhIV — XVI v.), 1988, vol. 1, pp. 112–116. (In Russ.)
- Florya B. N. *U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII v.)* [At the origins of the religious schism of the Slavic world (XIII century)]. Saint Petersburg: “Aleteiya” Publ., 2004. 221 p.
- Gumilev L. N. [Alexander Nevsky and Eastern Christianity]. *Kolpitsa. Knyaz' Aleksandr Nevskii. Materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii 1989 i 1994 gg. otv. red. Yu. K. Begunov i A. N. Kirpichnikov, Alexander Nevsky and Eastern Christianity, 1995*, pp. 73–78. (In Russ.)
- Kostromin K. *Tserkovnye svyazi Drevnei Rusi s Zapadnoi Evropoi (do serediny XII v.)* [Church relations of Ancient Russia with Western Europe (until the middle of the XII century)]. *Stranitsy istorii mezhhkonnessional'nykh otnoshenii*. Saarbrücken: “Lambert Academic” Publ., 2013. 249 p.
- Kostromin K., prot. [Anti-Latin polemics in Old Russian worship]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. *Nauchnyi zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 298–320. (In Russ.)
- Kostromin K., svyashch. [The questioning of Kirik with the answers of Nifont and the canonical and legal heritage of Kievan Rus in the context of international relations]. *Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul'tura*. Ch. 3. otv. red. V. V. Mil'kov. *Velikii Novgorod*, 2014, pp. 87–97. (In Russ.)
- Kovalev A. N. [Western aggression at the beginning of the XVII century in the image of Avraamiy Palitsyn]. *Drevnyaya Rus' i Zapad: Nauchnaya konferentsiya*. *Kniga-rezyume*, 1996, pp. 157–159. (In Russ.)
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. *Aleksandr Nevskii: issledovaniya i issledovately* [Alexander Nevsky: research and researchers]. Saint Petersburg: “Oleg Abyshko” Publ., 2018, 363 p.
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. *Aleksandr Nevskii: epokha i pamyat'. Istoricheskie ocherki* [Alexander Nevsky: Epoch and memory. Historical essays]. Saint Petersburg: “Oleg Abyshko” Publ., 2018. 240 p.
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. [The Policy of Alexander Nevsky in the Baltic-Nordic region]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do*

- KhKh veka, otv. red. A. Yu. Dvornichenko. "SPbGU" Publ., 2012, pp. 265–295. (In Russ.)
- Laushkin A. V. *Rus' i sosedi: istoriya etnokonfessional'nykh predstavlenii v drevne-russkoi knizhnosti KhI–KhIII vv.* [Rus and neighbors: the ethno-religious views in Old Russian literature of XI–XIII centuries]. Moscow: "Dmitrii Pozharskii University" Publ., 2019. 304 p.
- Okhotnikova V. I. [The Tale of the life of Alexander Nevsky]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, (XI — pervaya polovina XIV v.)*. Nauka, 1987, no. 1, pp. 354–363. (In Russ.)
- Rybina E. A. *Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv.* [Foreign courtyards in Novgorod of the XII–XVII centuries]. Moscow: "MGU" Publ., 1986. 173 p.
- Sinitsyna N. V. [Autocephaly and the establishment of the Moscow Patriarchate (1448–1589)]. *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noi Rossii, otv. red. A. I. Klibanov*. Nauka, 1990, pp. 128–152. (In Russ.)
- Sinitsyna N. V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (XV–XVI centuries.)]. Moscow: "Indrik" Publ., 1998. 410 p.
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)*. T. 6: *ovad'-poklasti* [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries.)]. Vol. 6: *ovad-poklasti*. Moscow: "Azbukovnik" Publ., 2000. 480 p.
- Sokolov R. A. *Aleksandr Nevskii v otechestvennoi kul'ture i istoricheskoi pamyati*. Autoref. of diss. dokt. ist. nauk. [Alexander Nevsky in Russian culture and historical memory. Dr. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2014. 41 p.
- Shenk F. B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory]. Moscow: "Novoe literaturnoe obozrenie" Publ., 2007. 589 p.

# ДУХОВНЫЙ МИР ПЕРВОГО РУССКОГО СТОЛПНИКА ПРЕПОДОБНОГО НИКИТЫ ПЕРЕСЛАВСКОГО (XII в.)

**Татьяна Евгеньевна Зинкевич**

*Кандидат филологических наук;*

*Российская государственная библиотека (Россия)*

temikh@yandex.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_181

---

**Аннотация.** В статье рассматривается житие прп. Никиты Столпника, Переславского чудотворца, представлен филолого-культурологический анализ его духовного подвига: от безжалостного сборщика налогов до величайшего святого Переславской земли. В ходе исследования сформулированы характерные признаки топики жития русского столпника, рассмотрена сюжетная схема агиографического текста, представленная событийными топосами, описан духовный мир прп. Никиты, выраженный ментальными топосами его аскетического подвижничества. Прп. Никита принимал деятельное участие в строительстве города Переславля Залесского, где родился и вырос св. блгв. кн. Александр Невский, а подвиг первого русского столпника явился предтечей духовности в Переславле. В основу исследований легли рукописные фонды XV–XIX вв. РГБ.

**Ключевые слова:** прп. Никита Переславский, столпник, событийные и ментальные топосы, Спасо-Преображенский храм, св. блгв. кн. Александр Невский.

**Для цитирования:** Зинкевич Т. Е. Духовный мир первого русского столпника преподобного Никиты Переславского (XII в.) // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 181–188. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_181

# THE SPIRITUAL WORLD OF THE FIRST RUSSIAN STYLITE MONK NIKITA PERESLAVSKY (XII cent.)

**Tatiana Evgenievna Zinkevich**

*PhD in Philology*

*Russian State Library (Russia)*

temikh@yandex.ru

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_181

---

**Abstract.** The article discusses the life of St. Nikita the Stylite, the Miracle Worker of Pereslavl, presenting a philological and cultural analysis of his spiritual feat: from a ruthless tax collector to the greatest saint of the Pereslavl land. The study formulates some characteristic features of the life topics of the Russian stylite, considers the plot scheme of the hagiographic text, which is presented by event topoi, describes the spiritual world of St. Nikita, which is expressed by the mental topoi of his ascetic labours. St. Nikita took an active part in the construction of the city of Pereslavl Zalesky, where the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky was born and grew up, and the feat of the first Russian stylite was the forerunner of spirituality in Pereslavl. The research is based on the manuscript funds of the XV–XIX centuries of the Russian State Library.

**Keywords:** St. Nikita of Pereslavl, Stylite, event and mental topos, Transfiguration Church, Holy Blessed Prince Alexander Nevsky.

**For citation:** *Zinkevich T.E.* The Spiritual World of the First Russian Stylite Monk Nikita Pereslavsky (XII cent.) // *Sretensky Word*. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 181–188. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_181

**В** 1152 г. князь Юрий Долгорукий для укрепления своих границ решил построить Переславль в новом месте, на берегу озера Плещеева (Клещино), недалеко от Никитского Переславского монастыря. Земляные валы для нового города высотой двенадцать метров и протяженностью почти три километра были построены за очень короткий

период — за три месяца силами двух тысяч человек, однако главный собор города — Спасо-Преображенский — строили в течение пяти лет, а камень для него возили издалека на лодках и плотах по рекам.

Строительство города-крепости требовало больших денежных затрат. По княжескому повелению сбором податей на строительство нового Переславля и первого каменного собора на Ростовской земле был назначен мытарь Никита, который впоследствии прославился как преподобный Никита Столпник, Переславский чудотворец.

О жизни и духовном подвиге преподобного Никиты, первого русского столпника, свидетельствуют сохранившиеся рукописные жития XV–XIX вв. Житие святого значительного отличается от агиографических текстов других столпников. Рассмотрим топику жития преподобного Никиты Переславского на материале рукописей Российской государственной библиотеки, при этом выделим биографические факты как событийные топосы, а также рассмотрим духовную жизнь святого в рамках ментальных топосов, отражающих путь восхождения подвижника к святости.

Еще в детстве будущие столпники вели благочестивую жизнь и мечтали о монашеской стезе. Совсем иным предстает мытарь Никита. В житии о детстве будущего столпника свидетельствует только одна фраза: «Никита, преподобный отец наш, бе рожден и воспитан во граде Переславле» [ОР РГБ. Ф. 68. № 434. Л. 96 об.]. Главный герой жития предстает зрелым, женатым человеком, далеким от благочестивой жизни. Будучи сборщиком налогов, он прославился своей жестокостью, безжалостным обращением со своими горожанами, стремлением к обогащению. И если ментальный топос греха отсутствует в житиях других столпников, то в житии Никиты он ярко выражен и представлен следующими событийными топосами: «И много пакости и мятежи творяше человеком, от них же неправду взимаше мзду, тем питаше себе и подружие свое» [Там же]. В сферу ментального топоса греха входят и другие, такие как лихоимство, сребролюбие, обман, жестокосердие.

Однако в жизни мытаря Никиты происходит духовное преображение. И если прежняя его жизнь описана всего несколькими строками, то в дальнейшем древнерусский писатель подробно останавливается на том, каким образом меняется мировоззрение грешника.

Однажды Никита зашел в Преображенский храм, тот самый, на строительство которого собирал деньги. Он услышал чтение из Книги

пророка Исаии: «Измыитесь и чисти будете, и отимете лукавство от душ ваших пред очима Моима, и останетесь от злоб ваших, и научитесь добро творити...» [Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Ис. 1, 16]. Эти слова поразили его, и он понял, какую грешную жизнь вел. Однако утром на следующий день Никита с сомнением отнесся к своим мыслям в храме и решил пригласить своих друзей на очередную пирушку, дав жене задание приготовить стол к вечерней трапезе. Когда жена поставила вариться мясо, она «восплываючи виде ово главу человеческу, ово руки, ово плесни ножней» [ОР РГБ. Ф. 310. № 343. Л. 15]. В ужасе она позвала мужа, и он увидел ту же самую картину. И тогда Никита принял окончательное решение изменить свою жизнь.

Следующий эпизод жития связан с описанием покаяния мытаря Никиты, принявшего решение уйти в монастырь великомученика Никиты для спасения своей души. Здесь реализуется событийный топос ухода от прежней мирской жизни и ментальный топос глубокого покаяния грешника. Когда Никита пришел в монастырь, он, «вшед к игумену, паде ниц на лице своем, мочя помост слезами» [Там же: л. 17 об.], стал просить сподобить его ангельского образа. Игумен, хорошо зная мытаря Никиту, не поверил его словам и решил испытать — отослал к воротам обители, где он должен был стоять три дня и исповедовать свои грехи каждому входящему в монастырь. С глубоким смирением Никита принял свое первое послушание: «Повеленая тобою, сотворю, святой отче» [Там же: л. 19]. Три дня он стоял у монастырских ворот и каждому проходящему каялся. Но и этого ему было мало — он решил наказать свое тело: «Аще телом согреших, то телом ми подобает и пострадати» [ОР РГБ. Ф. 68. № 434. Л. 102 об.]. Никита ушел на болото рядом с монастырем и, раздевшись, обнажил свое тело для комаров и мошек (событийный топос страдания: «отдания тела на съедение комарам и мошкам»). Когда игумен с братьей пришли к нему, они «обрете его в тростии лежаща, пауком и мшицам на нем множеству пребывающим, овем отлетающим, овем же по земли плазящим, и от излишения крови на землю каплющи» [Там же: л. 103]. Игумен спросил: «Что чадо тако твориши? Он же едва взмог отвещати от толика скорби: Отче, спаси душу гибнущую» [ОР РГБ. Ф. 310. № 343. Л. 26]. И тогда игумен сам ввел Никиту в монастырь, одел на него власяницу и «сотвори его ангельскаго образа и постриже его в иноческий

чин» [Там же]. Оставлены за воротами монастыря жена, друзья, княжеские почести и богатство — всё, чем раньше он дорожил и чем жил многие годы. В парадигме ментального топоса мытарь Никита проходит спасительный путь от состояния греха к желанию изменить свою жизнь, от раскаяния к глубокому покаянию и смирению.

После пострига игумен затворил Никиту «в хлевине узце» [Там же]. Так Никита сразу оказался в затворе. Новонаначальному монаху для возрастания духа надо прежде всего обуздать плоть. Телесные труды подвижника имеют большое значение в аскетическом делании, поэтому святые отцы говорят о пользе труда, благодаря которому тело учится подчиняться духу. Событийный топос труда в житии прп. Никиты выражен фактом копания колодцев: «Святой же Никита... исходя из монастыря и ископа два кладезя. Един близ Лавры святых мученик Бориса и Глеба, а други близ потока Студнаго. От них же человецы очерпающе с верою, здравие приемлют» [ОР РГБ. Ф. 68. № 434. Л. 104]. В житии столпника присутствует событийный топос ношения вериг как усугубление телесного подвига. Топос возложения вериг в житии прп. Никиты сочетается с мотивами постоянного бдения, молитвы и чтения жития святых: «И малу времени мимошедши по благословении игумена и отца своего возложил на тело свое железо тяжкое, ночь и день без сна пребываша, поя Псалтырь и почитая святых жития» [ОР РГБ. Ф. 247. № 658. Л. 484]. Не избежал он и козней бесов: «Во едину же от ночей исползе змий велик посреде келии его. Преподобный же отец наш Никита, призвав в молитвах тезоименитаго великаго Христова мученика Никиту на помощь себе, и знаменав себе крестным знамением, и вскочи на главу его рек: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия» [ОР РГБ. Ф. 310. № 343. Л. 27]. Дьявол же «посрамлен бысть и исчезе» [Там же].

Таким образом, в житии преподобного Никиты топика затворничества представлена следующими элементами: событийными топосами затвора в «хлевине узце», поста, коленопреклонения, возложения вериг, тяжелого физического труда (прп. Никита выходил из затвора по ночам и копал колодцы), ментальными топосами духовного делания — молитвы и борьбы с бесами.

После подготовительных подвигов затворничества будущие стилиты восходили на столпы. Автор жития указывает, что прп. Никита «ископа

столп себе по благословению отца своего и в нем седе» [Там же: л. 28 об.]. Так, не снимая вериг, подвижник стал на пламенную молитву, подобно древним восточным столпникам.

Для топики столпничества характерен топос постоянного стояния на ногах. В житии прп. Никиты он выражен как «не дадяще покоя ногама своима» [Там же]. Все столпники обладали способностью изгонять бесов; так и преподобному Никите после восхождения на столп Господь даровал возможность исцелять и изгонять бесов. Слава о великом святом распространилась далеко за пределы Переславля. Когда к прп. Никите отправился болящий князь Михаил Черниговский, ему трижды являлся бес, чтобы не допустить его до святого. Однако столпник силою своей молитвы прилепил беса к столпу и запретил ему творить пакости: «Преподобный же чудотворец повеле ему у стены столпа прилпену быти и три часы, поведая своя прелести и клястся к святому пакости не творити человеком, и послан бысть в бездну к отцу своему сатане» [ОР РГБ. Ф. 200. № 67. Л. 106].

Подвиг воздержания является очень важным в практике столпничества. Он охватывает не только внешнюю сторону подвига, но и внутренний мир человека [Зарин 1996]. Так, преподобный Никита вкушал одну просфору в сутки с несколькими глотками воды, иногда же лишал себя и этой скудной пищи.

Топос постоянного бдения является характерным элементом топики столпничества. Мотив непрерывной молитвы в житии прп. Никиты соединен с мотивом бдения. При этом автор жития указывает на всеобъемлющую молитву святого, которая является молитвой за весь мир: «Молитву всылая человеколюбцу Богу о благоверном князе великом, и о преосвященном митрополите, и о всех благочестивых князех, и о священническом чину, и о плодоношении земли, и о нахождении иноплеменник. По многа лета обычныя молитвы тако творя не престаяше» [ОР РГБ. Ф. 212. № 18. Л. 93 об.]. Архимандрит Рафаил называет молитву за мир самым трудным подвигом, который вместе с безмолвием не подвергается земным измерениям, поскольку имеет «космическое значение» [Рафаил (Каверин), архим. 2002: 193].

Топос преставления прп. Никиты выпадает из канвы житийной схемы столпников, у которых кончина предполагает естественную смерть. В житии описывается, что святой столпник принял мученическую смерть

в 1186 г. от своих родственников, которые прельстились его железными веригами, блестевшими как золото от многолетних подвигов. Следует отметить, что в житии прп. Никиты прослеживается несколько параллелей. Прп. Никита, будучи сребролюбивым в своей прежней мирской жизни, погиб от рук таких же сребролюбивых людей. И следующая параллель: между святым страстотерпцем Борисом, основавшим в 1010 г. монастырь в честь святого великомученика Никиты, и преподобным Никитой Столпником, подвизавшимся в этом же монастыре в XII в. и погибшим, подобно основателю монастыря страстотерпцу Борису, от рук родственников. Преподобного Никиту погребли близ алтаря церкви в честь святого мученика Никиты.

Таким образом, житие преподобного Никиты Столпника, Переславского чудотворца, показывает нам, как происходит преобразование безжалостного мытаря, поборовшего свою пагубную страсть, в святого, избравшего редкий для Руси подвиг столпничества.

Если топика затворничества и столпничества, отраженная в житии русского стилита, имеет те же элементы, что и у восточных столпников, то топика греховной жизни Никиты до монастыря и мученическая кончина преподобного выделяют житие переславского святого из общей схемы столпнических житий и делают его уникальным.

Символично, что преподобный Никита явился «предтечей святости» на Переславской земле. Он принимал деятельное участие в строительстве города Переславля и Спасо-Преображенского собора, построенного в 1156 г. и дошедшего до нас почти в полной сохранности. Через 65 лет в переславских княжеских палатах, расположенных недалеко от храма, родился Александр Невский (1221). В этом же храме он принял святое крещение. В возрасте пяти лет вместе со своим шестилетним старшим братом Федором Александр прошел в соборе обряд посвящения в воины — «княжеский постриг». Собор стал усыпальницей переславских князей. Здесь погребены сын Александра Невского великий князь Дмитрий Александрович и внук великого полководца переславский князь Иван Дмитриевич.

Так преподобный Никита Столпник, Переславский чудотворец, «открывает» плеяду святых Переславской земли, а его житие находит отклик в душе каждого русского человека, ибо дает надежду на спасение любому грешнику.

## Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : Изд. Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 1988.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 68. № 434. Перв. четв. XVIII в.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 200. № 67. XVII в.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 212. № 18. Кон. XVII – 2-я четв. XVIII в.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 247. № 658. Кон. XV – нач. XVI в.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 310. № 343.

## Литература

Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Москва, 1996. 693 с.

Рафаил (Карелин), архим. Тайна спасения : Беседы о духовной жизни : Из воспоминаний. Москва, 2002. 128 с.

## References

Rafail (Karelin), arkhim. *Taina spaseniya. Besedy o dukhovnoi zhizni. Iz vospom-inanii* [The mystery of salvation. Conversations about spiritual life. From memoirs]. Moscow, “Moskovskogo podvor’ya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry” Publ., 2001. 128 p.

Zarin S. M. *Asketizm po pravoslavno-khristianskomu ucheniyu* [Asceticism according to Orthodox Christian teaching]. Moscow, “Palomnik” Publ., 1996. 693 p.

## ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПОВТОРА В «ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО» (XIII в.)

**Елена Ильдаровна Аюпова**

*Кандидат филологических наук,*

*доцент кафедры филологии Казанской православной духовной семинарии (Россия)*

eaupova@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_189

**Аннотация.** В работе исследуется роль повтора как важнейшего художественного средства в средневековых текстах на примере «Жития Александра Невского», созданного в XIII столетии. Рассмотрены фонетический, словообразовательный, лексический, морфологический, синтаксический виды повторов. Выявлены функции повтора на уровне текстопостроения и создания центрального образа святого князя Александра.

**Ключевые слова:** древнерусский текст, «Житие Александра Невского», XIII век, текстопостроение, повтор.

**Для цитирования:** Аюпова Е. И. Текстобразующая функция повтора в «Житии Александра Невского» (XIII в.) // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022.. № 1. С. 189–196.  
DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_189

## THE TEXT-FORMING FUNCTION OF REPETITION IN THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY (XIII cent.)

**Elena Ildarovna Ayupova**

*PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of Philology of the Kazan*

*Orthodox Theological Seminary (Russia)*

eaupova@yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_189

**Abstract.** The paper explores the role of repetition as the most important artistic means in medieval texts at the example of the «Life of Alexander Nevsky», created in the XIII century. Phonetic, word-formation, lexical, morphological, syntactic types of repetition are considered. The functions of repetition at the level of text construction and creation of the central image of the Holy Prince Alexander are identified.

**Keywords:** Old Russian text, «The Life of Alexander Nevsky», XIII century, text construction, repetition.

**For citation:** *Ауцурова Е. И.* The Text-Forming Function of Repetition in the Life of Alexander Nevsky (XIII cent.) // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 189–196. DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_189

**В**о второй половине XIII в. появилась на свет «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра, или Повесть о житии Александра Невского», известная в различных редакциях. Считается, что она была написана между 1263-м и 1280-ми гг. в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире — месте погребения святого благоверного князя Александра Невского. Автором жития был книжник из окружения митрополита Кирилла или сам митрополит Кирилл. По жанровой принадлежности этот текст совмещает житие святого и воинскую повесть, как совмещались эти две ипостаси (святого и полководца) и в самом святом Александре.

Будучи талантливым произведением древнерусской письменности, «Повесть» насыщена типичными для средневековой литературы риторическими приемами, которые восходят к самым разным первоисточникам — Священному Писанию, византийской гимнографии, древнерусскому фольклору, агиографии, переводным и оригинальным воинским повестям (например, «Александрия», «Летописец Даниил Галицкий») и пр. Одним из ключевых средств создания выразительности языка повести служит повтор в самых разных его вариантах, который пронизывает весь текст и организует повествование на различных языковых уровнях.

Повторам, их происхождению и роли в средневековых произведениях посвящено немало исследований. Е. М. Мелетинский подчеркивал, что «повторы — древнейшая черта фольклора, связанная в генезисе и с наличием ритма, и с верой в магическую силу слова» [Мелетинский

1986]. О разнообразных типах повторов в средневековых текстах идет речь в диссертации В. В. Тимохина [Тимохин 2000]. Исследовательница из Чернигова С. М. Шумило убедительно доказывает, что «оригинальные <...> произведения древнерусской литературы заимствуют повтор как фигуру речи из богослужебных произведений и используют ее так же, в тех же контекстах, что и древние гимнографы» [Шумило 2021: 92–101].

Действительно, повтор, как известно, регулярно встречается в средневековой литературе разных народов и, по всей видимости, не только является наследием более ранних текстов (особенно фольклорных) и применяется по сложившейся традиции, но и органично вписывается в средневековое мировоззрение, соответствует ментальности эпохи, религиозно-философской картине мира, одной из важнейших особенностей которой был символический взгляд на жизнь человека и исторические события. Именно необходимость указать на символический подтекст художественного образа вызвала в большинстве случаев появление структурных повторов в виде синтаксических параллелей библейских аллюзий. Стремление выделить слово-символ приводило к обилию лексических, синонимических, морфемных повторов. Покажем некоторые особенности средневекового повтора на примере «Повести о житии Александра Невского» [Повесть о житии Александра Невского 1985: 120–135].

Не будучи произведением поэтическим, «Повесть», однако, содержит намеки на фонетические повторы, создающие звукопись. Так, реалистичность в описании видения стражника Пелугия достигается в том числе за счет нагнетания шипящих, передающих движение насадов по морю и эхом откликающихся в причастиях: «...слыша шюмъ страшень <...> насадъ единъ гребуць <...> стояща святая мученика <...> руки дръжаща на рамѣх», в то время как мистицизм происходящего подчеркивается по контрасту концентрацией «бесплотных» гласных в характеристике таинственных гребцов, которые были «акы мглюю одѣани» [Там же: 122].

В определенной мере близки к фонетическим повторы словообразовательные: нанизывание одинаковых морфем и их вариантов также помогает и воплотить некую идею, и нарисовать образ: например, употребление дериватов с префиксом въз/въс (имеющим семантику движения наверх) нередко связано в тексте с сакральными моментами, когда человек обретает связь с Творцом. Так, и видение стражника (который «въсприя святое крѣщение»), и Ледовое побоище маркированы восходом солнца («и яко

же нача въсходити солнце», «въсходящю солнцю»), символизирующим помощь Божию. Сам князь, укрепившись молитвой, пошел на Невскую битву «въ день въскресения» и «самому королю възложи печать на лице». Перед битвой на Чудском озере он молился, «воздѣвъ руцѣ на небо», ему помогал «полкъ Божий на въздусѣ», и «возвратися князь Александръ с побѣдою славною» [Там же: 122–124].

Как морфемный повтор можно квалифицировать и характеристику мудрых правителей с финалью -любец: святой князь Александр «родися от отца милостилюбца и мужелюбца» [Там же: 120] и сам был «иерѣлюбецъ и мьнихлюбецъ и нищя любя» [Там же: 126]. Находясь в начале и конце текста, эти характеристики явственно перекликаются и свидетельствуют о преемственности между отцом и сыном в христианских добродетелях.

Важно отметить, что морфемные повторы не столько концентрируются в одном месте, сколько становятся своеобразными скрепами для всего текста. К примеру, при описании древнего чуда действия ангела Господня связаны с префиксом из-: «внезапу изиде ангель Господень, изби и». И тот же префикс повторяется чуть позже в описании поступков святого князя: «Князь же Александръ воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самих извѣша <...> изгна и немецъ изсѣче» [Там же: 123]. Обратим внимание, что повтор префиксов сопряжен здесь и с морфологическим повтором: в обоих описаниях перекликаются одинаковые аористные формы, обеспечивающие впечатление свершения славных воинских деяний. Таким образом, морфемный и морфологический повторы символически объединяют ангела и святого князя, чьи ратные подвиги становятся проявлением воли Божией.

Характерны для «Повести» и корневые повторы, восходящие, очевидно, к фольклорной стилистике: шведский король «посла слы своя», а старейшину Пелугия сподобил Бог «видѣти видѣние страшно», при победе Александра «обрѣтоша много множество избьеных от ангела Господня», западные захватчики «возградиша град въ отечствѣ Александровѣ», а царь Батый принял святого князя, «почъстивъ же и честно», и Сам Бог «человекомъ си щедра ущедряеть». Можно предположить, что корневые повторы, помимо воссоздания сказочно-былинной стилистики, усиливают смысл сказанного, аккумулируя семантику того или иного корня. Это яркое средство выразительности лежит в основе краткой и емкой «ратной» характеристики Александра: «побѣжая, а не побѣдимъ». В «Повести» обнаруживается и любопытный случай звукового анаграмматического повтора, который корневым не является, но близок к нему функциональ-

но. Завершая свой плач по Александру, рассказчик восклицает: «аще бы лъзѣ, и въ гробѣ бы лъзѣлъ с ним!» [Там же: 126].

Важную роль в тексте играют лексические и синонимические повторы, которые также концентрируют определенный смысл. Словесные повторы близки к корневым в их ориентации на народное творчество. Говорит некий Андрѣяшъ о князе Александре: «не видѣхъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя» [Там же: 121]. Лексические повторы могут скреплять и далеко друг от друга стоящие фрагменты текста. Например, оборот «чюдо дивно» описывает и деяния ангела Господня, и посмертное чудо святого князя: «бысть же в то время чюдо дивно» [Там же: 123] — «бысть же тогда чюдо дивно» [Там же: 127]. Благодаря тождественности обозначения эти явления воспринимаются как обусловленные единым первоисточником — волей Божией.

Нанизывание лексических и синонимических повторов становится основой для построения крупной текстовой единицы — ответа святого князя папским послан. Разделяя всю священную историю на знаковые периоды, святой Александр обозначает их границы то при помощи точных повторов слов («до потопа» — «от патопа», «до Христова рожества» — «от рожества Христова» и подобн.), то посредством синонимических замен: «до разделения языкъ» — «от разъмѣшения языкъ», «до проитиа Иисраиля сквозе море» — «от исхода сыновъ Иисраилевъ» и т. п. Вероятно, в таком нанизывании можно видеть применение типичного для Средневековья приема амплификации, позволяющего эмоционально выделить названные события.

Именно синонимы позволяют усиливать впечатление («и събра силу велику <...> подвижеса в силѣ тяжцѣ»), синонимы и контекстуально синонимизирующиеся оценочные лексемы создают образ святого: «мужество» — «храборъство», «святое и честное и славное житие» и т. п. Синонимические повторы помогают выделить ключевые слова. Так, мистическое небесное вмешательство в ход битвы на Чудском озере подчеркивается повтором понятия «воздух» через употребление исконного и заимствованного синонимов: «видѣхъ полкъ Божий на въздусъ <...> побѣди я помощью Божиею <...> гоняще аки по иаеру» [Там же: 124]. Нагнетание контекстуальных синонимов позволяет автору передать народную скорбь при описании погребения святого Александра: «бысть же вопль, и кричание, и туга...» [Там же: 127].

Но наиболее важную в плане текстообразования функцию выполняют синтаксические повторы — идентичные по структуре конструкции (обычно сопряженные и с семантической близостью), передающие идею

символического единства описываемых событий. Синтаксический параллелизм традиционно используется в сравнительно-сопоставительных фрагментах средневекового текста при введении библейских аллюзий. Типичные примеры такого повтора мы находим и в «Повести»: «И сего ради нѣкто силенъ от Западныя страны <...> прииде, хотя видѣти дивный възрасть его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его» [Там же: 121]; «также и у князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции» [Там же: 124]; «помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка» [Там же].

Стилистическими целями усиления выразительности объясняется структурный параллелизм описаний в изображении Ледового побоища: «и трусь от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго» [Там же]; видения Пелугия: «видѣвъ же таковое видѣние и слышавъ таковой глас от мученику» [Там же: 122]; анафоры в плаче по святом князе: «Како можеша написати <...> Како не упадета ти зѣници <...> Како же не урвется сердце твое...» [Там же: 126].

Особый вид повторов представляют собой конструкции, которые Д. С. Лихачев квалифицирует термином «стилистическая симметрия». Это типичный для средневекового мышления прием, характерный, в частности, для псалмов. Он заключается в смысловом повторе (не обязательно точном) одной мысли синонимическими средствами и часто выражен повторяющимися синтаксическими структурами. Именно такой пример из 34-го псалма, который «играл особую роль в мировоззрении и жизни святого князя Александра», мы находим в его устах: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ» (Пс. 34, 1–2). Действия Всевышнего, о которых умоляет псалмопевец, объединены попарно: в первой паре акцентируется противостояние Бога и противников просителя, во второй паре — идея защиты, при этом происходит своеобразное варьирование каждой идеи, выявление ее разных граней.

Аналогичные симметричные по смыслу конструкции мы обнаруживаем и в оригинальном тексте «Повести». Приведем несколько примеров [Там же: 125–126]: «благъ домочадцемъ своимъ и вѣнѣшнимъ от странъ приходящимъ кормитель» (варьируется идея милосердия святого князя); «Богъ <...> человекомъ си щедря ущедряеть и покажетъ на мирѣ милость

Свою» (варьируется идея милосердия Божия); «распространи же Богъ землю его богатствомъ и славою и удолъжи Богъ лѣтъ ему» (варьируется идея Божией милости ко святому князю); «митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки Самого Христа» (варьируется идея почтения к церковным иерархам). Подобные конструкции не только воспроизводят стилистику псалмов, но и передают особенности средневекового мировосприятия, позволяя развернутыми и внешне избыточными конструкциями (по сути — смысловыми повторами) акцентировать важные мысли.

Таким образом, в тексте «Повести о житии Александра Невского» обнаруживаются повторы разных типов и на различных языковых уровнях — от фонетического до синтаксического. Не возникает сомнения, что их наиболее значимые функции — создание художественной выразительности описаний и акцентирование ключевых понятий и идей, символических параллелей с библейской историей. Повторы становятся основой не только отдельных фрагментов, но и всего текста «Повести» как в формальном, так и в смысловом отношении, поэтому можно говорить и о метатекстовой, текстообразующей роли тех или иных рефренов.

Именно повторы позволяют через весь текст провести идею преемственности между святым Александром и его предшественниками — библейскими праотцами и пророками, святыми равноапостольными Константином и Владимиром, князем Ярославом-отцом и князем Ярославом-прадедом и т. п. Это ощущение цикличности истории при ее несомненной векторности, направленности не только к «правнучатам Александровым» [Там же: 124], но и к Страшному Суду находит выражение в языковых повторах. Нынешние события уже произошли когда-то и повторятся вновь, они символизируют знаковые вехи прошлого, в том числе негативные (например, предательство псковичей ассоциируется с предательством новозаветных евреев). Этот символизм миропонимания и выражают повторы, связывающие не просто слова в текст, но и исторические события в единую средневековую христианскую картину мира.

## Источники

Повесть о житии Александра Невского // Воинские повести Древней Руси. Ленинград : Лениздат, 1985. С. 120–135.

## Литература

- Василик В., диак. «И прииде в Неву, шатающаяся безумием»: немцы и шведы в «Житии Александра Невского». [Электронный ресурс] // URL: <https://pravoslavie.ru/57907.html>.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград : Художественная литература, Ленинградское отделение, 1971. 415 с.
- Мелетинский Е. М. Эдда и ранние формы эпоса. Москва : Наука, 1968. 365 с.
- Тимохин В. В. Поэтика средневекового героического эпоса : повтор, антитеза, тропы. Дис. докт. филол. наук: 10.01.01 — русская литература. Москва, 2000. 440 с.
- Шумило С. М. Повтор как художественный прием в литературе стиля «плетение словес» : к вопросу о заимствовании гимнографических тропов // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Т. 43. 2021. № 3. С. 92–101.

## References

- Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Ancient Russian literature]. Leningrad: “Khud. lit., Leningr. otd-nie” Publ., 1971. 415 p.
- Meletinskii E. M. *Edda i rannie formy eposa* [Edda and early forms of the epic]. Moscow: “Nauka” Publ., 1968. 365 p.
- Shumilo S. M. [Repetition as an artistic technique in the Literature of the “weaving of words” style: concerning the issue of borrowing hymnographic tropes] *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta*, 2021, vol. 43, no. 3, pp. 92–101.
- Timokhin V. V. *Poetika srednevekovogo geroicheskogo eposa: povtor, antiteza, tropy*. Dis. dokt. filol. nauk: 10.01.01 — russkaya literature [Poetics of the medieval heroic epic: repetition, antithesis, tropes. Dr. litt. sci. diss.]. Moscow, 2000. 440 p.
- Vasilik V., diak. «I priide v Nevu, shatayasya bezumiem»: nemtsy i shvedy v «Zhitii Aleksandra Nevskogo» [“And came to the Neva, staggering with madness”: Germans and Swedes in the Life of Alexander Nevsky]. Available at: <https://pravoslavie.ru/57907.html> (accessed 15.01.2021).

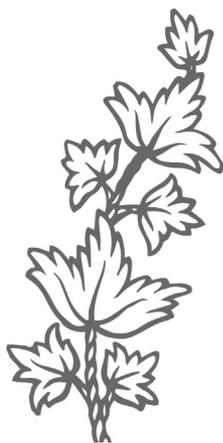
РЕЦЕНЗИИ  
И ОБЗОРЫ

---

IV

---

REVIEWS





## РЕЛИГИОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕФЕРАТИВНЫХ БАЗАХ ДАННЫХ

**Мария Александровна Пильгун**

*Доктор филологических наук, профессор,  
ведущий научный сотрудник;*

*Институт языкознания РАН (Россия)*

*pilgunm@yandex.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_199

---

**Аннотация.** В работе представлена первая часть обзора научных журналов, посвященных религиозным исследованиям в международных реферативных базах данных и системах цитирования. Приведено краткое описание трех журналов («Sociology of Religion», «Journal of Management, Spirituality and Religion» и «Journal for the Scientific Study of Religion»), которые возглавляют рейтинг в категории «Religious Studies» в базе данных Scopus.

**Ключевые слова:** религиозные исследования, международные базы данных, Scopus.

## RELIGIOUS STUDIES IN INTERNATIONAL ABSTRACT DATABASES

**Maria Alexandrovna Pilgun**

*ScD in Philology, Professor, Leading Researcher,*

*Institute of Linguistics (RAS) (Russia)*

*pilgunm@yandex.ru*

---

DOI: 10.55398/27826066\_2022\_1\_199

---

**Abstract.** The paper presents the first part of a review of scientific journals devoted to the religious study in international abstracts and citations

databases. In the manuscript provides a brief description of the three journals (Sociology of Religion, Journal of Management, Spirituality and Religion, and Journal for the Scientific Study of Religion) that top the Scopus ranking in the Religious Studies category.

**Keywords:** religious studies, international databases, Scopus.

Среди многочисленных международных реферативных баз данных и систем цитирования (Web of Science, Scopus, Astrophysics Data System, PubMed, MathSciNet, zbMATH, Chemical Abstracts, Springer, Agris, GeoRef и пр.) в российской практике получили в основном распространение Scopus и Web of Science.

Несмотря на неоднозначное отношение российского научного сообщества, именно наукометрические показатели коммерческих структур Scopus и Web of Science используются для оценки результативности научной деятельности, количественной оценки и сравнительного анализа научной активности, продуктивности исследователей и научных организаций. Примечательно, что соотношение значимости данных Scopus и Web of Science постоянно меняется: преимущество отдается то одной, то другой системе.

Разработчиком и владельцем Scopus с 2004 г. является издательская корпорация Elsevier. Базу данных Web of Science (ранее Web of Knowledge) с 2006 г. развивала компания Thomson Reuters, с 2016 г. система принадлежит основанной в том же году независимой американской компании Clarivate Analytics, управляющей базами данных, информационными системами и коллекциями интеллектуальной собственности.

Системы имеют различия в структурировании и обработке информации, в частности, в отличие от базы данных Web of Knowledge, в Scopus не используется понятие импакт-факторов, но применяется индекс Хирша.

В категории Religious Studies (относится к области Arts and Humanities) в Scopus представлены 530 журналов, из них 132 относятся к первому квартилю и 129 журналов — ко второму<sup>1</sup>. Наибольшее количество статей, в соответствии с рейтингом журналов Scimago (Scimago Journal Ranking),

---

<sup>1</sup> Квартиль используется для выделения категорий научных журналов с наиболее высокими библиометрическими показателями. В результате ранжирования каждый журнал попадает в один из четырех квартилей: от Q1 (самого высокого) до Q4 (самого низкого).

издается в США (43 153 документов), Великобритании (14 187) и Германии (6603). Российская Федерация находится на 14-м месте (1795) и представлена четырьмя журналами: «Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология» (78-я позиция в категории Religious Studies), «Slověne — Slovĕne. Международный журнал славистики» (120-я позиция), «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (129-я позиция) и «Вестник Свято-Тихоновского университета. Богословие. Философия. Религиозные исследования» (237-я позиция).

Журнал, который занимает первое место в рейтинге, — «Социология религии» (Sociology of Religion), с 1964 г. его издает Ассоциация социологии религии (Association for the Sociology of Religion) в Оксфордском университете (Oxford University Press) в США. «Социология религии» имеет достаточно высокие показатели: 99-й процентиль, рейтинг #2/491 (Arts and Humanities, Religious Studies), SJR 2020 — 1.861, SNIP 2020 — 2.196, CiteScore 2020 — 2.8). Как заявляют издатели, они стремились сделать журнал ведущим англоязычным изданием для публикации социологических исследований религии, а также определять наиболее актуальные направления в данной области. Статьи, опубликованные в журнале, были отмечены многими профессиональными наградами, в том числе Премией за работу аспирантов ASA Religion Section, премией за лучшие статьи Общества научного исследования религии [Whitehead, Perry, Baker, 2018] и наградой за работу аспирантов Общества научного изучения религии.

Наиболее цитируемой в журнале (на ноябрь 2021 г.) оказывается статья, посвященная анализу влияния социальных изменений, вызванных пандемией covid-19, на религиозные учреждения, общины и отдельных людей. Авторы изучают изменения религиозной жизни во времена «социального дистанцирования», разрабатывают эвристические подходы для выявления происходящих изменений, как религия продолжает структурировать социальную жизнь в частной и публичной сферах, а также в глобальном аспекте [Baker et al. 2020]. Большое внимание читателей привлекает статья, посвященная исследованию влияния приверженности христианскому национализму, ксенофобии и исламофобии на намерения американцев голосовать за Д. Трампа в 2020 г. Исследователи доказали, что при голосовании за Трампа на выборах 2016 г. главную роль играл христианский национализм. Символические границы, культурные рамки христианского национализма соответствуют социальным границам,

ограничивающим доступ к важным материальным ресурсам [Edgell et al. 2020]. Результаты исследования Joseph O., Baker J., Samuel L., Perry S., Andrew L., Whitehead A. подтверждают непреходящую важность христианского национализма для американских избирателей, однако указывают на некоторые важные изменения. Христианский национализм и антипатия к мусульманам оставались сильными и значимыми предикторами намерения голосовать за Трампа, между тем реакция на ксенофобию была выражена сильнее [Baker et al. 2020(b)].

Вторым в рейтинге находится «Журнал менеджмента, духовности и религии» (Journal of Management, Spirituality and Religion), который издается в издательстве Taylor & Francis (99-й перцентиль, рейтинг #3/491 (Arts and Humanities, Religious Studies), SJR 2020 — 0.966, SNIP 2020 — 1.698, CiteScore 2020 — 2.8). С момента основания в 2004 г. журнал объединяет ученых, изучающих духовные и религиозные аспекты управления и организации.

Наиболее цитируемыми в журнале оказались статьи 2014 и 2011 гг. В первой (просмотров — 1,793, цитирование CrossRef на 10.11.2021 — 82) изучается роль духовности и религиозности в сфере предпринимательства. Авторы делают обзор существующих на тот момент работ, выделяют основные направления исследований. Кроме того, в статье представлен план будущих научных изысканий, посвященных анализу влияния религии и духовности на предпринимательство [Balog et al. 2014].

Alan M. Saks в статье [Saks 2011] (просмотров — 6,169, цитирование CrossRef на 10.11.2021 — 104) описывает взаимосвязанность духовности в трудовой деятельности и вовлеченности сотрудников. Автор представляет модель, в которой три измерения духовности в трудовой деятельности (трансцендентность, сообщество и духовные ценности) связаны с вовлечением сотрудников через четыре психологических состояния (осмысленность трудовой деятельности, значимость на рабочем месте, безопасность).

«Журнал научного изучения религии» (Journal for the Scientific Study of Religion) (98-й перцентиль, рейтинг #7/491 (Arts and Humanities, Religious Studies), SJR 2020 — 0.941, SNIP 2020 — 1.523, CiteScore 2020 — 2.5) издает Общество научного изучения религии (Society for the Scientific Study of Religion) в издательстве Wiley. Журнал является мультидисциплинарным и публикует научные статьи, комментарии, обзоры

книг, посвященные социальным аспектам изучения религии. К публикации принимаются статьи, которые раскрывают актуальные современные теоретические и методологические подходы к изучению религии.

В одной из последних опубликованных в журнале статей [Malina, Hersh 2021] авторы проанализировали соотношение базы данных 130 000 американских священнослужителей 40 вероисповеданий и данные регистрации избирателей с результатами опросов. Исследователи, в частности, выяснили, что многие прихожане, особенно в консервативных церквях, не разделяют политических взглядов своего пастора.

Таким образом, можно заключить, что рейтинг Scopus в категории Religious Studies возглавляют журналы, посвященные анализу взаимоотношений «общество – религия», различных аспектов социальных проблем религии, роли религиозных организаций и духовных лиц в определенные периоды в разнообразных сферах жизни.

## Литература

- Baker J. O., Martí G., Braunstein R., Whitehead A. L., Yukich G. Religion in the Age of Social Distancing: How COVID-19 Presents New Directions for Research // *Sociology of Religion*. 2020., № 81 (4), pp. 357–370.
- Baker J. O., Perry S. L., Whitehead A. L. Keep America Christian (and White): Christian Nationalism, Fear of Ethnoracial Outsiders, and Intention to Vote for Donald Trump in the 2020 Presidential Election // *Sociology of Religion*. 2020. № 81 (3), pp. 272–293.
- Balog A. M., Baker L. T., Walker A. G. Religiosity and spirituality in entrepreneurship: a review and research agenda // *Journal of Management, Spirituality & Religion*. 2014. № 11 (2), pp. 159–186.
- Edgell P., Stewart E., Billups S. C., Larson R. The Stakes of Symbolic Boundaries // *The Sociological Quarterly*. 2020. № 61 (2), pp. 309–333.
- Malina G., Hersh E. The Politics of 130,000 American Religious Leaders: A New Methodological Approach // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2021. First published: 03 October 2021. <https://doi.org/10.1111/jssr.12754>. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jssr.12754> (accepted 05.11.2021).

*Saks A. M.* Workplace spirituality and employee engagement // *Journal of Management, Spirituality & Religion*. 2011. № 8 (4), pp. 317–340.

SCImago Journal & Country Rank. <https://www.scimagojr.com/>(accepted 03.11.2021).

*Sociology of Religion* <https://academic.oup.com/soarel/pages/About> (accepted 02.11.2021).

*Whitehead A. L., Perry S. L., Baker J. O.* Make American Christian Again: Christian Nationalism and Voting for Donald Trump in 2016 Presidential Election // *Sociology of Religion*. 2018. № 79 (2), pp. 147–171.









# СРЕТЕНСКОЕ СЛОВО

SRETENSKY WORD

№ 1 2022

Выходит четыре раза в год

Редактор	<i>И. Е. Ковынева</i>
Редактор английских текстов	<i>Н. Ю. Гвоздецкая</i>
Макет	<i>М. Ю. Мыскин</i>
Обложка	<i>С. Ю. Губин</i>
Корректор	<i>О. В. Грецова</i>
Верстка	<i>Н. Л. Харитонова</i>
Ответственный секретарь	<i>иерей Игорь Иванов</i>

Учредитель и издатель: Сретенская духовная академия

Формат 70x100/16 Объем 13 п.л. Тираж 200 экз.

Бумага офсетная. Зак. №

Подписано в печать 05.04.2022

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), тел. 8(499)270-73-59

Адрес издательства: 107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19, стр. 3

Эл. почта редакции: [journal@sdamp.ru](mailto:journal@sdamp.ru)

Сайт журнала: <http://journals.sdamp.ru>

Телефон: 8(499)490-12-23

